

ВАЙНАХ

Ежемесячный литературно-художественный журнал

9. 2011

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Министерство Чеченской Республики по внешним связям, национальной политике, печати и информации.

Адрес: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций

27 марта 2009 г.

Регистр. свид-во

ПИ № ТУ 20-00025

Журнал выходит с 1991 г.

Главный редактор –
Ахмадов

Муса Магомедович

Редколлегия:

Л. Абдулаев

М. Бексултанов

Л. Довлеткиреева

Р. Межиева

М. Музаев

С. Мусаев

Р. Талхигова

А. Шайхив

Рукописи принимаются редакцией в первом и втором экземплярах, а также на электронных носителях.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес редакции: 364051

г. Грозный, ул. Маяковского, 92

Тел.: 8 (8712) 22-32-45

E-mail: vaynah_az1@bk.ru

http://www.vaynah.at.ua

Журнал выходит один раз в месяц.

Журнал набран на компьютерной базе ГУ

«Литературно-художественный журнал «Вайнах».

Отпечатано в ГУП «ИПК

«Грозненский рабочий»

364021 ЧР, г. Грозный,

ул. Интернациональная, 12/35

Подписано в печать

5.09.11

В случаях полиграфического брака обращаться в типографию, указанную в выходных сведениях журнала.

Тираж – 2500 экз.

Цена договорная

Заказ № _____

СОДЕРЖАНИЕ:

ЮБИЛЕЙ

<i>Поэтан зевне аз</i>	2
Мохьмад ДИКАЕВ. <i>Даймехкан сурт</i> . Драма.....	3
<i>Дакаев Саидбекан – 60</i>	37
Саидбек ДАКАЕВ. <i>Нохчийн мотт</i> . Стихаш.....	37

ПРОЗА

Тауз ИСС. <i>Украденная Родина</i> . Главы из романа.....	13
Нодар ДУМБАДЗЕ. <i>Даималлин Гедал</i> . Романан дакъа. <i>Гочийнарг Маргоивили Султан</i>	27
Аслан ШАТАЕВ. <i>Письмо из будущего</i> . Повесть. <i>Продолжение</i>	41

ПОЭЗИЯ

Марьям НОХЧИЕВА. <i>Книги...</i> Стихи.....	57
Шемил ХАДЖИМУРАДОВ. <i>Даггара сан лерам хьуна!</i> Стихаш.....	74
Шамсудди МАКАЛОВ. <i>Перенести мне дай, Аллах!</i> Стихи.....	75
Али АЗДАМИРОВ. <i>И счастьем загорятся лица</i> . Стихи..	77

ГОЛОСА ДРУЗЕЙ

Гумер КАРИМОВ. <i>Чечня</i> . Стихи.....	24
Наталья ТЕНИЕВА. <i>Терпи, душа!</i> Стихи.....	62
Раян ФАРУКШИН. <i>Хлеб</i> . Рассказ.....	65

ДЕБЮТ

Саламбек АЛИЕВ. <i>Яха</i> . Рассказ.....	59
Луиза ЭЛЬМУРЗАЕВА. <i>Ведь стареет не дух...</i> Стихи.....	78

НАШЕ ИНТЕРВЬЮ

Магомед ДАДУЕВ: «Прометей» – родимое пятно моей биографии. Беседовал Ибрагим ХИЗИРОВ.....	79
---	----

ПУБЛИЦИСТИКА

Тамара БУРСАГОВА. <i>Духовно-культурное воспитание школьников в Чеченской Республике</i>	86
--	----

РЕЦЕНЗИЯ

Муса БАГАЕВ. <i>Место спорта в моральном облике чеченца</i>	89
---	----

И В ШУТКУ, И ВСЕРЬЕЗ

Ахмет ДЕНИСУЛТАНОВ. <i>Бенефис для парадоксов</i> . Афоризмы.....	93
--	----

КНИЖНЫЕ НОВИНКИ

Роза МЕЖИЕВА. <i>Чтобы свечу не задуло ветром</i>	95
---	----

К НАШИМ ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Сацита ИСРАЙЛОВА. <i>Свободный художник</i>	95
---	----

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И ПЕРЕВОДЧИКАХ.....

96

Поэтан зевне аз

Дикаев Мохмад кхузткьалгIачу шерашкахь нохчийн литературе баьхкинчу поэтех вара. Шен аз а, шен хатI а хиларца билгала вара иза. Цуьнан поэзи гергара яра нохчийн халкъан эшаршна.

Дикаевс поззехь яьхна гIулчаиш гинарг а, уьш декъалийнарг а вара нохчийн сийлахь яздархо Мамакаев Мохмад. 1962 шарахь араьяллачу «Орга» альманахан йовалгIачу номерехь Дикаевн стихаиш йовзуйтуши Мамакаев Мохмада яздора:

«Къоначу поэтан Дикаев Мохмадан аз хIинцале хьалха а хезна шуна, тхан хьоме дешархой, хIокху альманахан агIонаиш тIера дIа.

Тхан редакце еанчу шен хьалхарчу стихотвореница шен тидам байтира Дикаевс дешархошка. Цуьнан стих дуьххьара дуьйна а кIорггерчу ойланца, дуьйцучун нийса сурт а гуш язйина хуьлуш ю. Мохмадан биографи хIинца а йоца ю. Иза 1941-чу шарахь Соьлжа-ГIалахь вина. Кху гIаличуьра юккьерчу доржан 18-гIа школа чекхъяькхинчул тIаьхьа веана, кху сохьта Нохч-ГIалгIайн пачхьалкхан пединститутан 4-чу курсехь доьшуш ву и.

Ишттачу меттехь «некъ дика хуьлда хьан, сан къона накъост» олуш ду. Делахь а цу даица цхьабна суна лаьа Мохмаде ала: «хьайн деза декхар а хууш, цунна хьалха хьекъале, исбаьхьа жоп далан замано шуьйра некъ а, онда аьтто а нисбойла хьуна».

Амма дукха бах ца белира Дикаевн некъ, шен хьехамча Мамакаев Мохмад кхелхинчул тIаьхьа б шарахь бен ца вехира иза. Поэт дIакхелхира 1979 шарахь. ХIетахь цуьнан 38 шо дара. Вицвина вац иза халкъо. Цунна тоьшалла ду денна хеза цуьнан дешнашна яздина иллеи, журналашкахь, газеташкахь араюьйлу стихаиш, статьяиш.

Дикаев Мохмад, поэт хилла ца Iаиш, Iилманча а вара. Нохчийн халкъан мехкарийн эшарех болу цуьнан Iилманан болх тахана а шен мехалла яза бу.

ХIокху шеран сентябрь баттахь 70 шо кхаьчна Дикаев Мохмад вина. Оцу денца иза дага а лоцуш, оха зорба туху цуьнан «Даймехкан сурт» цIе йолчу, стихаишца язйинчу драмина.

Даймехкан сурт

Драма

Дакъалоцуш берш:

Бораха
 Арухъа – цуьнан зуда
 Лъома – церан кIант
 Атаби – церан лулахо
 Балу
 Леча – художник
 Оьрсийн поэт
 Оьрсийн совдегар
 Паччахъан полковник
 Паччахъан эскар. Юьртара нах.

*XIX бIешо.***I-гIа сурт**

*Арахъ Ia ду. Дарц хьовкху. Цуьнан
 буюрсачу угIарца боглуш бу Борахана
 шен кховлинчу чохъ, тIаьхъара илли а
 олуш, локхуш болу мерз-пондар.*

БОРАХА

Ма цIийза, дилха дог,
 Готгачу кийрахъ,
 Iаламца хъайна там
 Ца хилла бохуш;
 Там хилла ца лаьтта
 Башламан кортош,
 Аьхкенан йовхонна
 Аренаш изгIаш,
 Шайн курчу баххъашкахъ
 Букар дарц даьлча,
 Детгачу дорцана
 Ян дуьхъало йоцуш.

АРУХЪА

Хьо вохий ма хьовза
 Шийлачу кху дийнахъ,
 Паччахъан замано
 Хьийзош верг хьо цхъаь вац,
 Луралла хъан коча
 Дуьххъара деьна дац.
 ГIайгIанаш мел йолчо
 Шен гIайгIа ялхийча,
 Сийна буц якъаял,
 ГIайгIанаш хир яра,
 Баланах мел болчо
 Шен бала балхийча,
 Дьоду хи лакъадал,
 Баланах хир бара.

БОРАХА

ГIайгIано гIелвина,
 Со леткъаш вац хьуна,
 Балано оллийна,
 Узам беш вац хьуна,
 Ас дорцан доггаха
 МаргIала пIелг туьйсурш
 Вайн дайша декийна
 Пондаран мерзаш ду.
 Сингаттам совбуьйлуш,
 Ас тийна елхийнарг,
 Адамех къахеташ,
 ГIельелла оила ю.

АРУХЪА

Ма цIена хилла хъан
 Безамах дуьзна дог,
 Ма нийса кхетта-кха
 Ахъ тоьхна мажар-топ!
 Кхин хъалагIоттур вац
 Вожийна ахъ пурстоп,
 Кхин кура ловзур бац
 Ламанца цуьнан ког.

БОРАХА

Кхечарна а дицдийр дац
 Вай хъегна Iазапаш!

АРУХЪА

Сихалло са доккхуш,
 Собаро лам боккхуш
 Хилла, вайн дайша бах.
 Бекхамна сихвалар,
 Бораха, изхье дац,
 Собаре майралла
 Осала хетта яц.

*Чувозгу лулахо Атаби. Арухъа,
 царшиннан къамелана
 паргIато а юьтуш, чохъ а, арахъ а
 цхъацца гIуллакхаш деш лела.*

АТАБИ

Бораха, вайн юьртагъ
 Нах сиха хьийзаш бу,
 Пурстоьпо хьийзийнарш
 Юрт йита кечлуш бу.

БОРАХА

Муълхачу махкана
Дог реза шайн дина,
Уьш ГаьнтГахь глевттина?

АТАБИ

Бусалба вежарийн
Туркойн мохк хилла бах.
Цигахь ирс хиларе
Сатуьйсуш, боьлху нах.

БОРАХА

Массо д'авоьдуш ву
Я цхьаберш буьсуш бу?

АТАБИ

Пурстопо ницкъбинарш
Бу х'инца юрт юьтурш.
Уьш, хьуна ма хаьара,
К'езиг бац вайн юьртахь.

БОРАХА

Вай хийла дийцина
Къемат де х'ара ду,
Даймахках нах бовлар
Южаллел хала ду.

АТАБИ

Йиша-ваша вовшашна
Къинт'ера долуш ду,
Шийлачу маьхьарца
К'ант ненах къаьсташ ву.
Безамо хьаьстинарш
Г'орийна лаьтгаш бу,
Церан дог хууш верг,
Чурт санна, тийна ву.

БОРАХА

Даймахках ца вала
Ас йина ч'аг'ло ю.

АТАБИ

Ахь хьайна луьург дер,
Амма схьадуйцуш дерг
Инзаре хабар ду,
Вайн халкъах хир йолуш
Ши тоба ю бохуш.

Даймахкахь бисинчех
Керстанаш хир боху,
Бусалба дин дезарш
Д'аг'гур бу, ма боху.

БОРАХА

Вай хийла кхийрина
Къемат де х'ара ду:
Дин доцуш, мохк боцуш,
Вай дисахь х'ун дийр ду?

АТАБИ

Вайшиннан парг'ато
Паччахьан буйнахь ю,
Т'екхаьчу минотехь
Цо вайша войур ву.

БОРАХА

Южаллех кхийринарг
Ламанан леча дац,
Маршо ца кхийсинарг
Вайнаха лоруш вац.
Нана-мохк битина.
Сан ваха меттиг бац,
Дин къуьйсуш д'авоьдург
Даймахко сецор вац.

АТАБИ

Д'аваха хьала а г'оттуш.

Заманаш хийцалуш,
Схьадог'уш дуьне ду,
Х'оранна замано
Къастийна шен некь бу.
Паччахьан тоьпа к'ел
Со ваха кхуьур ву,
Ткъа х'инца ас лоьхург
Бусалбан маршо ю.

БОРАХА

Хьо, даймохк битина,
Д'аваха кечвелла,
Генара цхьа зурма
Хьан дагна хазьелла.

*Атаби д'авахале чуйог'лу Арухьа. Цо,
лулахочунна
Борахана аьлла дешнаш дукха новкъа
ца хетийта, г'иллакхехь къамел до.*

АРУХЪА

Юьртара лурвоьлларг
Дзавоьдуш Едал ду, –
Вайн мостагІ ницькь болу
Миколай-паччахь ву.
Ткъа цуьнца вай къийса
Цкъачунна клезиг ду.

БОРАХА

Дукха ю хьаннашкахь
Ерстина хьакхарчий,
Борз гича хотешкахь,
Кхералой, дахьолхуш.

II-гІа сурт

*Бораханан кертара гуш лекхачу
маьждиган мимар ю.
Салт дуьллу хеза юьртахь. Цахь ду
Арухий, Льемий.*

ЛОЪМА

Вайн юьрта беанарг
ХІун Іаьржа бода бу?
Юьртарчу маьждигехь
Дуьллуш дерг хІун салт ду?

АРУХЪА

Шайн гІийла хІусамаш,
Ца бевлла йитина,
ПаргІат шайн ког хеца
Мохк гаре сатуьйсус,
Шайн йоьхна ойланаш,
Бехк лаьцна, ца юьйцуш,
Діабаха кечбелларш
Бу декъала ца хилларш.

ЛОЪМА

Хьомсарчу несарша
Марзойн цІераш йохуш,
Доьхначу кху дийнахь
ХІун де ас, сан нана?

АРУХЪА

Со яла хьан делаІ,
Дог майра ва Льемий!
Доккхачу дуьнен чохь,
БІаьрг тоьхна, ладобгІча,
Хьол деза хІума дац
Хьо винчу хьан ненан.

Буьрсачу кху дийнахь
Махкана дІавала
Ца хила, хьох хІун дер
Бохуш, ас кхийина.

ЛОЪМА

Хьан дехар, хьан весет
Сан дагна деза ду,
Ахь бохург дина со
Вала а реза ву.

АРУХЪА

Аганан гІожа тІе
Пхьаьрсан дол сайн туйсуш,
Ас хьуна баййна
и хьена кІайн накха,
Хьакхин цІий санна,
хьарам бин ас хьуна,
Халкъан сий лардечохь
стешха кІант хьо хилахь,
Маршонан къийсамна
юьстаха хьо валахь!

III-гІа сурт

*Паччахьан эскарго лаьцна
Бораханан хІусамна.
Лахарчу эпсаршина юккъехь, Іаьржачу
шинаршина юккъехь къорза етт
санна, къаьсташ ву, нал санна волу,
паччахьан полковник.*

ПАЧЧАХЪАН ПОЛКОВНИК

Стигла вала стигал лекха ю хьуна,
Лаьттах вола латта бую ду хьуна,
Сан карахь ду хІинца хьо,
нохчийн къутІа!

БОРАХА

Елла яла хьо делаІ, паччахьан кІилло!
Стигла вала сан тІемаш
мажар-топ ю хьуна,
Лаьттах вола сан мІараш
дуткъа тур ду хьуна,
Со вада вина вац виначу сан нанас,
Хьо, тодакх, ядалахь, нагахь хьайн
кайалахь!

*Том болало. Борахий, Арухий,
Льемий мажар-тоьпаш етта
долало. Дуьхъала паччахьан эпсарша
а луьра тІом бо.*

АРУХЪА*(Тлом бешишехъ)*

Ирс долуш ма хилла
 Къийсамехъ белларш,
 Ямартчу паччахъна
 Яхъ ца луш эгнарш.
 Воха ма вохалахъ,
 Сан жима Лобма,
 Хъайн деца маршонан
 Тлеман юккъе г'олахъ!

ЛОБМА

Хъо шек ма ялалахъ,
 Со вина нана,
 Мостаг'ина кечийна
 Ас тлеман алу.

*Царшимма къамел дешишехъ,
 сийинна топ етташ,
 «Х'Ай, ж'Аб'елеш!»», «Х'Ай, йовсарш!»
 – бохуш, мохъ бетташ, сийна к'лур
 х'лоттийна волду Бораха.*

АРУХЪА

*Уггаре а тлеман хала киртиг
 т'ех'юб'ттиний
 хууш, йистхуьду Борахане.*

Дехар ду сан хъобга,
 Лобмин да, Бораха,
 Хъешана, махкана
 Ларийна вайн х'Гусам
 Мостаг'ичун мачане
 Цкъа а бех цаййтар.
 Тахана йовсарех
 Оза ма лолахъ,
 Хъайн берзан майраллех
 Эшна, гора ма г'олахъ!

БОРАХА*(Кхин а чог'ла топ т'ле а к'лур'еш)*

ЙоI хуьлда, Арухъа,
 Сох, воьхна, озалахъ,
 Майралла ца тоьгна,
 Со гора водахъ.
 Хъан корта хазбина
 Т'ам шуьйра кортали
 Ас тилла т'елоцу,
 Хъуна сох чекх са гахъ!..

*Луьра т'лом уггаре а ч'аг'абеллачу
 хенахъ,
 тарраш даьхна, мостаг'аина
 чухьолху Борахий, Арухъий, Лобмий.*

IV-г'ла сурт

*Генарчу Туркойн махкахъ кхерстаи
 лелаи ву Атаби а, Балу а, цхъана
 а юьртахъ охъахиьна ваха даго ца
 вуьтуш. Эххар а Нохчийчу бог'лучу
 некъа т'ле волу и шиь.*

АТАБИ*(мерз-пондарца)*

Иабржачу цу орцахъ гу лакха ва
 яьлла,
 Борз уг'уш ва хезча, и уг'у, моттара,
 Мацалла мацъелла,
 шен кийра ва бог'уш,
 Шен чонна ижонна
 суьйренга сатуьйсусш,
 И уг'уш ца хиллера
 мацалла мацъелла,
 Шен чонна ижонна
 суьйренга сатуьйсусш,
 И уг'уш ма-хилла,
 ардангах ва хаьдда...

БАЛУ*(дуьхъал или олуш)*

Вай дина ма хилла вай динчу
 наноша,
 Дуьненан ва кийрахъ дог
 дика ма хуьлда,
 аьлла,
 Кхоьल्लीна хилла вай
 ницкъ болчу ва Дала
 Дуьненан балина, яхъ йолу к'ентий!
 Вай Геса ду бохуш, вай Далла ца
 деза,
 Вай муьт'ахъ дац бохуш,
 паччахъна ца деза,
 Вай дале бели белар вай
 дина вайн наной,
 Ца хъийзо дарий вай
 цу гаур-паччахъо,
 Вай дина делара
 чергазийн кхелаша,
 Дуьйцуш хин дарий вай,
 дика дой ду бохуш...

АТАБИ

Там сийна олхазар,
 Хьо ду тхан дог гуш дерг,
 Хийрачу лаьтта тӀехь
 Барзделла хьобгуш дерг.
 Декъазчу кӀантера
 Декъазчу даймахке
 Маршалла дӀадалар
 Тхан гӀийла дехар ду,
 Тезетехь, ловзаргахь
 Диц ца дар весет ду.

БАЛУ

Атаби, Нохчийчоьхь
 Сатосу хан хилла,
 Цигара седарчий
 Кхузара а гуш хилла.

АТАБИ

ЖаӀуьнан шедаго
 ХӀинцца юрт гӀаттайо,
 Даймахко ха хорцуш,
 Мел генара хаало.

БАЛУ

Органан, Теркан хиш
 Шайн тулгӀеш идош го,
 ТулгӀенийн узамо
 Хийла дог деладо.
 Теркаца, Органца
 КӀур бийлла хӀусамаш,
 ЦӀе йоцуш, да воцуш,
 ДӀатесна гӀийла го.
 Наггахь цу ламанца
 ЖӀаьла угӀуш хаало,
 Шийлачу буьйсанна,
 И чу ца дерзало,
 Инарле, илланче
 И дӀа ца дигало –
 Тоьпах ца кхерало,
 Иллех ца Ӏехало.
 Шен жимчу ден хӀусам
 Цо луьра лар ма йо.
 ЦӀа варе и хьобжуш,
 Набаран суй ца бо.

АТАБИ

Мила ву сил чӀогӀа
 Цу жӀаьло ларвийриг?
 И дийцар деха ду,
 Вайнехан кхолламан
 Къайленаш цуьнца ю.

АТАБИ

Тапъаьлла ладогӀа,
 Балу, со кийча ву,
 Ма-дарра схьадийцар
 Сан хьобга дехар ду.

БАЛУ

Кавказан тӀом баьлла
 Дукха хан ялале,
 Вайн ярташ ягийна,
 Сийна кӀур баржале,
 Паччахьан векалшна
 Мохк караберзале,
 Совдегарш хьаьлхира
 Вайнехан ярташка.
 Мах бина, лург эцна,
 Уьш цӀехьа боьрзура,
 Ламанан нах бовза
 Уьш чӀогӀа гертара.
 Ахчанца сий эца
 Јемина уьш бара,
 Ахчано хӀилланца
 Дийр доцуш хӀун дара?!
 ЦӀхьа оьрсийн совдегар
 Мах говза беш вара,
 Нах Ӏехо, нах тило
 Цо локхуш шок яра.
 ЦӀкӀа нохчийн юьртара
 ЦӀа верза кечвелла,
 Ларчанийн барз бина,
 Аьрша дӀайиллина,
 Къовлалуш и волуш
 Цунна шен говрашна
 Юххехь кӀант ма гира;
 ТӀехьаьжна вархӀара
 Ваьлла ша хир волуш,
 Болатан бос болуш.
 Аьрзунан дог долуш.

V-гӀа сурт

*Оьрсийн совдегаррий,
 нохчий кӀанттий ву юьртан
 майданахь*

ОЬРСИЙН СОВДЕГАР

Хьо хьенан мила ву?

НОХЧИЙН КӀАНТ

Сан ден цӀе Бийболат
 Ю, оьрсийн совдегар.
 И вийна инарлел
 Майра и хиларна,

Юьртан юьхь, мехкан сий
Ттамехь цо лардарна,
Ткъа сан це Леча ю.

ОЪРСИЙН СОВДЕГАР

Нана юй хьан, Леча?

ЛЕЧА

Тпом хилча, тхан юьртах
Дисина хГума дац:
Я дитт дац, я тхов бац,
Я ловза майда яц.
Суо висна со юьртахь
Ден толлу жлаблица.

ОЪРСИЙН СОВДЕГАР

Хьо собца давагIахь,
Хьоме кIант хьох вина,
Лелор ву ас, Леча.
Мел деза ачча а ду,
ДIавижа кIайн мотт бу.
Махбан а, деша а
Хьуна ас Iамор ду,
Хьо собца давагIахь,
Хьох вехаш стаг хир ву.

ЛЕЧА

Жлаблина хIун де ас?
Собца и догIур дац –
Ден каш а, ден хIусам а
Цо цкъа а юьтур яц.

ОЪРСИЙН СОВДЕГАР

Вайшимма хьан жIаьла
Дицдарна кхерам бац.
Кест-кеста и хьаста
Ца валош со Iийр вац.

ЛЕЧА

ТIаккха со реза ву.

VI-гIа сурт

*Сихха винчу юьрта кхача гIерташ,
некъ беиш ву Атабий, Балуй.*

БАЛУ

Совдегар, кIант эцна,
Россах дIавахара,
Генара Петарбух

Лечина гуш яра.
Ламанан Лечина
И сирла лепара,
Цунна ша шахьарахь
Хийра стаг хетара.
Ша вьусий, ойланца
Органца уьдура,
Даймехкан маьлхан сурт
Дуьхьала хIуьтттура.
Цунна шен жIаьлин «гIалх»,
Узамаш хезара,
И тесна ша вахар
Ца ловш, дог лозура.
Цхьажимма хан яьлча,
И гIалех вуйлира,
Оьрсичо санна, цо
Оьрсийн мотт буьйцура.
Ткъа мах бан, лург эца,
И Iемаш вацара,
Цо ечу ойланца
Хьал лепаш дацара.
Цуьнан белш кхелина
Погонаш яцара,
Буй буьрса хобьуйтуш,
Карахь тур дацара.
Цо дуьххьар диллинарг
Даймехкан сурт дара,
Ша винчу юьртан юьхь
Ца йицлуш кIант вара.
Цо оьрсийн хIусам чу
Шен лаьмнаш далийра,
Органан тулгIенаш
ГIенаш тIе Iанийра,
ЖаIуьнан аренаш
Цо цIенкъа яржийра.
Ткъа нохчийн гIаланех,
Исмалойн цу бIаьвнех,
Ша вайн ца хетийта,
Шен гIовла чIагIийра.
«Сурт дилла цул говза
Дуьнен чохь стаг ма вац!» –
Бохуш, совдегаро
Тоьшалла ма дора,
Ша къарвеш стаг валахь,
Цо муьлхха а кхаь лора.
Лечин сурт ца девзаш
Махкахь стаг вацара,
Мел беза мах баларх,
И духкуш дацара.
Цецваьлла совдегар
КIант кхето хууш вац,
Лечин дог хууш верг
Илланча бен ма вац.

VII-гIа сурт

*Петарбух. Оьрсийн совдегаран
дакхийчу кьегинчу зала чохь ву
Лечий, оьрсийн поэттий. Леча,
лerrина тидам беи, поэтан сурт
дуьллуи ву.*

ЛЕЧА

И нохчийн верта тов
Хьобхь, сийлахь поручик!

ОБРСИЙН ПОЭТ

Хьан мехкан верта хьовх,
Собгахь-ма чоа тов...

Жимма оила айина.

Шун кьоман духар со
Обздачех хеташ ву.

ЛЕЧА

Баркал! Схьахетарехь,
Хьо вуьззина нохчо ву,
Хьан дерриг гIиллакхаш
Кьонахчех тера ду.

ОБРСИЙН ПОЭТ

Сан деган ойланаш
Кавказо якхийна,
Сан маьрша назманаш
Нохчаша хазийна.

ЛЕЧА

Хьо вевзина ца хиллехь,
ГIийла со хир вара,
Шийлачу кху шахьарахь
Дагах тIулг хир бара.

ОБРСИЙН ПОЭТ

Кавказе со вахале
Челакха дог долуш,
Дуьненах Iехалуш,
Ас хийла олура:
«ХIун до вахарх,
Дарцо ловзош хIорд хьан бацахь,
Дагна хилла хало яцахь?!»

ЛЕЧА

Хийла дарц левзина
Готтачу сан кийрахь,
Бакь, харц нах бевзина
Суна кху шахьарахь.

ОБРСИЙН ПОЭТ

Кхин мел уьш бевзар бу
Дог дело, дог делхо?!

ЛЕЧА

Адамийн гIиллакхаш
Харцоно хьийзош ду,
Обздачу гIуллакхаш
Хуьлуш берг бала бу.

ОБРСИЙН ПОЭТ

Кху гIалахь сингаттам,
Дохк санна, алсам бу,
Дагахь дерг лачкьийна,
Оьллина кирхьа ду.

ЛЕЧА

Кхузарчийн ойланаш
Юхкуш а, оьцуш а ю,
Мах алсам баккхинарг
Тоблла а, сийлахь а ву.

ОБРСИЙН ПОЭТ

И гуш со, ца Iалуш,
Дуьненчохь кхирстина,
Шелонах со уьдуш,
Йовхоне гIиртина.

ЛЕЧА

Ткъа Кавказ хьан дагна
Дарбане хиллий-ге?

ОБРСИЙН ПОЭТ

Цигахь нах стеган сий
Дан хууш ма хилла,
Цигахь бен сан сина
Маршо ца карийра.

ЛЕЧА

Хьан иллин шовдано
Дог цIена латгадо,
Яьржинчу цамгарех
Могашверг Iалашво.

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Дарбане хи дин ахь-м
Сан иллек, ойланех.

ЛЕЧА

ХIун хаба, ахь Кавказехь
Мийлина дарба-хиш,
Хъан иллин аз хилла,
Дуй зевне лекхалуш?!

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Хъо-м дашна а говза ву,
Суьрташ ца дийчича а.

ЛЕЧА

Делахь а поэто
Олу дош нуьцкъала ду,
Нахана, кица санна,
Девзаш а, дезаш а ду.

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Хъан суьрто дуйцуш дерг
Дашаца аьлла дац,
И тайпа говзалла,
Мах баларх, хуьлуш яц.

ЛЕЧА

Ахь суна тамана
И бахахь а, баркалла!
Цъхабакъду, сох цкъа а
Совдегар хир ма вац,
Цъхаьна а суьртах ас
Баьккхина мах ма бац.

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Бакъволу илланча
Хъалдолуш ваьхна вац,
Иллица гулдинчух
Цкъа а даьхний хилла дац

ЛЕЧА

Хъан сурт, кIант, диллина
Со ваьлла хьесап ду...

ОЪРСИЙН ПОЭТ

ХIун добху ахь цунах?

ЛЕЧА

Хъан сурт со духкуш вац,
Безамна хъуна бен
И дала сан йиш яц.

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Баркалла, хъан дог а,
Хъан мохк а бицбийр бац.
Царшинна ямартло,
Ас цкъа а йийр ма яц.

ЛЕЧА

Вайшиннан гергарло
Лар йоцуш довр дац
Гергарло лелийнарг
Цкъа а байлахь висна вац.

ОЪРСИЙН ПОЭТ

Со а цунах тешна ву.
*(Боккха кхаь хилла
Кавказехьа дIа а хъоьжуш)*
Дуьнен чохь эшарел
Суна деза хIума дац,
И эшарш – сан безам,
ДIаэца ахь, Кавказ!

VIII-гIа сурт

*Туркойн бекъачу махкахула некъ беи
ву Балу а, Атаби а.*

БАЛУ

Вичхъана мах бина
Совдегар кхеташ вац:
Леча шен цхъа а сурт
ДIадохка туйгуш вац.

*Атаби, леррина ла а дугIуш,
некъ беи ву
Балуна юххе а хIоьттина.*

IX-гIа сурт

*Петарбух. Совдегаран хIусам, зала
чохь.*

ОЪРСИЙН СОВДЕГАР

Хъо ахча, хъал, бахам
Дош хеташ кхиьна вац.
Ахчанал еза ахь

Лоруш ерг хIун ю-те?
Вайшиннах дуьненах
Ца кхетарг мила ву-те?

ЛЕЧА

Дуьненах кхеттал со,
Къежвелла, ваьхна вац,
Амма ас сайн вахар.
Кхечерчух хуьйцур дац.
Сайн ирсах, ойланех
Берахь со кхеттера,
Сан дезарш, гIайгIанаш
Ша-тайпа хиллера.
Массо а ойланел
Цхьаь еза лерина,
Массо а гIайгIанел
Цхьаь даго кхелина,
КIад ца луш, мал ца луш
Ас хийла некъ бина,
Цу дезчу декхаро
Къийсамна чIагIвина,
Со ницкъах ца эшош,
Лаьтта тIехь лелийна.
Сийлахьчу ойлано
Органца идийна,
Тезета, ловзарга
Шен хенна нисвина,
Аьрзуна тIам тоьхна,
Ламанца айвина,
Со винчу мехкан сурт
Сан даг чу диллина.
Совдегар! Бер долуш
Со хьайца дIавигна,
Гиллакхе кхетам луш,
Дас санна, кхий ахь.
Со махбан, лург эца,
Iамо хьайн чот йина,
Ахь эрна хан хийла
Собца ма яйина.

СОВДЕГАР

Ахь ишта хIунда бах?
Хьан хьесап долчунна
Хала дац бийца мах.

ЛЕЧА

Мах бийца вешар вац
Ламанца кхиьна кIант.
Берзалой угIучу
Буьрсачу буьйсанна
Вина кIант лелар вац
Аьршанца нах Iехош.
ЦIоькIалом, мохь тоьхна,
ГIаьттинчу Iуьйранна

Це яхна кIант гур вац
Къен, миска нах тилош.
Ламанан Iаламца
Кхиьна сан гIиллакхаш
Акхачех хетар ду
Хьуна хьайн амалшца.
Акха яц, цIена ю
Сан деган ойланаш,
Со вина Даймохк бу
Уьш цIена лагтийнарш.

ОБРСИЙН СОВДЕГАР

Ткъа муха кхиина
Даймахке хьан безам –
ВорхI шо бен хиллий хьан
И бовза а, дагалеца а?

ЛЕЧА

Суна-м ворхI де а
Тоьар дара биц ца бан,
Доллушехь ма долу
КIохцал ира – ду кица.
Ткъа сан мохк берана а
Дукха беззал сийлахь бу,
Цуьнан ницкъ, хазалла
Болатан лаьмнаш ду.
Уьш гича, кийрахь дог,
Лом санна тохало,
Паччахьан гIаланаш
Цо майра йохайо.
Уьш гича, юьртахой
Гулбелла суна го,
Цаьрца со къамел деш,
Iаш санна хетало.
Тхан нохчийн гIиллакхаш,
Шун поэт хууш ву,
Тхойшиннан ойланаш,
Шала йича санна ю.

СОВДЕГАР

Шун ойланех кхетар вац
Дела ша воцург,
Хьох вехаш стаг хир вац,
Ахь сурт дIа ца доккахь.

ЛЕЧА

Даймехкан суртан мах
Цхьаммо схьабелла бац,
Ткъа цхьаьнга и балалахь
Ас цкъа а мах къуьйсур бац.

СОВДЕГАР

Хун дала деза-те
Хъан Терках, Органах,
Шийлачу Башламах,
Жагунан аренах?

ЛЕЧА

Хьо кхета а ца воллу,
Сан хьоме совдегар!
Цхъаьнне а йиш хир яц
Схъадала ас доьхург.

СОВДЕГАР

Ткъа алий валахъа,
Хъал долуш дукха бу нах.
Церан ницкъ кхочур бу
Бала ахь боьхху мах.

ЛЕЧА

Хе-е, нохчийн клантера
Даймехкан сурт эца,
Дуьнен чохь хилла вац
Хъалдолуш совдегар.
Мел дукха деши аш
Хъалха схъаанадарх,
Ас шуна сурт дохка,
Совдегар, шеко яц.
Со винчу мехкан сурт
Оьцуш я духкуш дац.

Х-гIа сурт

*Шайн Даймахка, шайн хьомечу
юьрта ца кхочуш,
барзвелла некъ беш ву Балуй,
Атабий.*

АТАБИ

Ахь вуйцу нохчийн клант
Тхан юьртара хилла ву,
Цо диллина сурт гина
Бораха волуш ву.

БАЛУ

Шайга мел дийцинчо
И клант шайн ву олу,
Яхь йолчу нохчичун
Лечин дог ду олу.

АТАБИ

Дахъажахъ цкъа, Балу,
До лекхчу лам тIера
Тхан юрт гуш ма яра,
Цигара дIа, ког хецна,
Нохчийчоь Иуьлтура.

Самукъадаьлла, бIаьрхиш оьхуш.

Хьо-м хийца а ца елла,
Басах ца телхина,
Хьо гаре сагуйсуш,
Тхан бIаьрса гIелделла.

АТАБИ

*Верриг векхавелла, мерз-пондарца
илли ала волало.*

Туркойн махкахъ гIийла лелла,
Винчу махка со вогIуш ву,
Иуьйре юлуш,
Лам тIе вуьйлуш,
Сайн дай баьхна юрт лобхуш ву.

Хунда лобху ас ширделла
Берахьлера сурт,
Хунда суна хьо хазьелла
Сан дай баьхна юрт?

«Марша ва хьо», – аьлла, юьртахъ
Дуьхьалгьяла сан нана яц,
Берийн бераш
Даккхий хилла,
Царна, хьежарх, со вевзар вац.

Хунда вогIу со, къежвелла,
Лаха ненан чурт,
Хунда суна хьо хазьелла,
Сан дай баьхна юрт?

Нехан махкахъ Iалур доцуш,
Винчу юьртахъ сан дог ма ду,
Темаш доцу леча санна,
Даймохк боцург ма гIийла ву.

Хунда лобху ас ширделла
Берахьлера сурт?
Хьо хазьелла, хийцаелла,
Сан дай баьхна юрт.

*Балус а, Атабис а,
кхечара а цхъаьний
олучу иллица чекхийолу драма.*

Тауз Исс

Украденная Родина

Главы из романа

Книга вторая

Гора

Часть первая

Чахкири

21. Свет детства

Все чаще вспоминалось детство, и, чем дальше длилась дорога жизни, оно подступало все ближе и ближе, наряду с уменьшающимися временем и пространством. Удивительно, как неизнаваемо менялись местность, дороги, люди, время. Вот от этой автостанции детства до той дороги (он помнит, как сейчас) было так далеко, как к краю света, и он, сидя в сумерках с сельскими пацанами в ожидании последнего автобуса в село, смотрел, как зажигаются кругом огни, течет огненная дорога, и до нее было идти и идти. А сегодня между дорогой и автостанцией два-три шага. И совершенно иные люди суется на этом пятачке, да и во всем городе. Кажется, войны изменили даже генотип народа... Может быть, действительно, пространство сжимается, сокращается и время... а время жизни восходит... к вечности...

Детство было такое большое, бесконечное, солнечное... несмотря на то, что началось только после возвращения из ссылки... с того памятного дня, первосвета... И еще... детство было... цельным. Мир умещался в детском сознании целиком, нераздельно, весь, без единого изъяна... Такое восприятие мира даровало счастье полноты... счастье незнания... душевного мира... благодати... Потом... потом это глубоко цельное сознание начали расщеплять, пичкая сомнительными знаниями, делая из «каждого» «одинаковых». И детство утрачивало индивидуальность, вращая в толпу маленьких одинаковостей. Анси помнит, как жизнелюбивы, несмотря ни на что, были старики того времени. В них жило неутраченное детство, потому что они не знали стандартной промывки мозгов, когда сознание вогнано в клетку усредненного серого мирка. Очень редким одиночкам и бунтарям удавалось сохранить в себе чистоту, но и они бывали искалечены. Закон толпы жесток и признает только грубую силу и диктат. Любая заинтересованная система лепит немыслящую массу. Человек-толпа, общество-толпа – вот что страшно. Управляемый ящиком, он, вернее она, оно, теряет последние крохи сознания. Взамен возможности бесконечного развития ему всучивают эрзац – знание, информацию. И если соизмерить недавнее с сегодняшним, можно сказать, что процесс деградации человека стал лавинообразен.

Детство, как свет, как заря над полем жизни, и если нет света и зари, поле тускло и безрадостно. В долгой дороге жизни мы часто вспоминаем свет далекого детства. Живет, не меркнет он и светит нам оттуда, куда уже нет возврата, он восходит из наших душ и сердец, хранящих его незабвенное золотое сияние. Мир той поры был прост, чист и открыт. И сердца пели на празднике светоносной жизни. И были мы – дети.

22. Свидание

Вскоре в печати появилось сообщение о том, что лечившийся в Швейцарии после травмы на охоте в горах Кавказа мультимиллиардер Гадамож выздоровел и вернулся в РФ. Спустя некоторое время Анси получил от него письмо, в котором тот поздравлял его с избранием президентом Общества возрождения Чахири и заверял о всяческом содействии со своей стороны. Анси знал, что «содействия» подобного рода, как правило, ведут дело к провалу и именно для этого и предлагается эта «помощь», после которой в организации появятся подсадные утки и благополучно развалят начатое дело. Гадамож не был заинтересован в возрождении чего-либо и где-либо и, хорошо зная власть денег и силу интриг, убивал на корню любую светлую, чистую идею. Зная это, Анси вежливо отказался от его услуг, сославшись на то, что организация общественная. Гадамож был немало удивлен: впервые ему отказали – и в чем? – в это было трудно поверить, что человек отказывается от денег, от больших денег! Когда по приезду он узнал, что существует идея возрождения древнего духовного центра Чахири, эта весть заставила его впасть в глубокую задумчивость. Для него это было опаснее чего-либо, и надо было предотвратить осуществление проекта любыми способами, но что привело его в негодование – и здесь фигурировал этот тихоня, как его там... Анси. Этот человек становится все более опасен и надо безотлагательно принять меры по его компрометации и устранению. Но как убить свет, живущий в нем? Ведь со светом он неуязвим! Станный человек встал на моем пути... Осталось шаг, два до мирового господства... Нет... я его в топке сожгу, в море утоплю, но добьюсь цели всей жизни! Ненавижу! Ненавижу! Убить в нем свет, а потом и его! Убить! Убить! Истерика длилась весь вечер, в продолжение которого маленький, корявый человечек со страшным подобием лица метался по огромному кабинету, пока, наконец, не выпил лошадиную дозу успокоительного и не рухнул на диван, после чего раздался храп.

В полночь Гадамож проснулся и начал вспоминать последние события, ввергшие его в отчаянье. Он сидел на черном диване, сняв линзы, непривычные для темноты, и, уставившись в дальнюю точку, где горел уголек выключателя, начал поскуливать. Так он вызывал в особо трудные минуты дьявола, чтобы спросить совета. Через мгновение во мраке дальнего угла кабинета вспыхнули красные глаза и начали приближаться к Гадаможу. «Хороший час ты выбрал для общенья, но в чем беда, мой друг, и почему ты грустен?» – спросил дьявол, усаживая вскочившего друга и сам усаживаясь рядом. «Всегда меня спасаешь ты, мой благодетель! Безмерно рад я лицезреть тебя! Но если к делу, дело простое, встал поперек моей дороги человек, и я бессилен, пока в нем свет живет, не знаю, как мне быть, как мне убить вначале свет его, и уж потом его», – лязгнув челюстями и волнуясь, проговорил Гадамож. «Я помогу тебе, мой верный друг. Наушаты, нашептывать я буду мысли греховные ему, чтобы то и дело он принимал их за свои, пока не сломят изнутри и не сожгут они его. Давно испытан метод сей, понемногу человек сходит от этого с ума или кончает сам с собой!» – «Да! Да! Да! Да!» – воскликнул Гадамож, бросаясь к руке благодетеля и слюнявя ее в лобызаньях, и, слегка всплакнув, упал на колени. Друг, похлопав его по загривку, сказал: «Скоро, скоро... все будет наше! И по-нашему! Все!» – уверенно закончил он, приподнимаясь. Обе фигуры были еле видны во мраке, как тени. Гадамож опять припал к руке, и красные глаза дьявола, улыбаясь, растаяли в ночи вместе с тенью. Еще долго стояла сутулая тень у окна. Затем послышалось хихиканье. Тень, хихикая, выскользнула и вошла в соседние двери. Где-то хлопнули ставни, и вскрикнул ворон в ночи. И упала далекая красная звезда.

23. Проект

Со времени работы над проектом вокруг Анси появилось много разных людей. Прежде всего это были его близкие друзья Уча и Виса, а также ученые, писатели, художники, архитекторы, деловые люди и просто все те, кто понимал значимость предпринимаемого дела. Были и такие, кто ждал и жаждал единственно выгоды. Эти говорили громче всех и красивее всех и только мешались под ногами. Вот уж кто мечтал о деньгах Гадаможа и, не задумываясь, они сделали бы все, что он пожелает. Были и противники, разглагольствовавшие о том, стоит ли ворошить былое, строить на пустыре духовную столицу, доказывая при этом с пеной у рта, что Чахкири был обыкновенным аулом, а то и хутором и ни тогда, ни сейчас не представляет абсолютно никакого интереса. Эта партия состояла из вечных противников всего и вся. Они готовы были доказать, что солнце встает с запада, а звезды светят днем.

Важно было, чтобы начатое дело стало достоянием народа, и идея стала понятна и близка всем, как начало возрождения страны. И Анси спокойно и целенаправленно работал вместе с Учей и Висой, и работа их давала реальные плоды: о проекте заговорили, он стал предметом широкого обсуждения, идея становилась общенациональной. Вскоре Анси пригласили на прием в правительство, где предложили подготовить весь пакет документов проекта с тем, чтобы включить его в государственный бюджет следующего года. При этом было оговорено, что реализацию проекта надо рассчитывать на длительный срок с учетом текущих обстоятельств. Самый трудный этап был пройден. Впереди была работа, работа, работа. И Анси с единомышленниками с головой ушел в нее. Через месяц с лишним весь пакет документов был готов, и Анси, еще раз тщательно все проверив, позвонил в правительство. Его приняли и взяли документы на исполнение. С этой вестью Анси вернулся к друзьям, и радости их не было предела. Это была победа! Однако все понимали, что это только начало больших трудов. Тем временем все еще приходили люди со своими предложениями и мыслями по поводу проекта, и все значимое фиксировалось с тем, чтобы стало впоследствии достоянием всех. Работа кипела, и все были готовы заниматься делом хоть двадцать часов в сутки. Больше всех радовался Виса. Уча был, как всегда, спокоен, только морщин на лбу прибавилось и глаза блестели по-молодому. Тем временем в правительстве приняли решение сначала построить обсерваторию. На весну была намечена торжественная закладка в Чахкири здания национальной обсерватории. Все ликовали, люди поздравляли друг друга с этой радостной вестью. Также правительство планировало со временем переместить всю научную и творческую базу в Чахкири. Анси удивлялся, как быстро все решается. Все стало ясно, когда ему сказали, что отдел науки и культуры в правительстве возглавляет Убайд! Об этом он узнал совершенно случайно, и теперь осталось выяснить в приемной его телефон. «Он недавно вернулся из командировки и никогда на месте не бывает», – сказали ему, давая телефон Убайда. Вот почему они до сих пор не встретились! Этот непоседа мотается по всей стране и между тем в курсе всех дел. Вот сюрприз, и для него будет неожиданностью. То-то он будет рад!

24. Встреча

Убайд сразу узнал его по голосу и, рассмеявшись, затащил песню их детства и сказал, чтобы он срочно приехал к нему. Оказывается, он был в длительной командировке и только неделю назад вернулся, но, даже будучи вдалеке, держал связь с помощниками и руководил процессом. Они крепко обнялись и, расспросив друг у друга обо всем, приступили к делу. На стене кабинета висел их проект, исполненный Висой. «Ну что ж, дружище, – сказал, смеясь,

Убайд, – не получилось в детстве с бассейном, так построим поболее бассейна, а если серьезно, то это здорово. Сказать честно, у меня тоже вызревала такая же идея, спасибо вам, что преподнесли готовую. Конечно, время трудное для культуры, приходится убеждать, доказывать, идти на компромиссы, но в целом есть понимание, что возрождаться народу надо с азов духовности и культуры. Будем двигаться в этом направлении». Анси рассказал, что идея эта Учи и его внука Висы, а он по их просьбе возглавил это дело, и вот, благодаря Убайду, оно неожиданно получило такое развитие. Друг детства был безмерно рад, что идея пришла из народа, и попросил обязательно познакомить его с Учей, в этом он видел знамение судьбы, сведшей их в этом прекрасном, как он выразился, деле. Полное осуществление проекта, по мнению Убайда, должно было занять не меньше десяти лет. Анси согласился и, подумав, спросил: «Как, по-твоему, что надо сделать прежде всего?» Убайд, не раздумывая, ответил: «Сад». Они рассмеялись в один голос. «Осуществление этой замечательной идеи стоит жизни, все, что в нас есть, надо вложить в это дело, думаю, работы нам с тобой и всем хватит, – уверенно сказал друг. И добавил, глубоко задумавшись: – В этом проекте наше спасение, в нем заложена потенциальная возможность развития, именно то, чего нам явно не хватало. Думаю, последует ошутимый рывок во всем, народ внутренне готов к нему, сознание созрело. Бог даст, и мы с тобой увидим это. Обязательно», – заключил он. «Я часто думаю: удивительно, как Уча, будучи безграмотным, смог так точно угадать чаяние, душу народа... А впрочем, что я говорю, ведь здесь образование не нужно, в нем, как на чистом листе бумаги, проявилась такая же чистая идея, и потом этот человек столько перенес, что другой вряд ли и выдержал бы, а ведь это испытание, закалка, опыт духа», – поделился Анси с другом. «Сколько в народе таких мудрецов, как правило, они молчат, а крикуны-болтуны тем временем сделали из патриотизма профессию и кормушку», – заметил Убайд. Они посидели еще, вспоминая детство. Анси было неловко отнимать у друга его рабочее время, и он, сказав, что его ждут, попрощался с Убайдом, договорившись о ближайшей встрече вместе с Учей и Висой. Шел он от друга окрыленный, воображая цветущий сад и отстроенный комплекс науки и культуры в возрожденном Чахкири. За делами он почти перестал писать, времени хватало только на черновые наброски, и сейчас ему хотелось засесть и написать рассказ из детства, или вот об этом дереве с набухающими почками. Как хорошо, когда в мире есть друг, понимающий тебя с полуслова, с которым ты делил солнце детства и который по-прежнему юн душой и ясно видит национальные проблемы и готов ради них к подвижничеству и работе до седьмого пота, чистый сердцем и умом, чуткий и дальновидный, бескорыстный и щедрый, истинно – человек с большой буквы. Настанет день, и сегодняшние планы исполнятся, и будет цвести юный белый сад, и белый город будет стоять на берегу реки у зеленых гор, под синим небом. И народ реализует, наконец, свои интеллектуальные и творческие возможности, сделает прорыв по всем направлениям, органично соединяя традиции и современность, в лоне открывшихся условий и возможностей, в создании которых принимаю участие и я. Время, время, как ты неожиданно и таинственно! И каждого ведет детская, юношеская или иная мечта. Дай Бог, чтобы светлые мечты всех осуществились.

25. Стихия

Море снова и снова стирает письма на песке, толстые, словно остатки парусов после бурь, паутины летят высоко, в сторону Эллады, гигантское темно-синее излучье горизонта вибрирует, течет, ослепительными посохами встают осколки солнца, прыгают, исчезают и тут же вырастают рядом светоносным ливнем, и снова прыгая, тает, встает, тает, встает, тает, встает алмазный свет

из синих хлябей... Море пустынно который год, который год, истосковавшееся по белому парусу и кораблю, оно ждет их, так же, как и человек на берегу. А человек ходит по берегу вечность, высматривая белый парус, белый корабль и пишет посохом письма на холсте влажного песка, и море читает их и снова стирает, и оба ждут, тоскуют о белом парусе, море выносит на золотой берег, на длинных волнах пенящиеся сады, пены тают, ткнут узоры на отшлифованном морем берегу... После идет человек в поле собирать тишину под небом молчаний и все смотрит туда, где горы сплошной цепью стоят высокой преградой, стеной, швом, шрамом, и видит белых птиц, кружащихся над далекой рощей, в ранах заката... А на той стороне прорвавшееся сквозь кущи солнце прощается, слепя, истекая светом... Долго, долго ждет человек чего-то, стоя один в поле, но по-прежнему лишь тишина венчает его ожидание, свет тает, всюду ложатся тени, веет прохладой... И снова не сбылось... идет человек медленно к ночлегу, прощаясь каждым шагом с днем прошедшим, впереди звезды и сон... утро... Дрозд с вышины истязает длинной песнью...

...Ошалевшее время казнит неумолчным ревом, яростью, громом... Гулом ходит земля, так что кажется вот-вот развернется, человека шатает, и солнце снова бежит к закату... Сердце слушает далекую Родину... Вернуться туда... в детство... когда все было настоящим... На холмах сквозит осенний ветер, собирая урожай листьев и гнезд... Буря играет с морем... свет трепещет, горит, не пена, а пыль летит с волн, ветер верещит, стонет где-то в вышине или в глубине вздыбившихся хлябей... Человек, опаленный стихией, заново рождается с первозданной силой, просыпается к новым вершинам, к новой жизни...

Весна врывается однажды утром в сердца людей сквозь череду снов, и, как реки в ледоход, сдвигаются в людях миры, рождаются песни, меняются цвета и краски... И оживает мир для юности, и снова расцветают лица, деревья, цветы... В синем поле всходят свежие злаки... Струится светлый эфир... Течет, бурлит зеленая кровь весны... Слетаются птицы со всех уголков земли строить гнезда... И сеятель кладет в пашню семена... А человек, не веря своим глазам, видит белый корабль под белыми парусами, идущий между ним и горизонтом, и море несет его, пенясь и радуясь...

26. Поездка

В печати и на телевидении началась шумная кампания против проекта «Чахири». Этого следовало ожидать: влиятельные люди, лоббирующие интересы Гадаможа, были во всем мире. Осуществление проекта значило ослабление их влияния, а то и вовсе сведения его на нет, и поэтому кампании старались придать вид защиты национальных интересов. Цикл передач и рубрики так и назывались «Национальные интересы». Люди, как правило не имеющие отношения ни к науке, ни к культуре, ни тем более к национальным интересам, вещали с экранов и газетных страниц о том, что проект носит мелкий характер, что он вреден и даже опасен в своих возможных последствиях при (не дай Бог!) его осуществлении. Главным аргументом выдвигалась мысль о том, что сейчас не время заниматься второстепенными задачами и тратить на это народные деньги. В общем, в активности всей этой братии, купленной на корню, не было ничего удивительного. Они отработывали свое. В разгар кампании Убайд позвонил Анси и сказал, что беспокоиться не надо, он готовит свое выступление, в котором расставит все точки над «и». Передача Убайда не оставила камня на камне от всей разошедшейся в громких словесах кампании. Всем ее участникам ничего не оставалось делать, как только замолчать, а некоторым пришлось приносить извинения за свои «ошибки». Словом, в этом поединке Убайд одержал блестящую победу, во многом благодаря своему уму и

ораторским способностям. Анси позвонил другу и, поблагодарив за поддержку, поздравил с убедительной победой. Убайд попросил устроить ему встречу с Учей и Висой.

В ближайший выходной день Анси с Убайдом ехали в село к деду с внуком. Убайд был в приподнятом настроении и все расспрашивал об Уче. Издалека показался белый дом с башней, и Убайд, засмотревшись, сказал: «Ты представляешь, какой красивый будет Чахкири – белый город в окружении сада?!» Анси, радуясь за друга, ответил: «Сказка наяву!» Уча с Убайдом сдружились с первых же минут знакомства, как в свое время с Анси. Виса несколько стеснялся, но вскоре, когда речь зашла непосредственно о проекте, увлекся и взахлеб рассказывал о своем первом детище. Убайд внимательно слушал подробности и в конце задал вопрос: «А как, по-твоему, не начнут ли люди после Чахкири строить из местного материала – белого камня?» На что Виса, не задумываясь, ответил: «Уверен!» – «Представляете, белые города, села!..» – восторженно воскликнул Убайд. – Все возвратится и будет как в былые времена!» – «Да, – задумчиво сказал Уча, – не думал я, что доживу до такой счастливой поры» – «Получается, что мы – первопроходцы», – полусмущенно произнес Анси. «Первопроходец – Уча, а мы – второпроходцы», – сказал Убайд, и все рассмеялись. «Все как-то само по себе произошло, – проговорил Уча, – из детских воспоминаний». – «Все хорошее дарит детство», – мечтательно произнес Убайд. Уча пригласил гостей на башню. Открылось все село, тоже израненное войнами, но не так сильно, как Ирзо. Они долго стояли, коротко переговариваясь, засмотревшись на далекие белые вершины. «Через год, с Божьей помощью, откроем обсерваторию, – тихо произнес Убайд и добавил: – Нашу первую ласточку, – И чуть погода бросил: – Собаки лают, караван идет». Уча хотел, чтобы они остались, но Убайду надо было рано утром ехать в далекий райцентр, и невольно хозяину пришлось отпустить гостей. Прощались, как родные, особенно Убайд с Учей. Поздней ночью друзья возвращались отдохнувшие, полные впечатлений. «Послушай, а ведь такое могло придти только к Уче, кристально чистому человеку», – уверенно сказал Убайд, вырывая на трассу. «Конечно, – согласился Анси, – ведь он, можно сказать, его выстрадал всей своей жизнью». – «Дай Бог нам побольше таких людей», – вздохнул Убайд. «Амин», – добавил Анси.

27. Фелица

Фелица Аркадьевна Ульчицкая состояла в давних дружеских связях с Гадаможем. Жила она на широкую ногу и была известна лишь в узком кругу. Самые щепетильные проблемы решались ею с невероятной легкостью, за что прозвали ее среди своих Ловчихой. Нрава она была бесшабашного, веселого и внешности весьма привлекательной. В разговоре за чашкой кофе давний друг поделился с ней своей, как он выразился, «проблемкой». «Только и всего? – весело изумилась бой-дама, узнав об Анси, и небрежно продолжила: – Обломаем, куда денется! Есть у меня одна свеженькая пэри!» Решили техническую сторону: устроить международный литературный симпозиум под громким названием, участником которого будет и Анси, а на нем все устроить. Наметили и сроки – весна этого года, май. Как всегда, получив задание, Ловчиха в предвкушении удачной охоты была взбудоражена, особенно ее влекли трудные «темы». Вот и сейчас она мысленно строила свои козни, и глаза ее приобрели блеск азарта. «Душенька, – сказал ей на прощанье друг, – я верю в твой гений», – и, оставив на столе чек в кругленькую авансовую сумму, галантно поцеловал ручку в бриллиантах. Фелица проводила друга, загадочно улыбаясь, и весело ему подмигнула. Судя по авансу, дело действительно было далеко не из легких, но легких и не бывает у ее клиентов. Она решила завтра

же начать «работу» с Лореной, нацеливая ее только на задание Гадаможа. Здесь можно поймать «золотую рыбку». Лорена – клад, давно искала такую «девочку» и вот нашла-таки, «девочка» действительно необычная: Шекспира наизусть знает, а характер, как у агнца, о внешности и говорить не приходится – ослепительна, и всего девятнадцать лет! Нет, ее надо беречь только для таких случаев. Эх, все думают Фелице все нипочем, а знали бы, что по ночам не сплю, таблетки глотаю! Вот поработаю еще годик-два и уеду... нет, не на виллу и не на острова какие-нибудь, не-е-ет, в деревню к себе, петухов слушать да молочко парное пить, хватит, навидалась на своем веку! Надо же хоть остаток жизни по-человечески пожить! Дом у реки поставлю, баньку, печь большую с изразцами и заживу на просторе, на природе, волюшке... Сорок лет прожила в суматохе, и довольно, еще чуток...

Такие мысли приходили к Фелице Аркадьевне чуть ли не каждый день, но проходили годы, и она почему-то никуда не уезжала и все больше втягивалась в азарт столичной жизни и, бывало, плакала по ночам, кляла свою жизнь, но поделаться ничего не могла, и мечта так и оставалась мечтой. Она аккуратно положила чек в портмоне и глубоко вздохнула. И мысли ее начали привычную гонку: «Интересный случай, – подумала она, снова возвращаясь к заказу Гадаможа. – Здесь нужна очень тонкая работа». Она нажала кнопку светильника, и в полумраке высветилась фигура арапчонка с цветным тюрбаном на голове и трижды проговорила: «Ницо! Ницо, Ницо!» Это была ее любимая игрушка. Фелица громко рассмеялась и принялась к огромному букету «мраморных» роз, стоящих в корзине. Ее любимый цвет с молодости. Вот ведь как бывает, приехала в столицу голенькая, набедовалась вначале, потом, из-за ее красоты и характера, женился на ней директор универмага, мужик в годах. Пожили они пять лет, мужа посадили, он там схватил воспаление легких и умер. Осталась она молодая да красивая одна. Замуж она больше не вышла... Начались перемены, открыла свое дело и постепенно сузила круг клиентов. Нет, все равно она уедет, вернется к себе в деревню и отмолит все грехи... Часы аккуратно пробили одиннадцать ночи. «Никуда сегодня не поеду», – решила она и пошла принимать душ.

28. Время Рынка

...Ежедневно палач жаловался с экрана на свои жертвы, обвиняя их в непослушности, агрессивности и во всех остальных смертных грехах. На жирном одутловатом лице ходили мясистые губы, и в ничего не выражающих шелках глаз проскальзывала иногда тревога. Показывать жертвы, а тем более давать им слово, было категорически воспрещено... вос – прещено... вос – пре – шено... как того требовали высшие... выс – шие... выс – ши – е... интересы. Палача сменяла обаятельная тележрица, сходящая с куклой, ласкательно-сочувственно говорящая о роли палача в обществе и обиженно надувающая губки, сообщая страшилки об агрессивности жертв. Палача, как правило, интервьюировали с рабочего места, напоминающего своим антуражем трудные, но славные годы битв с мировой гидрой ...изма. Эти минуты были самые дорогие на ТВ для рекламных зазывал, здесь все было научно просчитано – именно сейчас особенно активный адреналин положительно воздействовал на восприятие зрелищного ряда в подкорках масс. Из года в год, изо дня в день ящик неустанно работал: страшал, развращал, зазывал, развлекал. Демократическое торжество ...изма, многожды помноженное на деньги, было очевидно.

...Молодые люди с крепко сжатыми челюстями (дело!) и уставившимися в пространство глазами (деньги!) необыкновенно быстро (время!) носились по городам и весям. После долгого ожидания ...изма из-за горизонта появилось жадное, жестокое, ненасытное существо, несущее в своей чудовищной утробе миллионы бацилл, коими люди заражались мгновенно и, мгновенно меняясь,

устремлялись в нескончаемые бега. Думать было некогда, паническая жажда обладания отнимала время, силы, мозги. Это было похоже на мор или же мировую войну, когда абсолютное большинство людей, впад в странное самозабвенье, выживали, выживали, выживали... Огромное количество зараженных чудовищем людей покупали, передвигали, потребляли залежалые товары с запада и востока в пространстве бывшей «необъятной» вперемешку с войнами, драками, через таможи, блокпосты, шлагбаумы, бэтээры, танки, автоматы... Основным транспортом передвижения товаров была незабвенная тачка, несколько видоизменившаяся со времен строительства ...изма. Если тогда тачку толкали, то сейчас тянули. Строили ...изм, получился рынок, и рынок торжествовал.

...Горы казались цепью пирамид в закатном солнце, появившемся после нескончаемых туманов. Во время, равное мгновенью, линии гор выделялись особенно резко – там, где проходила граница света и тьмы. Огненные, словно лава, облака медленно сгорали вслед ушедшему солнцу. Закатное время было особенно ощутимым, наглядным, острым – драма вершилась во вселенских масштабах... и падала тьма... и зажигалась большая яркая пастушеская звезда... Город расцветал, зажигая тысячи разноцветных огней... Над далекими холмами вокруг города пульсировали газовые факелы... Таинственный, непостижимый мир жил без конца и без края, отзываясь в сердце всеми красками, звуками, тишиной...

Розовыми факелами горела далекая белоснежная цепь гор, легшая, как длинные облака, вдоль всего горизонта... В мир и в город торжественно входило солнце с обратной стороны заката...

Анси заснул над рукописью... и слышал сквозь сон далекий, далекий зов...

29. Память

Сегодняшнее было предано забвению, помнилось только прошлое, увековеченное датами, на которые сходились по привычке, полученной в наследство, и, может быть, поэтому порой неразличимые даты, вехи, события казались или в самом деле были цепью одного нескончаемого времени, в котором таилось незабываемое, сокровенное, глубокое. Оно тлело веками, вспыхивая порой пожарами, и вновь стихало, чтобы снова прорваться всепожирающим огнем. Эта правда жила в душе народа, невысказанная, но живая, питая его помыслы и надежды, ведя сквозь все испытания, наделяя духовными силами, истиной, верой. Всеобщая память хранила народное бытие во все времена: в преданиях, песнях, сказаниях. Великие таинства и простые очевидности несло в себе житие народа из глубокой древности до дней наших, запечатленное также в его облике и в лице его земли.

Анси снова и снова учился у каждого дня, у каждой еле осязаемой, проникновенной черточки внимать сердцем голосу тишины, говорящей целительные слова, извлекая их из заточений и условностей суеты. Его память жила вместе с памятью народа, наделенная чутким даром смиренного упования. Память наделяла ошеломляющими фактами, открывающимися при внимательном, неторопливом созерцании мира жизни, наяву и во снах. Бессмертная, вездесущая, многомерная – она озаряла, давая новые силы в загадочном, необъяснимом пути в кругах жизни. И чем больше выпадало испытаний, тем шире она открывалась, раздвигая горизонты сознания. Каждый день, каждое мгновение, века и тысячелетия жили незримо запечатленные в вечности и в нетленной жизни народа. Анси ощущал это, чувствовал сердцем и душой. Это чувство или, иначе говоря, знание сердца важно и необходимо было запечатлеть, остановить, реализовать в быстротечной жизни. Именно поэтому работу над проектом и его воплощение Анси считал делом жизни. Его задачей было объединить коллективную память и коллективное сознание

народа в одном деле, в одном интеллектуальном труде, в едином порыве. Над этим он думал задолго до встречи с Учей, теперь же, когда рядом были и Уча с Висой, и Убайд, и множество других людей, готовых встать рядом, никакие трудности не были страшны. Всех их вела одна мечта, одно желание – воплотить память и знание народа в общем деле, возродить древнюю духовную столицу страны. Этим Анси и жил все это время. Он верил в необходимость и жизнеспособность начатого дела. Дни его проходили в кропотливой работе над проектом и его осуществлением. Каждый день приносил новые встречи, новые идеи, дополнения, идущие из памяти народа, и он принимал безоговорочно все, а потом, в ходе дальнейшей работы, что-то оставалось, что-то корректировалось, и в общем итоге складывалась наиболее полная картина народного сознания, ждущего воплощения в общем деле. Ушедшему с головой в работу Анси были безопасны наущения и прочие хитрости дьявола. Гадамож, которому соглядатаи доносили о каждом шаге Анси, думал: «Там, где бессилён дьявол, всесильна женщина». Его агентура продолжала плести интриги против проекта, готовя внезапный удар.

30. Друзья

Анси с Убайдом виделись редко, урывками и все мечтали съездить в родное село, отдохнуть от города, посидеть у реки детства, побыть одни. В один из весенних дней Убайд позвонил и сказал: «Все. Завтра едем в село». Ранним утром они ехали по дороге, знакомой до мельчайших подробностей, хотя две войны и изменили ее, но все же это была дорога их юности. Сколько раз вместе или же врозь они ездили по ней и сколько мыслей и мечтаний передумано в ней! По ней они ушли из детства в большую жизнь и вот, спустя вечность, едут по ней и, кажется, что возвращаются в прошлое, хотя оно недоступно и так далеко. Анси давно хотелось поделиться с другом всем, но откладывал для такого, как сегодня, случая, когда они спокойно могут быть целый день вместе. Убайд вел машину ровно и в предвкушении предстоящего отдыха еле слышно напевал незатейливый мотив. Они въезжали в горы, где с северной стороны стояли скошенные последней войной обездоленные леса. Внизу виднелись две реки, вытекшие из двух ущелий. Одна из них, правая, и была река их детства. На минуту Анси ее дорога показалась схожей с их, ведь она тоже уходит, вторя дороге, всегда уходит, утекает... никогда не возвращается... и всегда остается, только тогда, в тот черный день... дни... она обернулась... вспять... черная от горя... Да, река уходит... все время уходит... и... все время остается... странно... все в жизни просто и загадочно...

На околице остановились у родника, откуда виднелось родное село, медленно встающее из руин. Родник был новый, много их заглохло за две войны, а этот, текущий слабой струей, открылся не так давно. Все было то... и все было другое. Ушли в небытие, сожженное войнами Ирзо, лагерь, сад. Поляны в воронках от бомб заросли сорными деревьями, многие из односельчан разъехались по всему свету, осталась горсточка самых отчаянных. Повидавшись с родственниками, они выехали к противоположной окраине, где недалеко от реки была начавшая зарастать укромная поляна. Расположились на ней, напротив светло-зеленой реки, текущей, еще не успев разойтись на множество русел. Горы стояли покрытые желтыми и изумрудными пятнами цветущего кизила и лещины. Сверху от дороги бежал мимо них к реке единственно сохранившийся старый родник. Собрали валежник и развели большой костер. Решили, как в былом, приготовить мясо на углях. Сидели у костра, подбрасывая хворост потолще и посматривая на реку. Она говорила, а они молчали. Слишком много было на душе, чтобы уместиться в слова. «Надо строить будущее...» – проронил Убайд, подбросив в костер дрова. «И принять прошлое и настоящее, как данность, как точку отсчета в движении», – добавил Анси. Убайд внимательно

посмотрел на Анси и весело сказал: «Именно так!» И снова начала говорить река, а они слушали, и было хорошо от ее говора, и оттого, что они сидели рядом с ней, в родных горах, у костра, как в детстве... Как много изменилось в жизни! Детство их, юность и молодость остались в веке минувшем... В нем они познали и горечь чужбины, и сладость Родины, но разве можно было тогда даже помыслить, что она пройдет через две страшные войны и многие, многие жизни унесут они, и многих раскидает по белу свету?.. И вот мы сидим на берегу реки детства, и все вокруг вроде бы то же, и в то же время иное... Наверное, это мы становимся иными... Время, время, что ты делаешь с нами?... Время... время, что эта река... люди меняются, а время, пожалуй, и не причем... идет, как идет... своим ходом... «А ведь через два месяца будет полвека, как мы вернулись домой...» – сказал Убайд, раскладывая на розовых углях разрезанное пластами и круто посоленное мясо. Перед Анси мгновенно встали одна за другой картины: вот он вступает в золотой свет, идущий с голубых небес Родины, вот они собирают землянику на горных солнечных полянках, а вот они пустились в свой первый далекий путь и идут по летней дороге... вот по этой... неужели все это было?.. «Неужели все это было?» – повторил он вслух. «Да, – сказал, улыбнувшись, Убайд, – и скоро будет тому пять-десять лет, целая жизнь, – заключил он, вставая и всматриваясь в реку. – Я, пожалуй, пойду, окунусь», – сказал он внезапно и пошел к реке. Анси не удивился, так как знал, что Убайд мог купаться в реке в любое время года, он вспомнил, как в детстве Убайд, удивляя всех, брал в руки камень побольше и переходил реку по дну, и все следили, затаив дыхание, как он с большущим камнем в руках исчезает в реку и через время выходит из реки у того берега и проделывает то же самое на обратном пути. Никто так и не взялся повторить этот трюк, придуманный им. Анси, посматривая на шипящее мясо, видел, как Убайд плыл среди волн, забирая вправо, и вскоре вышел из реки. Река и Убайд были сродни друг другу, они дополняли друг друга, и каждый из них прекрасно знал характер, норы и повадки реки и человека. «Будто заново родился», – сказал Убайд, присаживаясь у костра. Мясо было готово и было вкусным, какой только может быть трапеза в горах, на воздухе, у реки. Убайд достал объемный термос и разлил горячий чай. Анси вкратце изложил другу про свои приключения с Гадаможем. Убайд внимательно слушал и с удивлением воскликнул: «Да ты, оказывается, кудесник, Анси! Прямую связь с космосом имеешь! – и добавил: – Надо быть предельно осторожным с этим типом! – И подумав, как бы про себя, сказал: – Ну и ну! Чудеса, да и только!» Решили, что Анси будет держать друга в курсе всех событий, связанных с Гадаможем, а что касается сокровищ, то этот вопрос, как они обоюдно согласились, надо всесторонне изучить и обсудить и только потом принимать окончательное решение. «Как наши друзья Уча с Висой? – спросил Убайд. – Соскучился я по ним, передай им маршалла, скоро увидимся, Бог даст, надо форсировать события и запускать обсерваторию». Они еще долго, до самого заката, сидели у реки, подбрасывая в костер дрова, вспоминая детство, строя планы на будущее... Когда в ранних сумерках шли к машине, над ближней горой появилось золотое облачко, летящее в сторону Белой горы. «Всадник!..» – радостно мелькнуло у Анси. Машина, набирая обороты, проехала родное село и пошла сквозь ночь по белой дороге вниз, на равнину.

31. Первый камень

Пятнадцатого апреля при огромном стечении народа состоялось торжественное открытие Чахири закладкой национальной обсерватории. Честь заложить первый камень была предоставлена Уче, который, смущаясь, неловко положил красивый белый камень в основании фундамента, после

чего Виса помог ему, и дед с внуком, выправив его, улыбаясь, стояли рядом, аплодируя вместе со всеми. Выступающих было много. В заключении краткую речь сказал и Убайд и затем, немало удивляя собравшихся, объявил: «А сейчас приглашаем всех на закладку сада!» Сад было решено разбить в несколько этапов. Сначала предполагалось посадить саженцы со стороны дороги, чтобы закрыть проезжую часть, а затем постепенно обсадить Чахкири со всех сторон и внутри. Первый саженец под несмолкающие аплодисменты посадила девочка лет семи с помощью Анси и Убайда, после чего десятки саженцев были разобраны и высажены в заранее выкопанные ямы. Получился красивый молодой сад. Уча с Висой сияли от радости. День был солнечный, яркий, вдали виднелись вершины, и среди них самой высокой сияла Белая гора. От нее текла и река, виднеющаяся от Чахкири, слившаяся чуть выше из двуречья и повесенному набухшая, готовая разбежаться на множество русел. Еще неделя, и она станет неузнаваемой.

После торжественной части начались импровизированные танцы. Невесть откуда взялась гармоника и заиграла, как в старые добрые времена, и в круг вышел один из старейшин, подавая пример молодым. Одна за другой выходили в ширящийся круг красивые пары, и было видно, что у людей настоящий праздник. Не утерпел и Убайд и показал свое искусство. Выйдя из круга и отдышавшись, он сказал Анси и Уче с Висой: «Пойдемте, хочу показать вам кое-что». Невдалеке, у кизиловой рощицы, они остановились около площадки, выложенной белыми плитами. «Рабочие расчищали территорию... нашли... но это еще не все, здесь же они нашли вот это...» – вынимая из кармана какие-то пластины, сказал Убайд. Видимо, площадка в белых плитах была полом одной из башен, некогда стоявших здесь, а керамические пластины с какими-то знаками, переходя из рук в руки, вызывали у всех неподдельный интерес. «Как видите, Чахкири уже дарит нам материал для размышлений, и есть, конечно, смысл провести этим летом раскопки, вполне могут быть интересные находки», – говорил Убайд, рассматривая одну из пластин. «Я хотел бы участвовать в этих раскопках, если можно», – порывисто сказал Виса. «Нет проблем», – ответил ему Убайд. Лицо Висы просияло. Уча сидел на корточках, внимательно рассматривая рисунок на одной из пластин. Анси, предположив про себя, что символы на пластине несут в себе какую-то загадку, стоял в середине расчищенного белого квадрата, и ему чудились на нем тоже какие-то знаки, рисунки, портреты, но это было всегдашним своеобразием его зрения. Вот проступило бородатое лицо древнего воина в шлеме, а вон в том углу какие-то письмена, составленные вязью красивых линий, а там орнамент. Чахкири... Вот и настал день твоего возрождения... и ты даришь нам первые вести... вместе с тобой возродится наш народ, его древняя культура... праздник, наверное, продлится до вечера... даже проезжие машины останавливаются и люди присоединяются к веселью...

Гумер Каримов

Родился в 1947 г., уроженец города Уфа Башкирской ССР. В 1975 г. окончил философский факультет ЛГУ, а в 1978 г. – очную аспирантуру. Автор 6 поэтических книг и романа «Девять жизней» (журнал «Царское Село», №5). Публиковался в журналах «Вайнах» (Грозный), «Бельские просторы» (Уфа). Лауреат Царскосельской премии. Живет в Санкт-Петербурге.

Чечня

*Моему другу
Мусе Ибрагимову*

Ты покорила сердце разом,
Седая, горная страна, –
Вершины гордые Кавказа –
Хмельная радость без вина.

Я был на родине у друга...
Недавно выйдя из огня,
Прошла по Аду круг за кругом
Многострадальная Чечня.

О Ангел – золотые власы!
Я видел древнюю икону...
И тот же взгляд был у Мусы,
Хотя Муса суннит исконный.

Не дав душе ожесточиться,
Мой друг так ясен, светел столь,
Что не узришь – как кровь сочится –
Незаживающая боль.

Аллах, скажи, что происходит
С моей российской землей?
Ведь нечего делить нам, вроде,
Мы жили дружную семьей.

Или распалась связь времен,
Господь страну мою оставил,
Грехом тяжелым оскорблен,
К другой земле свой путь направил?

Чему учили нас с тобою
На философском факультете:
Народы связаны судьбою,
Что неразрывны узы эти.

Что «историческая общность» –
Народ советский. Вот те на!
Вкралась в теорию неточность:
Бурлит огромная страна...

Но «дольше века длится день»,
И жить нам надо как-то дальше,
Без злого умысла и фальши,
Нагнавших туч, снимая тень.

Пандур играл, звала зурна,
Она легла на сердце разом,
Такая гордая страна,
Седая старина Кавказа.

Как братья, связанные кровью,
Мы обнялись. Прости же, друг,
И в то мгновенье понял вдруг:
С Чечнею связан я любовью.

Кошмарный сон

...И один и тот же сюжет:
Сну преград нигде не чиня,
Как немодный теперь сонет,
Все мне снится твоя Чечня.

Что же воду в ступе толочь?
На Кавказе давно весна,
Но под Питером белая ночь,
А мне снится в Чечне война.

Кадры в «ящике» просто жуть,
И опять смыкается круг...
Сколько ж можно один путь
Проползать через смерть, друг?

Пуля – дура. Скажи, Аллах,
В чем Мусы моего вина?
Просыпаюсь – холодный страх.
Бог с ним, только бы не война.

Черным вороном или демоном,
Не вошел он в дом, а ворвался.
У меня сегодня гость из Йемена
Мусульманин, араб оказался.
Волос густ был, курчав да черен,
А на родине его идет война.
Он не смугл, бледен, как Печорин,
И в России русская жена.
Ах, обижен на страну мою, обижен:
Здесь ограблен и бит был не раз...
Как я сильно Мухаммедом
пристыжен:
Чем скинхеды лучше, чем Хамас?

Десятый сон

И снится мне десятый сон:
Восток. Жара. Кричат арабы.
Торговцы.
Музыки клаксон
Многоголосой гаммой.
Как бы
Не Мекка – старый граммофон.
И храм.
Священный храм Каабы.
В одеждах белых, просвещен,
Молюсь, коленопреклонен,
Паломник. В хаджи посвящен.
Рукою глажу «черный камень»,
В душе горит священный пламень...
И вдруг счастливый голос мамин
Послышался из-за небес
Великим чудом из чудес.

Когда весь мир, презрев стихи,
Давно уж перешел на прозу,
Как Манделъштам, тоскующий по Федре,
Я провожал в последний путь эпоху.
Что было в ней? Классические шали
Не укрывали мрамор нежных плеч,
Там бесконечно женщины стояли
В очередях – по карточкам – за хлебом.
Там слишком часто люди умирали
От ран, от казней, голода и хлада,
Так часто, что и смерть вошла в привычку.
А в генофонде нации жил страх.
Встречали праздники с потухшими глазами,
Вступали в брак, как шли на эшафот.
Кроили мир в лоскуты старых платьев.
Везло на омерзительных вождей.
И, что при всем при этом было странно,
Хоть предпочтеньем музам были танки,
Рождались там великие поэты
И музыканты – гении гармоний.
И так сто лет игралась эта драма,
Похожа на комедию и фарс...
А Бог там был у Люцифера в замах,
И то – в опале. Где ж ему до нас?
...Пройдет и это.

Я перо отложу

Я окно распахну и прохладу вдохну полной грудью.
В звездном небе России не увижу созвездья Стрельца.
Как непросто, страна, ты скажи, как мучительно трудно
И любить, и жалеть, и страдать за тебя без конца.

Я перо отложу. В эту ночь непроглядную выйду,
Пожалею эпоху за отсутствие резвых коней.
И, вздохнув, оседлаю авто неказистого вида,
Передачу «врублю» и помчусь вдоль бескрайних полей.

И уйду-унесусь в эти звездные россыпи-дали –
Сын сожженных степей и Уральских обветренных гор.
Приоткроет глаза моя Родина в дреме-печали,
Я скажу: «Спи, Отчизна, я всего лишь поэт, а не вор».

В деревеньках твоих прожигая бензин свой без цели,
Светом фар пробивая дорогу сквозь ночь напролет,
Покажусь там и здесь то ли демоном, то ли метелью,
Лишь у сельских погостов сбавляя ретивый полет.

Пронесусь по селу пареньком, загулявшим с гармонью,
Попцелуем охальным в сны девичьи нахально вбегу.
И за волком степным ради шуточки ударюсь в погоню,
И красотку от мужа на погибель ее завлеку.

От красотки – куда? Чем себя позабавить на свете?
Не хочу в кабаки: над стаканом вовек не тужил.
Как и в детях, кураж – по-иному играет в поэте,
Потому что поэт в государстве – детей старожил.

Коль зайти в казино – перепутать всем шальные карты
И «везучих» в рулетку на забаву дотла разорить,
А под утро зайти к захмелевшему старому барду,
На два голоса с ним песней бурную ночь проводить.

Ты скажи мне, душа, что толкнуло тебя на дорогу,
Ни с того, ни с сего от тепла потянуло во тьму?
Но молчанье в ответ, только сердце забило тревогу:
Как Россию понять, если сам я себя не пойму?

Но когда улетучится ночь в сизой дымке рассвета
И огарок свечи до бесформенной жижи спалю,
Я перо отложу, ибо кончилось время поэта,
И хозяевам жизни весь их суетный день уступлю.

– Со витий ма гҀохьа, со дҀа ма тасахьа, хьомениг, – дехар дира цомгашчо.
– ХҀара хьостамаш схьа хьан дохур ду?

– Вукху бердан йистехь схьадохур ду! – геннара схьадаеара гила-кеманхочун аз.

Цомгашчунна бердан йистера кхин азнаш а схьахезара, амма иза ца кхетара царех. Я тҀаьхьара Јудикаяран азнаш дара уьш, я томана аьлла дешнаш дара, я белхарш дара?

...Тлаккха азнаш дҀатийра, дешна дҀадевлира, дҀадайра. Аьрта лазар а, сингаттаме ладегҀар а, йист йоцу хҀорд а, массара дҀа а тесна, хьостамашца гила-кеманах дҀалатийна хҀара ша висира.

– Веза-воккха Дела, Веза-воккха Дела, Ахьа хҀунда дҀатеси со? – шабарш дира цомгашчо. Амма сихха кхийтира и дешнаш, хҀокхо а доцуш, кхечу цхьамма аьлла хиларх, цундела Далла хезар дац уьш.

Ткьа гила-кема цхьана эшшарехь техкара кҀоргачу хҀордан яйчу тулгҀешна тҀехь...

Адамийн йоккхачу тобано гуо бира гила-кеманна.

– Вай Дела, хҀара пекьар хьостамашца дҀалатийна ма ву кхунах! – кьахийтра цомгашчух цхьанна, гила-кема бердан йисте дҀа а озош.

– Хьостамий схьадахийша, кхин детта са дац сан! – дийхира цомгашчо.

– Яшвили стенгахь ву? – хаьттира дуьхьала баьккинчех цхьамма.

– Со кхузахь ву!

– Схьадаха хьостамий!

– ЧҀога кҀорга ду уьш...

– Делахь-хҀета, вай массо тасалур ву. ХҀан... Цхьаь-шиь, схьаозий вай!..

«Везандела, уьш схьадаха ца дала там бара хҀокхарна?» – дагатесира цомгашчунна, куьг хьала а ойуш.

– Метгах ма хьиэ! – дагадайтира цхьаммо, тлаккха шенчаьргахаьа а вирзина:

– Кхин цкьа а тасало вай, цхьаь-шиь...

Кхин а эзар шо делира. Адамаша цергашца ийзадора хьостамий.

– ХҀун хуьлуш ду? – хаьттира лакхарчо.

– Хьалайолуш ю! – жоп делира вукхара.

– Мел?

– Кхузткьанга.

– Дика ду, тоьур ду пха беттабалар дустар. ХҀинца дагана тҀедерза.

– Пха беттабалар шовзткье итт.

– Гарехь, хьалхавели! – элира мониторан хьалха лаьтгачо.

– Чушерши! – доккха садаьккхира цомгашчо.

– ХҀун шерши? – цецваьлла хаьттира лотьро.

– Чкьург шерши! – элира цомгашчо.

– ХҀун чкьург? Мичара? – лотьран аз дегийра.

– Кхузара, хҀоккхузара, батоно! – даг тҀе куьг а диллина, велакьежира цомгашниг.

Дог паргҀатдаьлла, доккха садаьккхира лотьро. Цомгашчун хьаж тҀера дҀадаьккхира шийла хьацар.

– Хьалха ваьккхинчух тера ду вай, – элира цо.

– ХҀI-м, цуьнан шерашкахь инфаркт... Хьалхе дац и хила? – хаьттира цхьаммо, дегочу пҀелгашца гҀутах чуьра цигаьрка схьа а йоккхуш.

Цомгашниг кхин цкьа а гҀоьртира бҀаьргаш делла, и сонта хаттар динарг мила ву хьажархьама, амма и дан ца делира. Кхин а чҀогҀа язъелира бҀаьрнегҀаршна тҀейиллина дошан экьа.

...Тлаккха дахҀоьртира тамашийна дарбане тийналла – йовха, кҀеда-аьхна, цҀечу басахь. Лазар дҀадайра. Цомгашниг юха а новкьа велира, амма хҀинца хҀорда тҀехь а воцуш, ткьа чаккхе йоцчу хьаьвзинчу лами тҀехула. Цхьана хҀумано цецвоккхура: лами тҀехула охьавуссуш вара хҀара, амма хҀокхунна ша кхин а лакхаволуш хетара.

II

Охъахецначу Іаьржачу кучахь, юкъях йихкина тІийраг а, цунах кхозуш дечиган урс а долуш, эшар а локкхуш уйтІа веара астагІа Аветик Бабаянц. Цунна тІаьххье гучуелира гихь пондар а болуш зуда. Зудчунна тІаьхья дедда догІуш дара французийн хІух долу жІаьла а. Хъаж тІоьхула охья кхийзаеллачу шурула кІайчу кІозаршна бухахула схъакъедаш дара кІарула Іаьржа бІаьргаш-нуьйдарчий.

Бабаянцан дІасалелаш йолу театр уйтІахь дІатаръелла. Аьрру куьг дечиган уьрса тІе а диллина Іачу астагІчо, реза хиллачу къажарца доьазза тІе-кІел динчу цІийнан кораш доьгтина хъуьйсуш Іачу хІусамнаношка бІаьрг а тоьхна, шен театро болх дІаболош хиларан хъокъехь хаам бира:

– Тбилисера лераме хъовсархой! Гуьржийчоьнан аренан театран артиста Аветик Бабаянца тахана шуна гойтур ю «Отелло» трагедин вайн заманца нисийна керла кеп. Отеллон роль ловзош ву Аветик Бабаянц, Дездемонин – Мария Павловна, Ягон ролехь – жІаьла Стелла. Пондарца увертюра кхочушийриг Мария ю.

Билетан мах – цхья эппаз бу. Ахча хъалххе схъало! ДІайолае, Іовдал!

Марияс пондаран тІам хъовзийра. Мукъаман хаьллачу озана тІаьхья Бабаянца дІаэлира:

– БагІадера богІу моза...
БагІадера богІу моза...
Ай-да-да, ай-да-да!
Массарел а безамехьчо,
Шайна юккъехь ша мел волчо,
Ахча сиха охъатаса!

ЖагІин уйтІа зевнаца охъаІенира шайнийн догІа. Бераш, меца жІаьлеш санна, уьш схъалехьо хІиттира.

- ХІей тІорзанш, уьш дола ма дахалуш.
- Кхузахь-м йоьза шайнаш а ду, ваши Бабаянц!
- ЦІийдай, хъайн цхъана метте дІалатаде уьш, ткъа кІайнаш схъало!
- Харцахья агІор охъаэгнарш хъоьга дала оьший?
- Схъада, схъада, кисанахь бакъахья агІор дІанислур ду.
- ОхІо, ма дукха а гулделла.
- Хъан ден алапел дукха дац хъуна хІорш.

Эххар а шайнаш схъалахъийна бевлира. Юкъях йихкина тІийраг дІа а яьстина, хечин кисана охъаІанийра шайнаш Бабаянца. ТІаккха арахъарчу кисанара керла газет схъа а даьккхина, иза дІа а даржийна, цхъана гІорзи тІе а диллина, сирник латийра. Газет даьгна даьлча, меллаша чим схъа а гулбина, кераяккъаш вовшах хъакхийра цо. ТІаккха ший кераюкь юьхь тІе а хъакхийна, венециански мавр а хилла, хъовсархошкахья дІавирзира.

– Стелла, гучудала! – омира дира Отеллос.

Дедда тІедеара жІаьлин кІеза. Охья а таьІна, шен лерг Іаьржа-къегаш болчу жІаьлин меран тІе даьхъира цо. ЖІаьла-Яго кхузза лата а летта, тІехъарчу тІодашна тІехоьттира.

– О! – эккхийтира Отеллос, хъовсархошкахья а воьрзуш. – Ягос боху сан зуда Дездемона Кассиоца гергарло лелош ю!

Юьхья тІехь гІайгІане сурт а хІоттийна, иза юха а жІаьлина тІе охъалахвелира. Юха а кхузза легира жІаьлин кІеза, хІинца чІогІа а, оьгІазе-дера а.

Отелло сихвелира. ХІоьтинчу хъолан цхъажимма мах хадош Іийра иза. ТІаккха цІехъана чІогІа велавелира:

– Хъа-хъа-хъа! Яцахь – яц-кха! Хъо харц лок, жІаьла!

Стелла дедда Марияна тІедахара, цергашца цуьнан карара къорза багІадин йовлакх схъа а даьккхина, мавре дІакховдийра. ТІаккха ша долччоьхь дІатийра.

– ХІаь, аса стохка цунна совгІатана делла йовлакх ду-кх хІара! – эккхийтира цо, боккха бала боьссинчу озаца, акацин диттах кхузза дІа а кхеташ.

Хьалаллихира кхераделла хьозарчий а. – Мария, араяла! – кхайкхира мавр Дездемоне.

Отеллон зуда, пондар акацаина тIе а товжийна, корта лохха охьа а бахийтина, тIеара.

– Ахьа стенга дехьна аса хьуна совгIатана делла йовлакх? – хаьттира Отеллос, иза зуьйш, зудчуьнгахьа дIа а хьобжуш.

– Ахьа соьга бехкаш хIунда доху? Суна хIун хаьа хьан йовлакх мичахь ду? Ахь айххьа дайина хила тарло, я цьханахьа дIадилина. Ткьа хIинца со хьийзайо, – дегабаам бира Дездемонас.

– ХIай, йилбаз, хьуо ма-дарра! Зуда бохуш а ю тIаккха а! Ахьа со хьанах хийцина? Оцу бобхачу хIуманакх Кассиоххий? – дарвеллачу Отеллос Дездемонин логах катуьйхира.

– Хьобжуш хила, Йовдал! – Дездемона, Бабаянцан карара а яьлла, хьалххе даржийна лаьтта охьадилинчу кортали тIе охьахира.

Отелло кхин цкьа а чIогIа велавелира. ТIаккха, гора а вахана, Дездемонин некха тIе лерг диллира цо. Иза елла юйла а хиьна, Iадийна, шина а куьйга корта схьалецира, тIаккха дечиган урс схьа а даьккхина, термометр санна, иза пхьаьрса кIел а доьллина, шен бехке йоцчу зудчунна юххе дIавахвелира. КIеза-Ягос, шен аьтту ма-беллинехь, дедда акацина тIе а дахана, ког хьала а айбина, цунах товжийна лаьтта пондар тIадийра.

Трагеди чекхьелира.

– Дукха дика, Бабаянц! – екара балконаш.

– Дукха дика, Отелло! – екара верандаш.

– Дукха дика, Мария! – декара дерриге цIа.

– Дукха дика, Дездемона! – декара зударийн аьзнаш.

– Дукха дика, Стелла! Дукха дика, Яго! – маьхьарий деттара бераша.

Столови чохь йогуш серло яра. Кхоь вара аз ца айдеш, шабаршца, цхьа-цхьаь, вобалгIаниг, шашь самаваккхарна кхоьруш санна, кьамелаш деш. Пенах кхозу сахьт шозза дийкира.

– Доьху шуьга, сиха лелийша, вай кхечухьа а кхача дезаш ду... – элира цхьамма.

– Оля, со хьох тешна ву хьуна... Бер нана йолчу Хони¹ дIадигахьа, – дехаре дIахьаьжира сонехь йоблхуш Iаш йолчу вукху зудчуьнга.

– Са ма гатде ахь, Анико! – элира вукхо.

– Кханнехь!

– Ца оьшу, калбатIоно², и весеташ, – кьамелана юкьаиккхира боьрша стаг.

– Ас хьобьга ала ма аьлла, хьан майрачун гIуллакхан хьокьехь масех хаттар а дина, хьо цIа йоуьйтур ю. Хьо хьалхе кеч мел ели а, сиха цIа йогIур ю.

– Хьайна тIе кьа ма лацахьа! – дехар дира зудчо. – Мискачу берах кьа хетахьа! – цуьнан куьйгаш дегош дара, чамдин догIа дIакхеташ дацара. Стага гIо дира иза дIатоха. Зудчуьнга дIакховдийра.

– Лелий ялахьа, калбатIоно, Iуьйре ма ю хIинца!

– Со хIун калбатIоно ю хьуна? Хьайн дегIехь цхьа тIадам хилла а адаман цIий делахь, кьинхетам бехьа сох... Алахьа, со цIахь ца карийра... Со тахханехь кьайлаер ю, хIаллакьхир ю, ешна дIаер ю.

Зудчун озехь хаалора, халла кьаьбсташ, дегайовхонан цинц.

– ХIан-хIа, иза дойла яц!

– Делахь-хIета, цхьана минотехь мукьана собар дехьа, кIантаца Iодикайийр яра аса, – дийхира зудчо.

– Кхузза Iодикайина-кх аша!

Зуда бер наб кхетта Iуьллун долчу цIа чу дIайолаелира, амма стага цуьнгара хьалхе яьккхира: неIарх букь а тухуш, дIатевжира иза.

– Тоьур ду! ХIор хIуманан а шен раж ю!

– Цхьа минот... Еккьа цхьаь...

¹ Хони – Цулукидзе гIалин шира цIе.

² КалбатIоно – зудчуьнга лераме вистхиларан кеп.

– Ца ло.
 – Я зуда а, я бераш а дац хъан?
 – Дан а дац, я хир а дац! Со маърша стаг ву! – велакъежира иза.
 – Маърша-м муххале вацара хьо – лай ву-кх. Цъха миска лай. Комендант а, боъха хIума а ю-кх хьо! – чуъраелира зуда.
 – Вайшиннах лай а, боъха хIума а муълха ю цигахъ къабстар ду. Ткъа хIинца хьалха яла, аса хъайна... – бос баъхъра цуънан.
 – ХIун – хъайна?
 – Даймехкан ямартхошца кхечу кепара хила йиш яц!
 – Даймохк бийца юъхъ ю хъан?! Сийдоцу паспас.
 – И дешнаш дагахъ латтаделахъ.
 – Латтор ду.
 Пхъарс а лаъчна, неIаре йигира цо зуда.
 – Оля! – кхайкхира зуда.
 – Анико! Сан хьомсарниг!
 КIезигчу ханна тийналла дIахоъттира. ПIаккха, цIеххъана, шина зудчун белхаран чIогIа маъхъайй девлира.
 – ЭхI, неIалт хуълда-кх дуьнен тIехъ мел долчунна а! Со вахийта меттиг а карийна хIокхарна-м! – цергаш хъакхийра стага. – Тоъур ду шуна! Со а адам ма ду, – халла чохъбабъккхира цо логе хIоъттина шад. – Тоъур ду. ДIаяло!

Бер самадаккхира неI тIекъовлуш даьллачу чIогIачу татано. Меттара сихха хъала а иккхина, ненан маънги тIе хъаьжира иза. Маънга беса бара.

– Нана! – кхайкхира кIант.

Цъхамма а жоп ца делира.

– Нана! – юха а кхайкхира иза меллаша. ПIаккха ненан маънги тIе а вахана, тIетесна юргIа хъалаайира цо. Мотт хIинца а бовхха бара.

Когийн кIажашкара голашна тIехула хъалахъаьддачу кхерамо дIалецира жаннаш, тIаьххъара лазар бIаьргашна чохъ сецира. Когашуьйра, кIажашна тIекхочучу кIайн-ехачу кучахъ неIаре дIа а хъаьдда, кIанта иза дIатеттира.

Столони чохъ лохачу нари тIехъ, корта кера а божийна, хиъна Iаш яра йиши Оля. Цуънан белшаш егош яра. КIант цунна хьалха сецира. Меллаша хаьттира:

– Йиши Оля! Нана стенгахъ ю?

Зудчо жоп ца делира.

– Йиши Оля, мичахъ ю сан нана? – юха а хаьттира цо, шен озачу шийлачу куьйгаца зудчун белшах дIа а хъакхалуш.

– Бачана, хъан нана... – зуда тасаелира.

– Стенга яхана сан нана?

Зудчо кIант маравоьллира, корта шен некха тIе а таийна, и инзаре хаттар цъханна а ца хазийта, цуънан бат дIа а къовлуш. Бер дIатийра, амма цуънан балдийн дIасалеларе хъаьжча, иза кхийтира цо шега деш дерг изза хаттар хиларх.

– Давуьжуш хIун ала дезара-а? – дагадаийтира йишис.

– Буйса декъалайойла! – чохъ болчарна велавелира кIант, юха а пенехъа дIа а воьрзуш.

КIант, шелвелла, вегош вара. Шийла хъацар тоьхнера цунна. Цуънан балдаш шелделла, хIинца метгахъуьйш а дацара.

– Вай, Веза Дела, хъуна гуша дац хIара? Гуш делахъ, стенга бахана хъан беа-боккха ницкъ?

Ницкъ а эшна, зуда гIорасиз голашна тIе охъаяхара...

– КIентан дог эккха доллу. Цийн пхенаш а ду детталуш...

– ХIунда? ХIунда, дохтар? – хаьттира цецъаьллачу йиши Оляс.

– Дагца дерг кхераме дац... Цъха доккха халахетар-м ца хилла-те хIокхунна?

– Ц... ца хилла.

- Мас шо ду кхуьнан?
- Исс.
- ХІаь... хІа... хІа... тамашийна-м ду. ЧІогІа тамашийна...

Тбилисин вокзалера, баьццара саллар санна, меллаша дІайолаелира цІерпошт. Йиши Оляс Бачани тІера бедарш дІа а яьхна, буйсанна юху еха коч а юьйхина, лакхарчу терхи тІехь дІатарвира, гІевланга тІаьрсканан йоккха чамда а йиллина.

– Наб кхетийта! – элира цо, юххе, коре, охьа а хууш. Бачана пенехьа дІавирзира.

Адамех йобгтинчу вагон чохь садаІа меттиг йоццуш бурко яра.

– ДІавуьжуш хІун ала деза? – дагадаийтира йишис.

– Буйса декъала хуьлда! – пассажирашна вела а къежна, юха а пенехьа дІавизира кІант.

– Хьовсал шу, ма гІиллакха долуш а ву! – цецвелира оза пассажир. – Сан берашна-м вовшашна жІаьлийн кІезий ала а бен ца хаьа, иза а со а волуш олу. ХІара мила ву? Хьан кІант-м вац?

– Сан кІант ву.

– Кхийти... Амма хІара хьох ванне тера-м вац. Гарехь, дех тера хир ву.

– ХІаь. Дех тера.

– Кхийти со... Нийса аьлла: Іаж Іожана гена ца бужу...

– Охьаяхийта корера шаршуш! – проводникан аз омра санна дийкира.

– ХІун хилла? – хаьттира йиши Оляс.

– ЗАГЭС!¹ – жоп делира цхьамма.

– Хилча хІун ду?

– Цхьа бохам баккхарна кхоьру, – кхетийра хьалхалеррачу озо.

– Бохам... Бохам... – элира набарха Бачана. – Іуьйранна йишига хоттур ду иза хІун ду.

Оццу сохьтехь набаро тІехьабдира цуьнан бІаьргаш.

...Буйсанна нана еара. Цо, ларлуш, Бачанин гІевлангара чамда дІа а а яьккхина, месийн кІеда гІайба биллира. Меттаххьайра кІант. Нанас кест-кеста нисбора цуьнан гІайба. Цундела цо аттала бІаьргаш дІа а ца диллира, ткъа, мелхо, шен юргІанх чІогІа дІахьаьрчира.

– Коьрта кІел гІайба билла, сан кІант... – шабарш хеза Бачанина, чІишталгах дайн куьг хьакхалуш а хаало... Ткъа и куьг иштта шога хІунда ду? Ненан куьг-м кІеда ма дара. Я дада ву-те иза? Хаь, дада хир ву иза. Цо гІайбин кІел совгІат а диллина хир ду...

«Дап-дап», – до цІерпошто.

Мерза наб кхетта Іуьллу Бачана. Наб кхетта Іуьллу, ткъа цунна цхьа хаза гІан го. Пионерийн Цийнан куьзганах къегачу зала чохь гулбелла бу кІентий а, йоІарий а. Шурул кІайн кучамаш... ЦІен галстукаш... Бачана ву царна юкьхь. Таханалераниг шатайпана де ду: Хосе Диас а, Долорес Ибаррури а Тбилисерчу пионерашна – республикански Испанин берийн совгІаташ доькьуш ду. Долорес Ибаррурис – лекхачу, Іаьржочу аматах йолчу хазачу зудчо баскийн кІентан цІарах Бачанинан совгІатана куй ло.

– Кийча хила! – боху Ибаррурис.

– Даима ву кийча! – жоп ло Бачана, куьг хьаж тІе а хьош.

– Салют! – боху Ибаррурис, коьрта тІоьхула куьг хьала а дохуьйтуш. ТІаккха Бачанин чІишталгах куьг а хьокхий, тамехь елало...

Ткъесах Ципскехь лаьттан бухара схьаиккхина цІерпошт, кхин саца а ца соцуш, Марелиси станцина тІехьиккхина (перронехь лаьтта нах а кхерош), цІогІа а детгаш, кхин а дІахьаьдира.

– ХІокху боларца-м вай цхьана сахьтехь Самтредиахь хир ду, – элира хаьллачу

¹ ЗАГЭС – Земо-Авчалан гидроэлектростанци (Тбилисина гена йоццуш).

озаца бoьхачу хинкисица лаг дихинчу пассажира.

– Ткьа Самтрeдияхь хlара соций? – хьаттира кхераеллачу Оляс.

– Мцхетехь тамашийна вагон тlаьхьа тесна хlокхунна, – кьамелана юкьагlоьртира гиллакх хиларна Бачана хастийна оза пассажир. – Ламешна тlехь лаьтташ тlемалой бара. Со хи да хlетта охьавoьссинера. Сайн бlаьргашна гира суна...

Ткьа цlерпошт-м дlаиккхина йoьдура станцеш а, полустанкаш а тlаьхьа а юьтуш.

– Ах сахьт даьлча Самтрeдия ю. Кхаа минотехь лаьтта! – вагонна чухула маьнгех догlа а детташ вогlура проводник.

– Тахана чlоgla чехка ю шун цlерпошт, – цуьнга вистхилира оза пассажир.
– Ахча тlедала дезар-м дац-те?

– Дlакхаьчча, станцин хьаькаме хоттур ахьа, – цавашаре кхоьссира проводнико.

– Суна дуьхьала вогlур вуй иза? – берашха хаттар дира озачо.

– Нагахь санна тlедална ца дицделлехь-м цуьнга ала – вогlур ву дера!

– Вайн тlедалан изсана ала хlума дац сан... Хlинца а дагадогlу цунна Илорин килсан майданахь исс бlе пхоьалгачу шарахь аса хьаьнгахьа кхаж теснера.

– Хlей, хабарча! Дlасацаехьа хьайн бага, Далла хастам а бе со цхьана лергана кьора хиларна! – тlечевхира цунна проводник.

Озачо шен мотт дlасацийра. Цlерпошто болар лагlдира.

– Калбатlоно, хьо, суна моттарехь, Самтрeдияхь охьайосса езаш ю-кх? – наб хьашаеллачу Олин пхьаьрсах куьг туьйхира кьоначу пассажиро.

Кхераелла хьала а oьккхуш, бlаьргаш дlадиллира Оляс:

– Хlун элира ахьа?

– Самтрeдия хир ю кестта. Хьо охьаюссуш юй?

– Дера ю.

Хьала а иккхина, Бачанина тlехьаьдира йиши.

– Бачана, самавала, сан хьомсарниг! Охьадуьссуш ду вай.

Маьнги тlе охьахира клант.

– Сиха лелалахь, хьомениг!

Шен тlоьрмигахь кадетташ йоллура йиши.

Кланта куьг шен гlевланга даьхьира. Ша волччохь lадийна висира иза.

– Йиши Оля, нана мичахь ю?

– Ахьа хlун дуьйцу, Бачана? – йиши Олин аз дегийра.

Пассажираш цецбевлла цкьа кланте, тlаккха бос баьхьначу зудчуьнга хьуьйсура.

– Йиши Оля, буьйсанна нанас чамда схьайцира. Иза стенга яхана?

Оля кхийтира хlинца хьалхалерчу буьйсанна хилларг хирг хиларх. Клант сихха цlенкьа охьавиллира цо, шен некха тlе а таийна, куьйгаца цуьнан батт дlакъевлира.

– Адамаш, гlо дейша суна!

Цlерпошт сецира.

Самтрeдия станцин дежурнис кхузза горгали туьйхира. Тlаккха шолгlачу аьчгановкьара цlерпошт меллаша дlа а йолаелла, кьайлаяьлча, дежурни ша волччохь lадийна висира: цунна хьалха перрона тlехь лаьттара ши адам – тlехь пальто а йолуш, месаш а яржийна, батт раз а яьлла лаьтта зуда а, когашlуьйра, клажашна тlекхачалц ехачу клайчу кучахь клант а. Вовшийн куьйгаш а лаьцна, кхин меттах ца хьовш лаьттара и шиь. Дежурни минотехь гергга блогlам санна вогlавелла лаьттира цаьрга хьoьжуш. Тlаккха, цlеххьана, ша хlун до а ца хууш, горгалин муш озийра цо. Кlорге яхначу буьйсанан тийналлехь дийкира горгалин сингаттаме зов: дзин-нау... дзин-нау... дзин-нау...

– Зосим, – элира шен гlоьнчига станцин хьаькамо, – доттагlалла дехьа суна, дlасацаехьа и хьерьяьлла хlума! Юха а, мала а мела, балха веана-кх!

Зуда а, бер а, хьалха санна, лаьттара есачу перрона тlехь. Ткьа горгали-м шен сингаттаме йиш лoькхуш бара: дзин-нау... дзин-нау... дзин-нау...

III

Чохь кхо маьнга болу палата йодоформин, спиртан, камфоран, кестта йилинчу цѣнкъин тѣунонан а изеллачу хьожанах юьзна яра. Са ца дукъдалията, Бачана меллаша шен мера тѣе одеял тесира, тѣаккха иштта ларлуш шен пха муха беттало хьаьжира. Дог-м берахь санна детталуш дара, жимма собар а дина, Бачана цуьнан деттадалар дагардан воьлча:

– Цхьаь, шиь, кхоь, диь, пхиь, ялх, во-о-о-р-хI, во-о-о-р-хI ахх-ий, и-и-с-сий ах-хи-й, итт!

Басчана пхьаьрсан пха тѣера куьг дIа а даьккхина, шен даг тѣе диллира. Дог детталуш дацара. Кхеравелла, иза юха а пха муха беттало хьаьжира. Иза лар тѣехь бара. Тѣаккха меллаша одеялан кѣлараш шен мара паргIатбаьккхира цо. Хьожа кхин а чIогIа кхийтра.

– Кор, – меллаша элира Бачана.

– ХIун? – элира луларчу маьнгано.

– ОхIо! Дийна вуй иза? – хаьттира кхечу маьнгано.

– Белла нах схьакхохьху кхуза. Кхузахь палата ю я каш ду? – дегабааме элира хьалхарчу маьнгано.

– Дуьйцу, яздархо ву бохуш, – жоп делира шолгIацо.

– Яздархочунна меттиг Мтацминдехь¹ ю, ткъа кхузахь яц!

Бачанина хезаш дара лулахойн маьнгеша дуьйцург. Ткъа хIинца цунна доллчул коьртаниг – хIаваь дара – керла, цѣна хIаваь, кхин хIумма дацара.

– Кор! – юха а элира цо.

– Цунна кхузахь товш доццух тера ду: я хIаваь, я кор, – элира хьалхарчу маьнгано.

– ХIаваь, – элира Бачана.

– Гой хьуна, лерамениг, тхуна дихкина ду хьалагIовтта а, ур-аттала, чухула дIасалела а, – хаам бира цуьнга шолгIчу маьнгано. – Цундела медйиша чуялалц аса а, лерамечу Буликаса а доьгIчу хIаваах тоам бан дезар ду хьан.

Бачана кхийтира: Булика – иза хьалхарчу маьнгин цѣе хиларх. ХIинца шолгIачун цѣе хаар тѣехь дара.

– Мел хан яьлла? – хаьттира цо.

– Суна хетарехь, хIинца мозгIара, жIар а еш, Далла хастамбе хан ю-кх, – жоп делира хьалхарчу маьнгано.

Бачана шолгIачу маьнгане бIаьрг къарзийра. Цунна гира Iаьржа, кIайн йис тесна маж. «МозгIар-м вац тѣша хIара?» – аьлла ойла йира цо. Тѣаккха шен хаттар карладаьккхира:

– Мел хан яьлла?

– Итт сахьт, – жоп делира мажо.

– Ткъа муьлха бIешо ду хаа-м ца лаьа хьуна? – элира Буликаса.

Цомгашчара забарш йо я шаьш балале, я тобеллачул тIаьхьа. Бачанина дагадогIура хIинца муьлха бIешо ду. ХIинца цунна йовза лаьара хIокху товеллачун юьхь. Буликон гIовла Бачанин когашкахь яра, цундела цунна цуьнан кьегаш болу тIус бен, кхин гуш хIумма дацара.

Ларамаза, вела а велла, лулахочунна халахетар дан ца лаьаш, Бачана хаьттира:

– ХIинца муьлха бIешо ду, ткъа?

– Гарехь, воккха-везаниг, хIара дукха генарчу мехкашкара вогIуш ву, – шолгIачу маьнгехьа дIавирзира Булика. – Со иштта гена ваьлла вац.

– Хьайниг тѣехьарчу пенан ишемия бен ма яц, ткъа кхуьнаниг цхьа пен бац, ткъа дийнна Багратин² херцарш ю.

– Делахь-хIета, хьуна, лерамениг, керлачу бIешарца дагардича хIинца а хьалхара бIешо ду, – кхетийра Булика.

¹ Мтацминда – («Сийлахь-беза лам») – Тбилисера бевзаш болчу юкьараллин гIул-лакххойн кешнаш долу лам.

² Баграти – Кутаиси гIалина юххера Багратин килс (X-IX бIешо).

Бачана жоп ца делира. Палате хьежа велира иза.

НеI. Маьнга. Маьнга. Лоха ши ишкап. Царна тIехь мацони¹ чохь банкаш, молханш, тIе тесначу шаршун бухахь стоьмаш. КIайн пенаш. Доккха кор. Юкъара стол, хи чохь графин а, чохь дакъаделла роза а долуш. Хьалхарчу маьнгин бухахь кIайн горшок ю, ткъа шолгIачунна бухахь ерг Бачанинана ца го. Иза ша №3 нисвелира. Хьалхарчу лулахочун кIунзал тоьал дика Iамийна хIокхо. ШолгIачун, маж йолчуьнан, юьхь-сибат тоьал безамехь хийтира хIокхунна: лекха хьаж, нийса мара, юьккъа, къоьжа чоьш а хаалуш, маж... Тахана хIун де ду теьха? Муьлха бутт?

Хетгарш цъанна тIаьххье кхин а хIуьттуш, коьрте хьийзара Бачанин. Ткъа царех цъаннена а дала жоп ца карадора. Царех-м шайна луьург хилахъара, муьлха шо ду мукъана хаа лахъара!

– ХIинца муьлха шо ду? – цIеххъана эькхийтира цо.

– ХIара харцлуьйш ву я вай тило герташ ву! – элира Булика.

– ХIан-хIа, хIаваь ца тоьу, цундела изсо тешнабехк бо цунна. Иштта суна а хиллера, – элира мажо. – Кор дIаделла хьовса деза.

ЦIеххъана чохь евзаш йолчу, цIен бос бетталучу дахкарх юза йолаелира. Бачана хъавзинчу лами тIехь нисвелира.

– Хъан цIе хIун ю, лерамениг? – геннара деара Буликин аз.

«Сан цIе Бачана ю, фамилии – Рамишвили! – ала дагадеара Бачанина, амма ца элира. Булика дукхе-дукха генахь вара.

– Витахь иза. Цунна наб хъашалуш ю! – элира мажо халла хезаш.

«ХIан-хIа, суна наб хъашалуш яц, со ламис шеца охъа дIахьош ву. ГIо дейша суна! Хъалавакхийша со!» - мохь тоха дог хилира Бачанин, амма тоха ца белира. ДегIе цIечу басахь кеп йоьссира. Матто аьлларг ца дора. ТIаккха, хIокху лулахойх даиманна дIа ца къастархъама, ламин терхешна тIе охъалахвелира Бачана.

– Наб кхийти! – элира Булика.

Бачанина наб кхетта яцара. Цунна шадерриг хезаш дара.

Буликин маьнгин кIелара мукадахка гучубелира. МуцIар ирх а яхийтина, хьожа а яккхина, шен мекхаш саттийра цо.

– Схьакхечи! – хаам бира №2 цомгашчо.

– Ша бу я кIорнешший? – хаьттира Булика.

– ХIинца-м цкъа ша бу.

– Хъажахъа, вайн яздархо велла-м вац-те? Мукадехкий докъан хьожанна тIедогIу – элира Булика, меллаша мукадахка ган корта хъала а айбеш. Амма цуьнга и дан ца делира. ЦIевзинчу маьнгин татано къахкийна мукадахка шен Iуьрга чу иккхира. Деккъа цхъа цуьнан цIога ган кхавелира Булика. – ДIабаха! – элира цо халахетарца.

– Юха а богIур бу, – тевира иза №2 цомгашчо. Тумбочки чуьра схъаэцна шекаран бIелиг цIенкъа кхоьссира. – ХIинца схъакхочур бу шен доьзалций.

– Хъажахъа, дийна вуй-те яздархо?

Мажо Бачанин маьнгехъа корта схъабержийра. Важа тапъаьлла Iуьллуш вара, некха тIе шен бос бехъна куьйгаш а дехкина.

– Одеял-м меттаххьуйш ю. БIаьрнегIарш а ду детталуш.

– Одеял метаххьуйш елахь, иза садоIуш ву хъуна; бIаьрнегIарш детталуш делахь – иза сема ву хъуна; нагахь санна наб кхетта вацахь – тIаккха вайшимма дуьйцург хезаш ву; хазахь – жоп дала деза; жоп луш вацахь – цуьнан гIуллакхаш цIе яьлла ду... – чIагIдира Булика. – Лераме яздархо, хьо дийна вуй?

«Дийна ву, нагахь со лами тIехь хиьна Iаш а, аша со хъала маца воккху те бохуш, хьобжуш Iаш а велахь», – жоп дала лаьара Бачанина. Маржа яI, иза цхъа лаам бен бацара. Нехан лаамашна пал тийса Бачанина ца хаьара.

– Кху балех хьалхавер ву, со Делах теша, – Булика маже хъаьжира.

¹ Мацони – етшурин тайпа (гуьрж).

– Хинца гучубели! – хазахийтра мажана. – ХIара-м шен доьзалций ма бу!

Хинца мукадехко шена пурба деллера майрачуьнциий, шен шина кIорниций гучубала. Цо буйсанна горшокана хьалхахула сийлаллин гоу баьккхира, тIаккха бендацарралица шекаран бIелигна тIе бахара. Юург Гуьрга чу хьош шена бала а ца беш, мукадехко шен доьзал тIекхайкхира. PоrI-роrIана беллигах цергаш тийса девлира дехкий.

– Хаьа-кх, оцу боьхачу хIуманна, вайша хьалагIатталуш воций. Иштта ца хилча, адамаш долчоьх, сел эвхьаза лелар дацара аттала цIоькьалом а. – Булика, дарвелла, корта саттийра. Мукадахка, дIа а бирзина, тIехьарчу когашна тIе а хIоьгтина, цуьнга хьежа белира.

– Вайн мотт а хаьа оцу эхь доцчу хIуманна-м! – цецвелира Булика.

Дийна доцчу Iаламо шен исбаьхьа, декьал
Мотт бовзар адмашна делла ма дац.
И кьайле йовза вайн кхочур дуй хьекьал?
Эхартан дуьненахь хIун ду хаац.

– Иза хIун, «ЦIоькьалом цIокалахь турпал» ву? – хаьттира Булика.

– ХIан-хIа, «Турпал» хIара ву:

Шайна Автандилан аз дIахезча, хьуьнхара йовлий ара,
Цуьнан озах шаьш цецьюьйлуш, акхарой ладогуш Iара.

– ХIаь, гарехь, иза-м адамал а дика ехаш ма ю. Маьхза шекар а дуу, инфаркт хIун ю а ца хаьа, я стенокардия, я тахикардия яккхийта а ца еза... Ткьа вайша цунна байташ а йоьшу! Хьажахьа, ма горга а бу и мукадахка, хьан херси санна.

– Кхузахь хьелаш дика ду.

– ХIун ду? Нагахь санна вай кху гуллакхе социально-исторически агIор, санитарии цахилар юкьара дIа даьккхина хьаьвсича, даре дан деза, мукадехкий шортта сурсаташ долччухь гучудовлуш хилар... Вуьшта, мукадахка а Дала кхоьллина ма бу... Цхабакьду, халахета-кха, цо цамгийлаш яржор. ХIаь, и бакь ду...

– Ахьа, дукха гIовгIа а ца еш, со керста а ца лоруш, алахьа, хьайн десара, стенна эшна хьан Далла мукадахка кхолла? ХIан? Цунна цхьа-цхьаь хьехам белла мукьана белара цо. Кху маьлхан дуьненанахь хIун деш бу иза? ХIан? Эшарш лоькхуш? Бац! ЧагIар муьйлуш? Бац! Йоьхна мачаш тоеш? ХIан-хIа, бац!. Чепалгаш деш? ХIан-хIа. Цо дийриг хIун ду? Шекар дуу. Ценкьа а охку, латта а охку, тайп-тайпана лазарш а даржадо. И хIума ю-кх хьан Дала кхоьллинар! Тьфу, шен нанна... – Булика туй а кхоьссина, пенехьа дIавирзира.

Гочийнарг
Маргошвили Султан

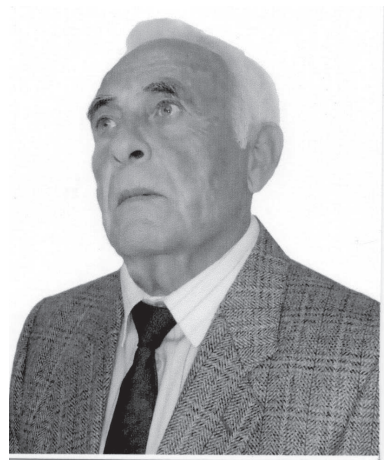

Юбилей**Дакаев Саидбекан – 60**

Литературехь, къаьсттина поэзехь, къаьхьогучарна коьртаниг – иза я важа мотт Кюрггера хаар ду. Оцу агЮр ирс хилла Дакаев Саидбекана дика хаьа шен ненан нохчийн мотт. Цундела цуьнан байташ еша а, царех кхета а атта ду дешархочунна.

Иза вина 1951-чу шеран 9-чу сентябрехь Къилбседа Казахстанехь. Цо чекхъяккхина Нохч-ГалгIайна пачхьалкхан университетан филологин факультет, белхаши бина ишколехь, промышленни предприятиешкахь. Амма Саидбекана даима коьрта хилла йиса а йисина, юьсуш а поэзи. Делахь а, ша язIина байташ зорбане яха сих ца ло Дакаев Саидбек: чIогла жовьпелле ву иза ша язбинчу хЮр могIанна. Цундела хир ду-кх иза таханлерачу дийнахь «Дегнийн йовши йоцу цIе (1981) а, «Дог дуйIлина мерзаши» (2005) а цIераши йолчу шина гуларан автор бен цахилар.

Литературно-исбаьхьаллин «Вайнах» журналан редакцин тобано даггара декъалво Дакаев Саидбек шен дахарехь тIедеьначу оцу доккхачу дезчу денца! Веза-воккхачу Дала могошалла а, кхолларалехь кхин а керла лакхенаш яха хьунариш а лойла хьуна, Саидбек!

НОХЧИЙН МОТТ

Азаллин кийрара ГIаттийна,
Дуьйцина, дош дацах хоьттина
Кхолламо шегарчу йолана
Нохчашна мотт белла, доладан.

Шелонан ткъевнечу къахкаре,
Йовхонан тевнечу кхехкаре,
Пехь боцчу бехкамех тийсина
Нохчийн мотт са даккха кхийсина.

Човхийна, дош акхадаьккхина,
Нохчочун долара баьккхина,
Бистхуьлуш лаьтгахь ца хазийта,
Нохчийн мотт, га тоьдуш, лазийна.

Кхолламе кхоамза хьешийта,
Даймакхе сатуьйсуш, хьегийта,
Дитт хьокхуш, ирйина, туьйсина,
Харцонаш юьхьдуйхьал тийсина.

Геллоно Гелбина латтабарх,
Халона меженаш сетгаярх,
Дош доьхна, доцург ца дийцина,
Добналлин хьаьркаш ца хийцина.

Хьакь хилла бистхила, денбелла,
Марзонийн уьйрашка гулбелла,
Нохчийн мотт когаш тIе хЮьгтина,
Даймехкан да хилла хЮьгтина.

Назманан шовкъечу байташкахь,
Мукьамийн зевнечу айдаршкахь,
Чкъор тилла, ца буьйлуш берзина,
Нохчийн мотт дайн кхерча бирзина.

Кьонахийн ойланех боьттина,
Машаран гIароле хЮьгтина,
И бека нохчочун хьекьалехь,
Йиш йоьхна ца буьсуш, декъала...

Шена тIулг ластийча
ТIам тоьхна, дитта тIе даьлла,
Хьозано, шакарца дистхуьлуш,
Шен магтахь аьлла:
– Стаг велахь, вешар вац,
ТIулг кхуйьсуш, хьозарчех лета.
КIиллочо, хьажийна,
Кхоьссинарг шена ма кхета...

Шед етгаш,
Эрна ма чехабе дин –
КЮрга ду ламанан
Тарх хьобкху Ин.
Галваьлла, чутиллахь,
Валалур вац.

Ца оышу тЕкхийдо
Хъакъ доцу дов. –
Бехк боцуш чехабар
Дино ца лов...

Цкъацкъа даго
Хъовзаво со, хъере вой,
Маълхан серло
Кхачаярна кхералой.
ПаргIатвоккху,
Шийла кхерам эшабой,
Малхо дуьне
Хъобстург хиларх тешавой.

Сингаттамын
Гуран багахъ лацалой,
Цкъацкъа ойла
Южу, гIора кхачалой.
Тпаккха, боьллуш
Гуран кхема, харцабой,
Маълхан шуьнехъ
Ловзайолу, елалой.

Дийнахъ-буса,
Сан синхъаам дарбина,
КIорге кегош,
Деган хъорсам къарбина,
Ойла кхерста,
Урхах йолий, хецалой,
Декъал хиларг! –
Ляьттан дахар дезалой...

Бералла

Суо цхъалха висинчохъ
Ойланех туьйсуш,
Бералло шерех чехк
Сан гIенаш кхоьхъу.
Шабаршца генара
ДIадевлларш дуьйцуш,
Заманан кийрара
Марзонанаш оьхъу.

ХъошалгIа лекхало
Буьйсанащ, денош,
Берзинчу когашца
Ченан кIур гIиттош.
Текхийда, сан шерийн
Еха юкъ хедош,
Бераллин уьйрашца
Зовкх хъега хIиттош.

Лаамза, лаамца
Идийна некъаш

Сан дагах кыйзало,
Шалхо гуо туьйсуш.
Тийналлехъ кхерстадо
Ойланийн нека,
Дахаран Iуьйрене
Кхача сатуьйсуш.

Коьртан чо кIайбина,
Къоьжа кIац тесна,
Сан делкъе, де кхачо,
Суьйренга леста.
Сагаглой, бераллах
Ловза сатесна,
Хъагбелла сатийсам
Бералле кхерста.

Бакъ дац, ца дицделла
Марзонан гIенаш.
Уьш, дуьйшуш-гIовттуш, сан
Ойланехъ деха.
Замано, такхийна,
Кхачаварх гена,
Со юхавоьрзур ву,
Бералла леха.

Беламе делира...

Цхъаь буьхъар хIиттира,
Цахилларш литтира.
Дийцира, бехира,
Кийрара Iийхира:

«Буьйсанащ къагийра,
Серлонанаш ягийра,
Ляьтга тIехъ, дендина,
Маълхан нур къагийра.

Дуьненан ирсана
Деган са дагийра,
Дахаран гIирсана
Ойлананаш ягийра.

Со вара, со вара
Доьналле гIиттинарг,
Чехаеш халонаш
Юьхъдуьхъал хIиттинарг,

МостагIий къарбина,
Вайн Даймохк ларбинарг
Со вара, со вара,
Соьгара уьш дара!»

ЛадегIна, бакъ доцуруш
Хъех-мерах девлира,
Гонаха адамын
ГIовгIананаш евлира.

Цхъаь, дуюьхал вистхилла,
Къамеле велира:
«Тобар ду нисдинарш...
Сацийта!» – элира.

Туьйранаш дийцинарг
Ма-варра вевзира.
Дийцинарш нахалахь
Беламе девлира...

Со-м ваьлла дIагIур ву
Кхин ца ван, кху лаьтта тIера
ТIаьххъара цуьрг диьна,
Хаьддачу рицкъанах хедаш.
Сан лаам буюьсур бу,
Йийкина юкь йостуш, сецна
ТIаьххъара дахаро
ДIахъажош аьлла дош хезна.

Со ваьлла дIагIур ву,
Марзонийн лулара ваьлла,
Кхолламан йозанаш
Совцур ду, сиз хъаькхна девлла.
ДIагIур ву, некъана
Хъарчийна сайн ларча эцна,
Лаамза совцийна
Кхана сайн кхочушдан дезнарш...

Атта хилац
Кху дахарца
Къийсавала,
Кху дахаран
Дуюьхалонех
Тийсавала.
Сакхачадоь,
Сахададой,
Гатво цара.
Дийнахь-буса
Синтем хилац
Цаьргахъара

Атта хилац
Ломан басах
Ирхо яккха,
Ломан некхах
Тасавала,
Киртиг яккха:
Эшадо цо,
Кхачадо цо
ДегIан гIора.
Юхавалахь,
Сатийсамех
Воккху Iора...

Готта, шуьйра
Некъаш кхийда
Гена, герга.
Цкъацкъа – хьобсту,
Цкъацкъа цара
Ца во тергал.
Ца моятчачохь
Бердаш хIуьттий,
Хеда некъаш. –
Iамал йоблуш,
Къинош, доьлхуш,
ТIаьхъа текха...

Атта дац

Атта дац байташна,
Деньелла, дуьнен тIе йовла.
Ойланийн зайлашца,
Дош дашах дуьйцина, къовла.

ХIора дош, озадой,
Даг чуьра маьхъарца доккху,
Ойланех кхозалой,
ГIелделла са мере доккхуш.

Шайн кхерча леставеш,
Байташа, вагавой, вотту.
ТIезшнарг дестадеш,
Юьхьйохуш, барт хатта хIуьтту.

Наб кхета ца вуьтуш,
Сатассалц буюьйсанийн арахь,
Чехавеш, хьесталуш,
Велхаво, велаво цара.

Атта дац поэтан
Кхолламан дукь коча лаца,
Ойланех цIе летош,
Ял йоцу лай хилла ваца...

Ши хаттар

«Хьо хIунда кхоьллина?
Хьо хIунда веха?» –
Ши хаттар ойланехь,
Дазделла, деха:
Ца вуьтуш, гIиттаво,
Хан яккха чомахь.
Жоп доьхуш, хьийзаво
Буюьйсанна, дийнахь.

Мел хъадарх, мел вадарх,
Ца вуьтуш вала,
Ши хаттар ца туьгу
ТIаьхъара дала:

Цу шина хаттаро,
Кочара даьлла,
Ца хета, жоп доцуш
Вуьгур ву аьлла...

Хьацаран кIур хилла,
Ца оьшу цел етта.
Ца оьшу хи дилла,
Ца оьшу бел Iитта:

Даьсса хIу ден ца ло,
Цо ялтин кан ца ло:
Ца оьшу кьахьега –
Ца оьшу са хьега...

ВогIур ву, нана...
Юха а ойланаш
Лехкало гена –
Лаьмнашка,
Со винчу юьрта.
Юха а хьийза уьш
Аз лобхуш ненан,
Жималла лечзинчу керта.

Даг чубра йовш йоцу
Марзо ядийна,
Сан деган маршалла делла,
Хьо йолчу дIакхечи
Ойланаш тийна:
«Нана, хьо хIун деш ю?» – аьлла.

КIатана сагатдеш
Лела хьо гийла,
Суна и дазделла, нана.
Воккхавеш хьо йолчу
ВогIур ву хийла,
БIаьстенах хьан маара Iана.
Хьан лаам кьарбина,
Дош карладуьйлуш,
Лар яйна, ца лела пана.
Даймахке ахь белла
Безам а муьйлуш,
Хьо йолчу вогIур ву, нана.

Дашах дош доьттина,
Багахь мотт
Шарбаларх бийца,
Вайга хIун хIоьттина,
Кьийсалуш,
Ца догIург дийца?
Дарба дарх, ца йобрзуш,
Меттан чов
Лазаршца хьегIа.
Дижийтарх, ца доьрзуш,
Меттан дов,
Са тоьдуш, изгIа...

Шайхалла дац вайца,
Кьайленийн шалха шад баста.
Дадевлларш, гулделла,
Вайн дола дирзина, хаьдда.

Кьайлах ду кечдинарг,
Шен куьпахь вай делхо, хьеста
Кханено. Вай цуьнга
Шеконца ладоьгIна лаьтта...

Текхийда вайн кхане,
Ойланийн шеко ю шийла
Ца дуьйцург, чаьмза хир,
Мерза хир кечдинарг мийла.

Дог кьуьйлуш, текхийдарг
Шеко ю, ша санна, шийла...

Аслан Шатаев**Письмо из будущего**

Повесть

*Продолжение. Начало в №№ 5–8.***Глава 13**

На следующий день мы с Казбеком отправились к Мусе. Он только что приехал и был рад нас видеть. Он пригласил нас в дом, находившийся рядом с его бильярдной.

– Давно вас не видел, – сказал Муса, усевшись в кресло напротив нас. Мы же с Казбеком устроились на диване. – Рассказывайте, как дела? Что нового в Крепи?

– Нормально, – ответил Казбек. – Все по-старому.

– Конфликтов никаких не было?

– Козыкин с Ильясом опять подрались.

– Опять?

– Да. Козыкин решил ему отомстить. Застал его одного у дороги, когда Ильяс со своим мотоциклом стоял, вышел из своего «КамАЗа» и, ничего не говоря, двинул ему по голове монтировкой. Потом поджог его мотоцикл и удрал.

– Seriously, что ли?

– Угу.

– А тот ему что-нибудь сделал?

– Какой там сделал! Он лежал без сознания. Пока он лежал, тот и поджог мотоцикл.

– Ну а после?

– Пока ничего. Мы с ребятами ему говорим, этого нельзя просто так оставить. Надо поставить Козыкина на место.

– Да-а-а. У вас там скучать не приходится. Этот Козыкин совсем оборзел. Неужели ни у кого нет на него управы?

– Сын мента, поэтому и оборзел. Знает, что сухим из воды выйдет. А ты почему к нам не приезжаешь?

– Да ну! У вас там монтировками забивают! – он засмеялся собственной шутке. – А ты как? – спросил меня Муса. – Домой не собираетесь?

– Мать с братом в Грозный уехали. Посмотрят, что к чему, и, если обстановка будет стабильной, вернутся насовсем. Я, может, останусь.

– Кстати, – сказал Казбек, – мы как раз хотели тебя спросить насчет твоей бильярдной.

– Ага, – подхватил я. – Помнишь, ты мне предлагал должность управляющего?

Муса закурил сигарету, которую до сих пор держал в руках, затянулся, выпустил клубы дыма и произнес:

– Должен тебя огорчить. Я подсчитал расходы и пришел к выводу, что не могу позволить себе содержать управляющего. Я сам им буду. Ты уж извини. Если дела пойдут хорошо и мы начнем расширяться, я буду тебя иметь в виду. Ты будешь первым, кому я предложу работу.

– Да ладно. Пустяки.

Хотя я так не считал. Я был почти уверен, что Муса возьмет меня к себе на работу. Только таким я видел свое будущее. А теперь, раз ничего не получилось, у меня меньше шансов остаться здесь. Конечно, были и другие предложения, но самое дельное из них было это. Когда выяснилось, что ничего не получится, у меня опустились руки. У остальных, кто обещал мне работу, наверняка тоже найдутся какие-нибудь отговорки. А если у меня не будет реальной гарантии, что в ближайшее время я начну зарабатывать, не будет и причин тут оставаться. Придется возвращаться в Грозный. И жить там убогой и скучной жизнью. Этот день все равно должен был наступить. Не буду же я всю жизнь сидеть на шее у родственников? У них своя жизнь. Так или иначе, надо возвращаться в Чечню.

Долго у Мусы задерживаться мы не стали и вернулись домой. Я чувствовал себя подавленным. Меня все раздражало. Не хотелось даже обедать.

Чтобы как-то отвлечься, я решил пойти к Муслиму с ночевкой. Перед этим я предварительно позвонил. Мне ответила Элита. Узнав, что это я, голос ее повеселел. Мое плохое настроение тут же пропало. Я спросил, дома ли Муслим. Элита сказала, что он куда-то вышел и будет только вечером.

Мы с Казбеком договорились уехать в Крепь на следующий день утром. Завтра мы должны были встретиться прямо на автовокзале.

Вечером я пошел к Муслиму. Мы сидели, вспоминая прошлое. Больше говорил Муслим, поскольку я почти ничего не помнил о своем прошлом. Я начинал с какой-нибудь фразы, к примеру: «А помнишь, как..?», «А помнишь то время..?» Муслим подхватывал и погружался в воспоминания. Так я узнавал от него свое прошлое. Мое новое прошлое почти ничем не отличалось от старого. Оно изменилось незначительно. А еще я собирался спросить у него про Седу, узнать, что у меня с ней было. Но у меня это вылетело из головы. Причиной тому была Элита. Я все время думал о ней.

– Эй! – Муслим пощелкал перед моим лицом пальцем. – Земля вызывает Беслана! Ты вообще меня слушаешь?

– Да, конечно!

– Кажется, я знаю, о чем ты думаешь.

Я насторожился:

– О чем же?

– О том, что тебе сказал Муса.

Я снова расслабился.

– Забей! – говорил он. – Мы тебе что-нибудь другое найдем. Один наш родственник работает на одном предприятии...

Я его не слушал. Я любовался Элитой, которую видел через окно, выходящее на балкон. Она вешала стираную одежду. Ее силуэт находился как раз за включенным телевизором. Поэтому я смело смотрел на нее, делая вид, что уткнулся в телевизор.

Тут я встрепенулся, услышав по телевизору нечто интересное.

По одному из федеральных каналов шла передача про Чечню. Там, в частности, рассказывалось о начале войны и причинах ее возникновения. Но не это меня заинтересовало.

«В сентябре 1992 года обязанности Президента Чечни были возложены на Зелимхана Яндарбиева, – говорил голос за кадром. Показывали кадры, снятые, вероятно, в те дни. Зелимхан Яндарбиев говорил что-то с трибуны. – Своим первым декретом он провозгласил независимость Чечни, что не было признано ни российскими властями, ни какими-либо иностранными государствами».

– Ну, конечно, – сказал Муслим. – А как же знаменитая фраза Ельцина «Берите свободы и независимости столько, сколько сможете проглотить!»?

«В октябре Президент России Борис Ельцин издал указ о введении в Чечне и

Ингушетии чрезвычайного положения», – продолжал голос за кадром.

– Яндарбиев? – удивился я. – В 1992 году?

– Ты что, вчера родился? – сказал Муслим.

– А как же Дудаев?

– Ну, он был президентом до него.

– Разве не ОН объявил независимость Чечни?

– В смысле, Дудаев? Нет, конечно. Это сделал Яндарбиев.

– А что случилось с Дудаевым?

Муслим рассмеялся, не понимая, шучу я или нет.

– Что сделали? Убили! – ответил он.

Моя голова пошла кругом.

Дудаева убили, и до этого он был президентом. Но независимость объявил не он, а Яндарбиев, которого назначили президентом в 1992 году.

Что же там произошло в прошлом? Мое письмо дошло до него или нет?

Дальше в телепередаче повествовалось о начале боевых действий. В отличие от моего старого прошлого, в этом мире они начались на пару месяцев раньше – 23 сентября 1994 года. Сценарий почти тот же. Только вместо Дудаева – Яндарбиев. В июле 1996 года он был убит в результате ракетного удара, наведенного на сигнал его мобильного телефона. А вот про Дудаева они больше ничего не сказали. Так и осталось непонятным, когда и кто его убил. Президентом он тем не менее стал. И был бы им до сих пор, если бы его не убили. Мне надо было выяснить, что же все-таки произошло. Мне удалось внести в прошлое значительные изменения, и это означало, что я все-таки могу изменить историю. Предотвратить начало войны.

– Слушай, – сказал я, – я тут вспомнил. Мне надо проверить электронную почту. Здесь есть где-нибудь Интернет-клуб поблизости?

– Есть. А это до завтра не может подождать?

– Мне завтра утром уезжать надо. Я не успею.

– Хорошо, пойдём. А у тебя как вообще со здоровьем?

– В смысле?

– В смысле, ты меня что-то пугаешь. То летаешь где-то в своем мире, то вопросы неуместные задаешь, то вдруг тебе почту взбрело в голову проверить.

Я рассмеялся и, хлопнув его по плечу, сказал:

– Не бойсь! Я опасен только после полнолуния.

– Вот теперь я за тебя спокоен. А когда, кстати, полнолуние?

Интернет-клуб оказался совсем рядом. Он работал круглосуточно, поэтому мы могли просидеть хоть до утра. Мы заняли места рядом друг с другом. Я открыл почтовый ящик. Сейчас меня интересовал не он. Я открыл новое окошко браузера, оставив старое, чтобы, если Муслим посмотрит в мой монитор, быстро перейти на него. Иначе у него появятся вопросы, а он любил их задавать. Я набрал в поисковой системе «Джохар Дудаев». Найденных результатов было очень мало. В моем старом прошлом я помню, что получил ссылки сайтов с именем Дудаева не меньше двух десятков тысяч. А тут цифра не доходила даже до ста.

Биографии Джохара Дудаева среди ссылок я не нашел. Неудивительно, раз он не объявлял независимость. Он лишь какое-то время был президентом, после чего его убили. Что еще можно о нем рассказать?

На одном сайте говорилось, что Дудаева пригласили в Чечню на первый Чеченский национальный съезд. Затем съезд избрал руководящий орган в лице исполнительного комитета. А потом члены исполкома приняли декларацию об образовании Чеченской Республики. Интересно, что Дудаев сначала не одобрил эту декларацию. Но потом вдруг передумал. Авторы статьи были уверены, что

его к этому склонил Яндарбиев. Ведь Дудаев президентом стал благодаря ему.

Никаких значимых реформ Дудаев не провел. У него часто возникали противоречия с Яндарбиевым. Последний пытался добиться независимости Чечни. Но Дудаеву такая перспектива совсем не нравилась. Один раз между ними завязался конфликт, который чуть не закончился перестрелкой, прямо в Президентском дворце. Через год Дудаев внезапно ушел в отставку. В народе о нем отзывались не очень хорошо. Его называли нерешительным и весьма подозрительным. Что стало причиной его ухода – так и осталось загадкой. Его место занял Зелимхан Яндарбиев, и первым декретом он провозгласил независимость Чечни. Через полгода он стал официальным президентом. Далее события разворачиваются по тому же сценарию, что и в том мире, где независимость объявил Дудаев. 23 сентября 1994 года – начало введения федеральных войск в Чечню. Во главе с Яндарбиевым чеченский народ взялся за оружие и пошел против агрессора.

Дудаев уехал из Чечни через пару дней после введения российских войск, не принимая в войне ни прямого, ни косвенного участия. По неофициальным данным, он уехал в Турцию. В начале 1996 года он был убит неизвестными. Шли слухи, что его убрал Яндарбиев. Об этом не раз говорили по российским СМИ. Авторы же статьи считали эти слухи абсурдом. Обстоятельства его гибели были достаточно туманны и противоречивы. Они были уверены, что с ним расправились спецслужбы.

После гибели Зелимхана Яндарбиева исполнение обязанностей Президента Республики Ичкерия возложили на вице-президента Хож-Ахмеда Яриханова. 17 сентября были заключены Хасавюртовские соглашения между РФ и ЧРИ. В 1997 году Президентом ЧРИ был избран Аслан Масхадов. Затем последовало вторжение ваххабитов в Дагестан. И снова война.

На этом наиболее важные для меня события, которых коснулись изменения, закончились.

Все говорило в пользу того, что Дудаев все-таки получил письмо и отнесся к нему со всей серьезностью. Видимо, он уже получил подтверждение событиям, которые я описал в своем письме, и решил отказаться от независимости Чечни. Но я не учел одного. Независимости первоначально добивался не Дудаев, а Яндарбиев. Дудаев ушел, поняв, что все кончится плохо. У меня было такое чувство, что письмо было не единственной причиной, по которой он не захотел участвовать в войне в 1994 году. Не зря же он уехал в Турцию и скрывался там. Должно быть, он знал, что его убьют.

Я распечатал всю хронологию войны, вплоть до наших дней, биографию Дудаева и Яндарбиева и сведения о других важных событиях, происшедших в мире. Я решил вернуться в прошлое и написать другое письмо. На этот раз Яндарбиеву. Если письмо подействовало на Дудаева, то и на Яндарбиева может повлиять.

Спешить с этим я не стал. Надо проверить, правду ли пишут в СМИ? Я не раз убеждался, что СМИ редко сообщают правду, а чаще ее просто искажают. Не умалчивает ли история ничего? И вообще, мне нужно было больше информации. Самую достоверную информацию я могу получить только дома. Мать с братом вот-вот должны приехать. Надо будет вернуться с ними. Там я получу больше информации.

На следующее утро мы с Казбеком уехали в Крепь. Всю дорогу меня не отпускало чувство, что я что-то забыл. Только приехав домой, вспомнил, что же это. После того, как мы с Муслимом поздно пришли из Интернет-клуба, я больше не видел Элиту. Утром она, должно быть, пошла в школу. Я подозревал, что никогда больше ее не увижу. Я еду в Грозный, а потом изменю прошлое, где мы с ней никогда не встретимся. Почему она вызвала во мне столько

приятных чувств? Может, она мне напоминала Седу? Если их сравнивать, то между ними не было почти ничего общего. Каждая по-своему хороша.

Вскоре приехали мать с братом. В Грозном было относительно спокойно. В самом городе боев практически не было. Лишь изредка перестрелки и подрывы. Бои шли в горах. Света и воды у нас дома не было. Газ часто отключали. В Грозный нам с братом ехать еще рано, сказала мать. Опасно. Она пока оставит нас в Гудермесе у родственников, а сама поедет в Грозный. Дело в том, что к молодым сейчас в Грозном придирались. Тебя могли среди ночи забрать люди в масках и увезти на «УАЗике» в неизвестном направлении. А позже, если тебе повезет, отпускали с переломами и синяками. Так что пока лучше нам с братом побыть в Гудермесе. Я, в общем-то, был не против: мне в этом мире все равно недолго оставаться, этот мир может для меня стать таким же старым и забытым, как остальные.

Через неделю мы все трое поехали в Чечню. Оставив нас с братом в Гудермесе, мать уехала в Грозный.

С газом и водой проблем не возникало. Зато электричество отключали почти каждый день. Хорошо еще, вечером давали.

Мой дядя работал в газете, поэтому у него было полно литературы про чеченскую войну. Информации мне хватало с лихвой. Прежде всего, мне надо было изучить историю, поскольку она могла измениться с момента внесения мной корректив. Нельзя допустить ошибок в моем новом письме. Если я совершу хоть одну, у адресата может появиться сомнение.

Пожалуй, информации хватит, подумал я. Пора отправляться в прошлое.

Сначала я думал над тем, что же делать с первым письмом? Ведь, если я напишу новое письмо Яндарбиеву, и он поверит – будущее изменится. Все те события, которые касаются Дудаева, изменятся или совсем исчезнут. Потом я решил оставить все как есть. Некоторые события все-таки останутся прежними. Все же Дудаев стал президентом благодаря Яндарбиеву. И независимости тоже добивался последний. Главное – чтобы письмо получил Яндарбиев. Первое письмо станет страховкой, если Дудаев вдруг решит самостоятельно добиться независимости.

Точкой прибытия я выбрал то время, после которого написал первое письмо. Я не стал ждать ночи, чтобы отправиться в прошлое. Просто уединился в пустой комнате и сконцентрировался. Образ тропы появился не сразу. Я будто забыл, как это делается. Мне пришлось изрядно поднапрячься. Тропа все же появилась. Я двинулся по ней назад.

На этот раз я лучше подготовился к письму. Я даже записывал образец письма, которое напишу Яндарбиеву. Иногда вносил поправки, оно в принципе было готово, только в моей голове.

Как только я оказался в своем детстве, я принялся писать второе письмо из будущего. Я указал в письме все важные события, которые коснутся его, Яндарбиева. В отличие от моего первого письма, новое получилось больше страницы на две. Вроде, вышло очень эмоционально и убедительно. Я, можно сказать, выплеснул на бумагу все чувства, которые меня переполнили за обе войны. Не забыл указать и даты важных событий в мире. Их я тоже указал не один десяток. Получился прямо-таки сборник предсказаний. Главное, чтобы Яндарбиев не использовал это письмо в корыстных целях, выдавая себя за второго Нострадамуса.

Закончив, я перечитал свое творение и, убедившись, что ничего не пропустил, отправил его по почте.

Теперь, наконец, я сумею предотвратить войну? Я на это очень надеялся. Я отправился в свое время.

Глава 14

По мере того, как я двигался вперед по тропе и, соответственно, во времени, мое сознание все больше затуманивалось. Если бы я был в своей физической оболочке, я бы сказал, что теряю сознание. В общем, в какой бы форме я ни существовал на этой тропе, я чувствовал, как реальность уходит от меня. И я, можно сказать, двигался дальше по тропе по инерции. Мысли куда-то пропали. Время перед глазами продолжало двигаться в бешеном темпе, но разум отказывался воспринимать то, что я вижу. Осталась одна тропа. Я видел только ее. Видел, как двигаюсь по ней вперед. Мыслей при этом не было никаких.

Появление кривой дороги вывело меня из этого гипнотического состояния. И то я не сразу понял, что происходит и где нахожусь. Монотонный звук, сопровождающий меня, пока я двигался по тропе, превратился в какофонию звуков. Точнее, неприятных звуков. От такого даже мертвый выскочил бы из своей могилы.

Мне удалось остановить время с трудом, словно тормозные колодки моей машины времени уже стерлись. Я чувствовал некую слабость. Не знаю, почему. Раньше такого не бывало. Видимо, к путешествиям во времени привыкнуть нельзя. Это не как укачивание. Скорее, как что-то вредное для здоровья. Как радиация, алкоголь, наркотики. Моя временная болезнь регрессировала.

Я пропустил кривую тропу, и дальше шла уже ровная. Время замедлялось. Вскоре я смог кое-что разобрать из сменяющихся перед глазами одна за другой картин. Это были чьи-нибудь образы и места. Что-то из этого мне уже знакомо, а что-то совершенно ново.

Время вернулось в свой нормальный темп неожиданно. Я почувствовал резкую боль в голове, за которой последовало головокружение. В глазах помутнело. Земля ушла у меня из-под ног. Должно быть, я упал, поскольку почувствовал удар. Боли я не ощущал. Все мое тело онемело.

Откуда-то издалека донесся чей-то голос:

– Что с тобой?

Я чувствовал, как меня пытаются привести в чувства, трясая мою голову и хлопая по щекам.

В глазах прояснилось. Надо мной стоял испуганный Казбек.

– Что со мной было? – спросил я.

– Ты упал.

Головокружение более или менее прошло. Я чувствовал себя человеком, который только что проснулся от глубокого сна и не может понять, где находится. На какое-то время из моей головы вылетели последние события. Я не знал, где я и как тут оказался. Я даже думать нормально не мог. Боль в голове до сих пор не прошла. Когда я пытался о чем-то подумать, боль только усиливалась.

Я присел. Закрыв глаза. Потер лоб.

– Сейчас-то ты как? – спросил Казбек.

– Хреново, – ответил я.

И тут я вспомнил все, что произошло. Прошлое... письмо Яндарбиеву... тропа. Я опять изменил прошлое. Но...

Что здесь делает Казбек? Я снова в Крепи? Ведь я был в Гудермесе в последний раз. Как я сюда попал?

Я вскочил на ноги. Казбек смотрел на меня с некоторой настороженностью.

– Может, вызвать врача? – спросил он.

– Не надо, – сказал я, оглядывая комнату, в которой находился.

Нет. Это не похоже на домик в Крепи. Я был в другом месте. Только где? Бывать здесь мне не доводилось. Это точно.

Комната выглядела скромной. Маленький телевизор, тумбочка, шкаф и два дивана. За окном балкон. Значит, я в квартире. Но у кого?

– Теперь уже все в порядке, – уверил я Казбека, чтобы успокоить его, хотя не совсем был честен. Голова еще болела. И головокружение не прошло полностью. Казалось, потеряю бдительность – и тут же лишусь сознания. Надо присесть. Я так и сделал.

– Что это вообще было? – не унимался Казбек.

– Пониженное давление.

– А раньше ты терял сознание?

– Пару раз было головокружение, но сознания еще не терял.

– Это не шутки. Тебе надо к врачу обратиться.

– Схожу. Только подышу свежим воздухом.

После этих слов я вышел на балкон. Мне надо было понять, где я.

Как только я выглянул с балкона пятого этажа на улицу, я почувствовал разочарование. Уже вопрос о том, где я, стал не так важен. Следы войны говорили сами за себя. Где же еще может быть столько разрушений, как не в Чечне? Не поеду же я в страну, где шла война? У меня опять ничего не вышло. Война была. Возможно, что-то в истории изменилось. Яндарбиев ушел в отставку. Но его место занял кто-то другой, объявил независимость, и опять началась война. А я, вместо того, чтобы быть в Гудермесе, нахожусь в Грозном. Моя история тоже изменилась. Например, я приехал из Баку, или Крепи, или Гудермеса чуть раньше. А может, я вообще никуда не уезжал. Сидел здесь, в Грозном, вместе с родителями.

«Минутку, – подумал я. – Это не мое время. Я же пропустил кривую тропу. После нее пошла прямая. Возможно, даже ничего и не изменилось. Просто я попал в свое будущее. Если это так, то я не смогу вернуться назад». Как я уже говорил, в моем прошлом мое тело будет занято мной-из-прошлого. Чтобы убедиться в этом, можно было проверить свою теорию. Но сейчас мне этого делать совсем не хотелось. Боюсь, на второе путешествие меня не хватит. Я наверняка опять пропущу свое время, когда буду возвращаться назад, и попаду в какое-нибудь очень далекое будущее, где мое лицо полностью покроют морщины».

Впрочем, и это не особо беспокоило меня. Мной опять овладело отчаяние. Мне все теперь было безразлично. Ничего не поделаешь. Войну не предотвратить. Как бы я ни старался, она все равно начинается.

Глядя на центр города с балкона, я не мог отделаться от чувства, что что-то не то. Что-то было неправильно. Не так, как должно быть. Но потом решил, что мой мозг опять прокручивает мои новые и старые воспоминания, и никак не может решить, какие из них являются настоящими.

На балкон вышел Казбек.

– Ну, что? Идем в поликлинику?

– Давай завтра, – устало сказал я.

– А если ты до завтра не дотянешь?

– Дотяну! Обещаю!

– Ладно. Только не тяни с этим. Потом будет хуже.

Как оказалось, квартира принадлежала моей тете. Она в данный момент находилась в другой комнате и смотрела телевизор. Казбек жил и работал вместе с ней. В одной из комнат я увидел какие-то рабочие станки. Кроме того, повсюду в комнате валялись очки, оправы и линзы. В моей голове возник образ оптики. Они работали в оптике. Я не раз там бывал в своем новом прошлом вместе с Казбеком. Еще я часто приходил к ним с ночевкой. Это все, что я вспомнил. Сегодня они не работали. Вероятно, потому, что сегодня был выходной. Наверное, сегодня я тоже пришел с ночевкой.

В гостиной я обнаружил ежедневный календарь. Последняя дата на нем – 10 апреля 2001 года. То есть я пропустил почти месяц своей жизни.

День был рабочий. Вторник. Насколько я знаю, никакого праздника в этот день не было. Так почему же они не работают?

Вечером мы с Казбеком вышли на улицу. Я заметил очень интересную вещь. В городе не было ни одного российского военного. Вместо них по городу сновали самые настоящие боевики.

«Какого черта?» – подумал я.

Людей в центре было мало. Если и был кто, то только люди в военной форме. Магазины и ларьки почти все закрыты.

К чему бы это?

Выглядело все примерно так, как было в 1999 году в моем старом прошлом, перед тем, как началась война.

– Казбек, – обратился я к двоюродному брату, – кто у нас президент?

Он посмотрел на меня как на сумасшедшего и ответил:

– До сих пор был Яндарбиев. А что?

Я задумался. Вместо того, чтобы уйти в отставку, как Дудаев, он держался за власть и при том продолжал воевать с Россией. Так, что ли? Я, получается, усугубил ситуацию своим письмом?

Тут мы встретили пятерых военных. Я узнал среди них Муслима и Мовсара. Муслим почему-то тоже был в камуфляже. Лицо его покрывала небольшая щетина.

– Рад тебя видеть! – воскликнул я и обнял его.

Тот как-то смущенно улыбнулся и сказал:

– Ты, наверное, меня с кем-то путаешь.

Я посмотрел ему прямо в глаза, пытаюсь понять, шутит он или нет. А может, нет? Может, в этом мире мы не знакомы? Муслим был еще тем шутником. Но в его глазах не было никакой иронии.

– Извини, – сказал я. – Ты так похож на одного моего одноклассника.

Вроде бы, я все сделал правильно. Ни Муслима, ни остальных двоих мы с Казбеком не знали. Мы были знакомы только с Мовсаром и Идрисом. Мовсар был все тот же, что и в моем старом прошлом. Как и в прошлый раз, он был в охране Масхадова. Теперь уже не президента. Остальных двоих звали Хасан и Заур.

– Что там слышно с фронта? – спросил Казбек Мовсара.

– Басаев с Хаттабом еще держатся. Говорят, они полностью захватили какое-то село в Дагестане.

– Ничего, – сказал Муслим. – Скоро весь Дагестан возьмем.

– Ничего нам это не даст, – произнес Мовсар.

– Нам это даст райские сады.

– Вот не надо опять начинать!

– А что? Ты считаешь, мы должны были сидеть и смотреть, как наших братьев-мусульман убивают в Дагестане?

– Они такие же мусульмане, как я христианин.

Муслим от такой шутки загоготал.

– Да-да, – подтвердил Мовсар свои слова. – Никакие они не мусульмане. И не ваххабиты. Кремлю надо было завязать с нами вторую войну, чтобы вернуть Чечню под свой контроль.

– А как же подписание мирного договора в Хасавюрте? – заметил Идрис.

– Это тоже был их план. Они поняли, что переборщили с «контртеррористической операцией» в Чечне. Тем более на них стал давить Запад. Надо было сделать передышку и создать новый план. Вторжение Басаева и Хаттаба в Дагестан – самый подходящий вариант.

– Думаешь, Басаева и Хаттаба можно купить? – спросил Казбек.

– Не знаю, можно или нет. Но сами они могли не знать, куда их втянули. На человеческую психику можно воздействовать до такой степени, чтобы он покончил с собой. А на войну пойти – тем более.

– Да зачем Кремлю вообще Чечня далась? – осведомился Хасан.

– Нефть. Все дело в ней. Все потраченные деньги можно восполнить ею. Вы знаете, как много у нас нефти?

– Тогда почему Кремль не начал войну с Азербайджаном? Там тоже много нефти. К тому же он находится у Каспийского моря. А у нас никакого доступа к морю.

– Во-первых, Азербайджан больше нас, во-вторых...

– Это вы уже перегнули палку! – махнул рукой Муслим. – Вы еще скажите, что развал СССР тоже придумал Кремль.

– Развал, скорее, придумала Америка, – сказал Идрис. – Как и войну в Чечне.

Муслим усмехнулся.

– Это еще зачем? – спросил он.

– Чтобы подорвать целостность России. Действительно, зачем Кремлю Чечня, ведь жертвы и с их стороны колоссальны?

– Значит, ты их защищаешь? – спросил Муслим.

– Я их не защищаю. Я смотрю на вещи объективно. Америка и Россия – это же две мировые державы. Россия – вечная головная боль для Америки. Она все время пытается ее во всем обогнать. В техническом прогрессе, в освоении космоса, в вооружении. Что по мне, так холодная война еще не закончилась. Просто она перешла на другой уровень. Америка стравлила Россию и Чечню. А кто финансирует чеченцев, как вы думаете? Арабские террористы? Березовский? Может быть, и они. Но они только исполнители. Организатором является Америка. Выяснение отношений с помощью грубой силы осталось в прошлом. Теперь все по-другому. Не нужно тратить на военную технику, не надо отправлять для этого бойцов армии. Для этого нужно только внедрить своего агента в лоно врага, подкупить кого надо или прочистить мозги – и все сделано.

– Интересно, – заговорил Мовсар. – России всегда свойственно сваливать все беды на Америку. Чуть что не то – виновата Америка. А вот американцы, наоборот, во всех смертных грехах винят Россию. Пойми, кто из них прав. Друг друга обливают грязью.

– Все мы не без греха. Но факт остается фактом: войну в Чечне задумала Америка.

– Ты считаешь, они купили Хаттаба с Басаевым?

– Этого я не говорил. Хотя и допускаю такое.

– Чеченцы не продаются!

– Поверь мне, купить можно любого человека, какой бы статус он ни занимал и какой бы он ни был нации.

– Если следовать твоей логике, то и Магомедова подкупили, чтобы он в девяносто пятом объявил независимость Чечни.

– Что?! – невольно встрял я в разговор. Все повернулись ко мне. – Какой Магомедов?

– Как какой? – сказал Казбек. – Президент наш.

– Бывший, – подчеркнул Идрис.

Вот теперь я точно ничего не понимал. Независимость? Магомедов? В девяносто пятом году? Казалось бы, так просто: спроси – тебе ответят. Скорее, если я задам хоть один из этих вопросов, на меня посмотрят как на сумасшедшего. Чтобы этого избежать, я решил импровизировать:

– А кому вообще пришла в голову идея объявить независимость? Разве Магомедову?

– Да об этом еще Яндарбиев с Закаевым говорили в девяностом году, – ответил мне Мовсар, – когда Магомедова не избрали. Только дальше слов дело не пошло. Замяли это. Яндарбиев вообще пропал куда-то. Вряд ли Яндарбиев его на это надоумил. Наверное, Закаев. Хотя и тот довольно долго оставался в стороне от власти.

– А я знаю, где они были, – сказал Идрис. – Их обрабатывали. Точнее, Яндарбиева обрабатывали. Готовили, так сказать, к будущей войне и к тому, какую он роль в ней сыграет. Помните его знаменитую реплику: «Война должна была начаться. Историю не изменить»? Это он неспроста говорил.

Эта реплика была для меня как послание. Послание для меня лично от Яндарбиева. Он получил письмо. После чего отошел от дел. Через какое-то время снова появился и подписал Хасавюртовский договор. Как и в моем старом прошлом. Но война все равно началась. Только когда?

– Ты поосторожнее с утверждениями, – предупредил Идриса Заур, рассмеявшись. – Если тебя услышит охрана Яндарбиева, тебе уже бояться не Америки надо будет.

– Зато он протестовал против того, чтобы в войну втягивали Ингушетию, – заметил Казбек.

– Это не делает ему чести. – Сказал Идрис. – Ингушетия все же ввязалась. Помните?

– Ага, – подхватил Мовсар. – И теперь расплачивается за наши грехи.

– Это Магомедов во всем виноват, – сказал Хасан. – Он и втянул Ингушетию в войну.

– Кто виноват в этом, мы знаем, – подмигнул мне Идрис, ухмыльнувшись. Он, конечно же, имел в виду Америку, но для меня смысл сказанного стал совсем иным. По сути, я в этом и был виноват. Своим вмешательством я изменил ход событий и втянул в войну Ингушетию.

– Кто бы виноват ни был, – сказал Муслим, – война действительно должна была начаться. В этом Яндарбиев был прав. Будущее делаем не мы, а... – он указал пальцем в небо.

Вопросов у меня было много. Чтобы узнать все, мне нужен Интернет. Однако все кругом закрыто. Никто не работает. Что делать?

– У кого-нибудь из вас Интернета нет случайно? – спросил я.

– У меня на работе есть, – ответил Идрис.

– Мне надо срочно электронную почту проверить. Есть сейчас возможность туда пойти?

– Конечно, – ответил Идрис. – Пойдем. Посидим пока, чем тут стоять.

Офис Идриса был в нескольких шагах. Мы все частенько собирались здесь вечером, после того, как работа Идриса закончится. Так было в моем новом прошлом. Кажется...

Идрис включил компьютер. Я уселся за стол. Он оставил меня одного, присоединившись к остальным в зале.

Я сразу зашел в поисковую систему и набрал ключевое слово: «Война в Чечне, хронология».

В этом мире война в Чечне началась в 1997 году. В 1991 году Чечня и Ингушетия стали отдельными республиками. В том же году Президентом Чеченской Народной Республики стал некий Расул Магомедов. Во время его президентства в республике начинаются беспорядки: грабежи, похищения людей, вооруженные столкновения. Кремль утверждает, что президент сам затеял этот беспредел, дабы подорвать отношения с Россией. Магомедов, напротив, винит во всем спецслужбы России. На свое второе избрание

президент объявил независимость Чечни. Он обещал прекратить беспорядки. В Ингушетии тем временем были свои беспорядки. Там никто независимость не объявлял. Зато Магомедов решил «помочь» ингушам, введя в Ингушетию войска, чтобы навести там порядок. Кремль решил взять ситуацию в Ингушетии под контроль, отправив в отставку всю местную власть, поскольку, по их словам, они пособничали чеченцам в вопросе объявления независимости, к чему якобы и сами стремились. Так Ингушетия была втянута в войну. В самой Чечне война началась на несколько дней позже. Главной причиной начала боевых действий в Чечне стало именно введение на территорию Ингушской Республики войск Магомедовым.

В конце июня в Чечне началась операция по «наведению конституционного порядка». В первый же день Грозный был взят, поскольку основные силы чеченских войск были направлены в Ингушетию, где до сих пор шли боевые действия. Однако через пару дней боевики освободили Грозный. Затем началась бомбежка с воздуха. Чеченский отряд под командованием Шамиля Басаева совершил рейд на город Буденновск. Потом последовало нападение Салмана Радуева на Кизляр. Позже Магомедова уничтожают в его же резиденции. В общем, так война продолжалась до 1999 года. И тут на арену выходит Яндарбиев и подписывает с Россией мирный договор в Хасавюрте. Этот день назвали «встречей большой тройки». В подписании договора участвовали Александр Лебедь, Зелимхан Яндарбиев и полевой командир из Ингушетии. И вот 7 марта 2001 года Басаев и Хаттаб нападают на Дагестан. Большинство авторов статей сходилось во мнении, что это может закончиться второй чеченской кампанией.

Теперь мне стало ясно, почему в центре так мало людей и почему многие магазины закрыты. Все ожидали начала бомбежки. Так было в конце 1999 года в моем старом прошлом.

Интересно было то, что сценарий войны очень схож со сценарием войны из моего старого прошлого.

Позже мы с Казбеком попрощались с друзьями и вернулись домой.

Свое новое прошлое я не пытался вспоминать. От этого голова шла кругом. Я уже научился не думать о нем, когда был в Крепи. Тогда путаницы в голове не возникало. Прошлое всплывало понемногу само. Я думал о том, как исправить ошибку. Как все-таки прекратить эту войну? Письма Дудаеву и Яндарбиеву ничего не дали. Если я напишу письмо Расулу Магомедову, к власти придет другой человек и тоже объявит независимость. И все начнется заново. А что, если письмо написать Ельцину? Может, он и не питает нежных чувств к чеченцам, но все же, если я напишу ему, к чему это приведет, какие потери понесет не только чеченский народ, но и русский, какой скандал из-за этого разразится, как будет давить на Россию Запад, и все остальное, он наверняка задумается. Стоит попытаться. К тому же я чувствовал себя в ответе за войну в Ингушетии. Если бы я не вмешался в прошлое, ее бы там не было...

Мы с Казбеком сидели на парах, так как были студентами юридического факультета. Преподаватель диктовал нам что-то из учебника по гражданскому праву. Студенты записывали. Вместо этого я делал записи про войну, про то, как я участвовал в боевых действиях.

Я огляделся и увидел, что все студенты одеты в военную форму. И все они мне знакомы. Только не как студенты. А как друзья, знакомые и родственники. Здесь были Казбек, Муслим, Мовсар, Идрис, Мансур и многие другие, с кем меня судьба связывала в разных вариантах моего прошлого. Также я увидел Седу с Элитой. Они были единственными девушками в аудитории. И сидели они вместе. Только на них не было военной формы.

Тут я обнаружил, что преподаватель читает не гражданское право, а кое-что из моей личной жизни. Его лицо мне показалось очень знакомым. Я

пригляделся. Это был я сам. Только намного старше. Все мое лицо было в морщинах. Волосы покрылись сединой.

Преподаватель задал какой-то вопрос по теме. Я потянул руку, чтобы дать ответ. Но преподаватель – я-старый – меня в упор не видел. Он спросил у кого-то другого. Тот ответил. Затем он задал другой вопрос. Я опять поднял руку и тут же ответил на вопрос. Тот продолжал вести себя так, словно меня вообще не было в аудитории.

Я подумал: может, меня здесь действительно нет?

Попытки докричаться до своих однокурсников ничего не дали. Меня никто не видел. Я попробовал потрясти сидящего рядом со мной Казбека. Тот словно превратился в камень. Я не смог сдвинуть его ни на миллиметр. С остальными было то же самое. Я будто стал призраком.

Тогда я подумал: а может, я попал в свое будущее? Этот преподаватель – я сам. Если это так, то я-из-будущего каким-то образом вытеснил меня из своего тела и теперь я остался без оболочки. А если я вернусь назад в прошлое, то мое тело уже будет занято мной-из-прошлого. Что же тогда делать? Остаться призраком здесь, в будущем, или жить в одном теле с собой-из-прошлого?

На улице раздался мощный взрыв. Стекла окон разлетелись на мелкие кусочки. Стены в аудитории пошли волнами, так, словно они были резиновыми. Присутствующие продолжали сидеть на своих местах, как будто ничего и не было.

Раздался второй взрыв...

Я проснулся.

Стояло утро. Я лежал в одежде. Вчера я прилег на диван и, видно, так и уснул.

Я не мог понять, был ли взрыв на самом деле? Или мне показалось. Эхо раздавшегося взрыва до сих пор стояло у меня в ушах. Часто бывает, когда человек спит, внешние шумы ему кажутся намного громче, чем они есть на самом деле. Возможно, так было и сейчас. Например, это мог быть звук захлопнувшейся двери. А я принял его за взрыв. Во время военных действий со мной часто такое бывало. Я просыпался от какого-нибудь грохота и после гадал, был ли то взрыв. Не только во время войны. Со мной такое бывало и в Баку, и в Крепи. Услышав грохот, я с испугом просыпался, думая, что началась бомбежка. Но потом, вспомнив, где нахожусь, успокаивался и ложился обратно спать.

Словно ответ на мой вопрос, раздалось три взрыва. Они прогремели где-то совсем близко.

Прислушавшись, я услышал рев двигателей самолетов, на который сначала не обратил внимания.

Теперь у меня не осталось никаких сомнений. Это были взрывы. И удары были с воздуха. Авиация бомбила город.

Разве вчера война была? В пределах Чечни ее точно не было. Бои шли в Дагестане. Там находился отряд Басаева и Хаттаба. Неужели история повторяется? Авторы статьи, которую я прочел вчера в Интернете, были правы, утверждая, что после войны в Дагестане может начаться вторая чеченская кампания. Кто бы сомневался! Интересно то, что я оказался в самой гуще этих событий.

В комнату, как ошпаренный, влетел Казбек.

– Ты слышал? – тяжело дыша, изрек он.

Глава 15

Бомбежка продолжалась. Авиация наносила удары по всему городу. Взрывы раздавались со всех сторон. На небе виднелось несколько полосок дыма. Казалось, бомбы упадут прямо на наши головы. Было не разобрать, куда они целились. Может быть, и не целились вовсе.

Меня посетило чувство дежавю. Я, вроде бы, уже проходил через нечто подобное. Только в каком мире? В этом? Или другом?

Мы с Казбеком стояли на улице, наблюдая за бомбежкой, не зная, что предпринять.

Справа от нас за многоэтажным домом в небо поднимался густой дым. Что-то горело. Это было буквально в метрах ста от нас.

– Надо спрятаться в бомбоубежище, – сказал Казбек.

– А где тут бомбоубежище? – спросил я.

– В здании больницы. Это тут, рядом. Пойдем, тетке скажем.

Идея мне не очень нравилась. Тем не менее мы все втроем двинулись в бомбоубежище.

Пока мы туда дошли, на наших глазах авиация нанесла удар по зданию рядом с нами. Взрывная волна едва не сбила нас с ног. В здание попало ракеты три, не меньше. Сверху посыпались куски штукатурки и плит. Вся левая сторона здания, словно игрушечная, оторвалась от основной части и рухнула вниз. Поднялось облако пыли, которое закрыло нам весь обзор.

Пробегая мимо этого здания, я старался не смотреть в сторону разрушений, чтобы не видеть погибших, если они есть. Или то, что от них осталось. Я почувствовал запах смерти, после чего картина погибших возникла у меня в голове. Запах был неприятный и тошнотворный, и ни с чем другим его нельзя спутать. Я уже однажды ощутил этот запах. Во время первой войны. Это было в центре города. На одной из остановок, в месте наибольшего скопления людей, мимо которого я часто проходил, взорвалась бомба. Сам взрыв я, к счастью, не видел. Но, каждый раз проходя мимо того злосчастного места, чувствовал тошнотворный запах, который впоследствии нарек «запахом смерти». Не знаю, как его точно описать. То был запах взорвавшейся бомбы, перемешанный с запахом обгоревшей плоти. Наверное, так. Запах окончательно пропал лишь спустя недели две. А запекаясь кровь погибших еще долго оставалась на асфальте.

И вот я вновь его ощутил. Запах смерти. На этот раз он ощущался острее, тошнотворнее. Я едва сдержался, чтобы не вырвать.

Мы бежали со всех ног. Ракеты падали тут и там. Казалось, вот следующая ракета упадет прямо на нас.

Бомбоубежище являло собой полуподвальный этаж здания больницы. Поскольку этот этаж выдержал первую войну, его решили оставить под бомбоубежище на случай начала войны. Три верхних этажа были задействованы, а полуподвальный, судя по его внешнему виду, давно заброшен. В некоторых кабинетах стояли стеллажи с многочисленными медицинскими карточками, мебель и медицинская техника. Для эксплуатации ничего из этого уже не годилось. Все деревянное отсырело, покрылось плесенью, а все металлическое проржавело. Полы были влажными. В некоторых кабинетах вообще стояли лужи. То ли вода сюда затекала с улицы, после дождей, то ли водопровод где-то прорвало, то ли канализацию. Все было покрыто паутиной. Похоже, сюда давно не ступала нога человека.

Здесь был в основном персонал больницы и пациенты. Все остальные – такие же, как и мы. По большей части – женщины и дети. Пациенты были кто перевязан, кто на костылях, кто в инвалидных креслах, а кто вообще на

каталках с капельницей. Мало того, что на улице идет война, так еще приходится любоваться этими больными. Их вид производил угнетающее впечатление. И вообще, мне не нравилось все, что связано с больницей. С раннего детства я не любил больницы, поликлиники и врачей. Дело в том, что, когда мне было года три, я заболел желтухой, и мне пришлось несколько месяцев пролежать в больнице. Каково мне тогда было – находиться вне дома, среди чужих людей, эти нескончаемые уколы и капельницы. Делая мне укол, врачи утверждали, что мне не будет больно. Но каждый раз бывало больно. И это было обидно больше всего. С тех пор я не только невзлюбил людей в белых халатах, но и потерял к ним доверие. Для меня это были злобные обманщики, которые хотели сделать мне больно. После того, как меня выписали, мать еще долго водила меня к врачам, чтобы сделать укол, поскольку курс лечения еще не закончился. Я боялся не только врачей, но и всего, что напоминало мне о них. Как-то мы всей семьей пошли фотографироваться. Фотограф усадил нас на стулья и включил освещение. Тут я запаниковал, заревел, вскочил со своего места, спрятался в раздевалке и ни за что не хотел оттуда выходить. Освещение напомнило мне ослепительную лампочку стоматолога. Вот я и подумал, что меня обманом заманили к врачу и теперь пытаются сделать больно. Мать с отцом пытались меня успокоить, говоря, что мы просто сделаем фотографию и ничего страшного со мной не случится. Я не верил. Нет уж! Сколько раз меня пытались обмануть! Тогда они сделали фотографию без меня, чтобы показать, мол, видишь, ничего страшного с нами не произошло. Я и тогда не поверил. В конце концов родители сдались и решили насильно меня не фотографировать. Был еще один случай. Меня в первый раз повели в парикмахерскую. До этого меня стригли мать с отцом. Увидев человека в белом халате и с неизвестным мне прибором в руке, я испугался и заплакал. Но не убежал, как в прошлый раз. Каким-то чудом меня сумели уговорить сидеть на месте. Я сидел. И дал себя постричь парикмахеру. Почти все это время я рыдал. Не помню, какие мысли мне лезли тогда в голову. Может, думал, что в его руке появится огромный шприц, который он вонзит мне прямо в голову?

Бомбоубежище постепенно заполнялось новыми людьми. Бояться, что на всех мест здесь не хватит, не приходилось, так как этаж был довольно-таки обширным. Один коридор тянулся на пару десятков метров вперед. В конце он заворачивал налево и шел дальше, почти на столько же метров. А пустующим кабинетам не было числа. В общем, хоть на ночь оставайся. Конечно, удобства тут отсутствовали. Едва можно было найти на чем посидеть. На влажном и холодном полу не устроишься, если только не захочешь заработать простуду. Приходилось стоять. Но большинство людей были не с пустыми руками. Кто-то принес с собой постель, кто-то сменную одежду, а кто-то еду. В общем, все необходимое, чтобы выжить в суровых условиях. Видимо, они планировали остаться здесь надолго, если понадобится. А чеченцы этому уже научены. К счастью ли, к несчастью ли...

Одно радовало – было электричество. Благодаря нему, сюда и спустили по лифту («Работающий лифт?» – удивился я) тех, кто находился на каталках и инвалидных креслах. В коридоре горели только две лампочки. Со всех остальных патронов лампочки были выкручены. Думаю, и эти две закрутили только сейчас.

– Интересно, как долго будет продолжаться эта бомбежка? – спросил Казбек, не обращая ни к кому конкретно. Из своего нового прошлого я вспомнил, что он приехал в Грозный недавно. До этого он находился в Волгограде. Следовательно, он не прошел через все то, через что прошел я.

– Боюсь, это затянется надолго, – проговорил я.

Снаружи послышался чей-то отчаянный и переполненный болью крик. Он

становился все ближе и ближе, пока мы все не увидели, от кого он исходит. В бомбоубежище спустилась женщина с окровавленным лицом. Все ее платье было в пятнах крови. Люди стали подходить к ней и успокаивать. Но та была в истерике и продолжала кричать. Сначала я подумал, что она поранилась и ей больно. Как выяснилось из ее причитаний, на ее глазах умерла дочь. Ее ли собственная эта кровь или погибшей дочери, я так и не понял.

Женщину еще долго пытались успокоить. Вокруг нее суетились врачи, которых, на благо, здесь было полно. От ее криков и причитаний всем стало беспокойно. Дети присоединились к ней и тоже заплакали.

Люди принялись оживленно ругать российскую власть, перекрикивая взрывы. Кто-то ругал и боевиков, напавших на Дагестан, но их были единицы.

Я в это время думал о том, чтобы выбраться отсюда. В смысле, из этого мира. Вернуться назад в прошлое и все изменить. Я бы сделал это прямо сейчас. Но у меня не было конкретного плана о том, ЧТО можно изменить. Сколько раз я делал ошибки? Один раз я стал боевиком и чуть было не погиб. А сейчас в опасности был не только я. Своим вмешательством в прошлое я втянул в войну Ингушетию. Что на этот раз я сделаю неправильно? Втяну в войну весь мир? Стану причиной третьей мировой войны? Что бы я ни делал, становилось только хуже.

По этой причине я никак не решался на путешествие во времени. С другой стороны, здесь меня ничего не держит. Этот мир для меня чужд, опасен и непредсказуем. Я мог погибнуть в любой момент. Так что надо выбираться отсюда, так или иначе. Но с чего начать?

Вчера у меня возникла идея написать письмо Ельцину. Когда я в своей предыдущей жизни изучал историю, я много узнал про биографию Ельцина. Я знал о нем практически все то, что знал о Дудаеве и Яндарбиеве. Знал, куда можно отправить письмо. Одно «но». Его прошлое могло измениться так же, как изменилось прошлое в общем. Мне опять придется найти Интернет и изучать биографию Ельцина? В данный момент об Интернете можно забыть. Я мог вернуться к вчерашнему вечеру, чтобы покопаться в Сети в поисках нужной мне информации.

На улице прогремел мощный взрыв, который здорово нас всех потрянул. С потолка посыпалась штукатурка. Свет погас. Все погрузилось во тьму. Люди засуетились. Послышался детский плач. Кто-то включил фонарь и обвел лучом, пока не убедился, что все целы. Больше взрывов не последовало. По крайней мере, над нами.

Кто-то принес свечки и зажег их.

Я решил действовать. Долго тут оставаться нельзя. Если я поранюсь, то с путешествием во времени возникнет проблема. А если погибну – мне уже ничто не поможет.

Я закрыл глаза и представил тропу.

Как только появилось чувство бесконечности, моя голова закружилась. Я открыл глаза. Головокружение прошло. Стоило опять закрыть глаза и вызвать образ тропы, голова опять начинала кружиться.

Этого еще не хватало. Почему сейчас? Я еще не успел сдвинуть время ни на миг, а у меня уже начались признаки временной болезни. Нет. Я не могу здесь оставаться. Надо хорошенько постараться.

Наверху раздался грохот. В конце коридора сверху что-то обрушилось, проломив потолок. Прогремел мощный взрыв. Коридор охватило пламя. Оно тут же было потушено посыпавшимися сверху огромными кусками плит. На наших глазах засыпало двух человек, которые как раз стояли в том месте. Взрывная волна сбила многих с ног. Свечки опрокинулись, и вновь все погрузилось во тьму. Везде стояла пыль, поднятая взрывом. Грохот наверху

продолжался. Здание ходило ходуном. Еще чуть-чуть, и оно развалится, подобно карточному дому. Похоже, бомбоубежище из этого полуподвального этажа было никчемным.

Все были напряжены и испуганы. На их фоне я выглядел неестественно, потому что стоял в сторонке с закрытыми глазами, опершись о стенку. Увидь меня кто в этот момент, решил бы, что я под кайфом. Я старался отвлечься от всего и попытаться сдвинуть время с мертвой точки. При данных обстоятельствах сделать это ну никак не удавалось. Сердце билось в груди как бешеное, мозг отдавал приказ телу: бежать, бежать, бежать! А у меня были совсем другие планы.

Грохот над бомбоубежищем усиливался. Похоже, здание начинало разваливаться. Либо все обрушится на нас, либо мы окажемся в ловушке, засыпанные сверху. Этого я опасался больше всего. Я с детства боялся замкнутого пространства. Лучше умереть, чем оказаться заживо погребенным.

Все операции, которые я проделывал, чтобы управлять временем, я выполнял очень осторожно и медленно, чтобы, чего доброго, не потерять сознание. Чем сильнее я сопротивлялся потоку времени, тем слабее себя чувствовал. Чувство бесконечности и давления при этом усиливалось. Причем так сильно, как никогда прежде. Или мне так казалось из-за возникшей слабости.

На какое-то время я забылся, меня засасывало в какую-то пучину. Не знаю, сколько времени я пробыл в этом состоянии. Может, всего секунду, а может, больше. Я резко пришел в себя и открыл глаза.

Время остановилось. Люди с ужасом на лице застыли на месте. В воздухе повисли куски плит, штукатурки и пыли. Казбек держал тетю за локоть, словно мог защитить ее от падающих плит.

Я тоже замер, как и все. Попытка сделать движение ни к чему не привела. Мое тело словно было не моим. Я будто стал сторонним наблюдателем. Пропали всякие ощущения. До того, как время остановилось, мое сердце билось в груди как бешеное, а сейчас я не чувствовал никакого сердцебиения.

Мне уже один раз удалось остановить время. Это было, когда я отправился в прошлое, к Седе. Еще мне это почти удалось на мосту, когда мы оказались под бомбежкой. Пробовать двигаться в остановившемся времени не имеет смысла. Я это понял еще тогда. Допустим, если бы я мог двигаться, что бы я сделал? Вывел бы всех людей из бомбоубежища, пока они «зависли»? И куда бы я их вывел? На улицу, прямо под падающие бомбы? Или стал бы искать другое бомбоубежище?

Мне удалось остановить время, и одно это хорошо. Теперь надо прокрутить его назад. Конкретного плана я еще не придумал. Основная идея – отправиться в прошлое и написать третье письмо. О содержании письма я решу как-нибудь на месте. Главное – выбраться отсюда.

Я двинулся назад по тропе. Опять же, медленно и осторожно. Глаза на этот раз я не закрыл, поэтому видел, как все кругом пошло в обратном направлении. Очень медленно. Куски плит, штукатурки и пыль поднимались вверх.

Стоило мне ускорить темп, как я снова чувствовал головокружение. Это меня не остановило. Я двигался по тропе все быстрее и быстрее. Упавшие свечки встали на свое место и сами зажглись. Клубы пыли и дыма уплыли в конец коридора. Возникло пламя огня, которое быстро сжалось и вскоре совсем исчезло. На том месте, где прогремел взрыв, куски плит взмыли вверх и потолок принял свой первоначальный вид.

В глазах у меня затуманилось. Все поплыло...

Окончание следует.

Марьям Нохчиева**Книги, пережившие войну**

*Умару Яричеву и книге
Идриса Базоркина
«Из тьмы веков»,
спасенной им из огня
при обстреле Грозного*

Тишина. Уснули звуки дома,
Гаснут полуночные огни.
На моем столе – четыре тома,
Вывезенных мною из Чечни.

Страшная, безмерная усталость
Серостью ложится на щеках.
Сколько вас, истерзанных, осталось
В Грозном, Катыр-Юрте и Гехах?

На расправу отданных кому-то
В мире лицемерия и лжи,
Помнящих сражения Бамута, Гойты,
Гудермес и Шалажи...

Помнящих горящие Самашки,
Дом полуразрушенный, и в нем
Белые страницы, как ромашки,
Молча увядали под огнем.

А теперь... Уснули звуки дома,
Гаснут полуночные огни.
И смотрю я на четыре тома,
Вывезенных мною из Чечни.

Страшные ковровые бомбежки
Не тревожат вашу тишину,
Старые, потертые обложки –
Книги, пережившие войну.

Я терзать вас памятью не буду.
Под настольной лампой разомлев,
Так спокойно спите вы, как будто
Войны прекратились на земле...

Тишина, повиснув в темном зале,
Гонит прочь тревожную волну.
Книги, вас из пламени спасали
Люди, пережившие войну.

Парк Кирова

*...В 2006 году в парке Кирова
в Грозном были обнаружены
захоронения шестилетней давности.
Кое-где рядом с могилами
были вкопаны таблички
с нацарапанными на них именами
погибших... Все захоронения
относятся к периоду активных
боевых действий в столице Чечни –
к 2000 году...*

Не знаю, наверное, поздно...
Сомнений последний порог...
Парк Кирова в городе Грозном
Шесть лет свою тайну берег.

Ты здесь не увидишь дорожек,
Лишь ветры ночные поют.
Здесь жертвы ковровых бомбежек
Нашли свой последний приют.

Военное время, блокада...
И Грозный – в бушующей мгле...
А люди погибли – и надо
Предать их на время земле.

Поставить хоть памяти вехи,
Чтоб не затерялись тела,
Пока их не примет навеки
Погост родового села.

Могилы с воткнутыми рядом
Дощечками вместо чуртов...
Погибшим под залпами «Градов»
Готовим последний чертог...

И, глядя на небо сквозь слезы,
Пройдя через огненный шквал,
Смертельно израненный Грозный
На тезет последний вставал.

Дощечка... Адуев Бадруди.
Застыла бессильно рука...
Под грохот зенитных орудий
Здесь плакала Сунжа-река.

Сто лет проживи ты на свете,
Испей все до самого дна,
Но разве забудешь, как эти
Ножом вырезал имена?

Возврати меня

Я по дому болтаюсь без дела –
То одна, то с тобою вдвоем.
Чем, душа ты моя, заболела,
Где сокрыто лекарство твое?..

Помолчала... Ни звука, ни смеха...
И прислушалась я, не дыша –
Через долгое-долгое эхо
Тихо мне отвечала душа:

«Не ищи для меня утешенья
Ни в друзьях и ни в мести врагу,
Ни в объятиях прегрешенья,
Ни на дальнем морском берегу...»

Ты покинь на мгновение город,
Как его покидают порой...
Увези меня в Черные горы,
Где застыл над ущельем Шарой.

Где развалины старой мечети,
Где долина покоя видна,
Где лишь звезды ночные и ветер,

Да биение вод Аргуна...

Где о прошлом вздыхает вчерашний
Вековой потемневший уют...
Да глухие от времени башни
Боевые баллады поют.

Сквозь орбиту земного вращения,
Холод странствий и голод терпя,
Ради этого возвращенья
Я вселилась однажды в тебя!

Возврати... чтобы через одежды
Почерневшие камни ласкать.
А иную любовь и надежды
Для меня уже поздно искать».

Грозненский поезд

Вагонных колес бесконечная повесть.
Осталась давно позади Ханкала...
Холодную мглу режет грозненский поезд,
Дрожащих окон погасив зеркала.

В закрытом купе, словно в чьей-то неволе,
И падает ночь покрывалом сплошным.
А мне бы туда, в это белое поле,
К твоим деревьям и туманам ночным.

Мелькают вдали непонятные тени,
И еле видны силуэты домов.
А мне бы упасть в твою стылую темень,
Прижавшись к груди полусонных холмов.

Мой поезд летит... как хочу я – до боли! –
В холодную ночь, будто в пропасть, сойти!
Пока нас с тобой разделяют всего лишь
Сто метров его тормозного пути...

Вагонных колес бесконечная повесть...
На стыках судьбы, как на струнах звеня,
Вперед, на Моздок, мчится грозненский поезд,
С моею душой разделяя меня.

Дебют**Саламбек Алиев**

Родился 22 января 1977 г. Студент 2 курса отделения журналистики ЧГУ. Пробует свои творческие силы в жанрах прозы и публицистики. В журнале «Вайнах» публикуется впервые.

Яха

Рассказ

Ребенок родился весенней ночью 21 марта 1979 года. (Почему человек чаще рождается и умирает ночью – неизвестно. Также открытым остается вопрос, почему он вообще приходит на этот свет).

Ребенок – девочка. Имя дали чеченское – Яха. В переводе на русский язык означает «живи». Фамилия – Дадаева.

Яха в первые и в последующие месяцы делала все, что делают младенцы ее возраста – беспокоила маму: кушала грудь, плакала, как всегда не к месту, заставляла менять пеленки.

Когда Яха «нашла ноги», ей был год и два месяца. Под общие семейные восклицания Яха сделала свой первый шаг, второй, побежала, упала и заплакала. С тех пор за Яхой надо было смотреть в оба: только и мелькала из комнаты в комнату ее пухленькая попочка, обтянутая обгорелыми колготками (почему-то детские колготки всегда обгорелые, с желтыми островками и крапинками).

В шесть лет Яха пошла в школу: светлые волосы свободно свисают на спине, на макушке большой белый бант. Рядом мама, добрая, нежная, чуткая.

В параллельном классе учился Ваха Дадаев. Много говорил невпопад и часто злился на себя за это. В десятом классе Ваха взглянул на Яху так, как никогда не смотрел. Она засмушалась. Он тоже. Так родилась любовь.

В одиннадцатом классе Ваха сказал, что и фамилию не придется менять. Яха растерялась, как когда-то. Ваха уже нет.

Светло-русые волосы, часто собранные сзади в хвостик, реже сплетенные в косички, глаза голубые, веселые, задорные. Белая кость зубов сквозь алые губы, расплывающиеся в улыбке, кроткой и ласковой. Все, кто видел Яху, признавали, что она красавица – редкое явление, когда столько людей безоговорочно соглашалось и говорило правду.

Однажды, когда на кухне мама порезала ножом палец, маленькая Яха заплакала и поклялась стать врачом. После школы родители отправили Яху в Уфу, в медицинский институт. Ваха поступил в ЧГУ. Писали друг другу письма, длинные, вызывающие улыбки и желание жить.

Дни, недели, месяцы, наступая друг другу на пятки, сменялись у зеркала времени. Осенью 1999 года зеркало треснуло – война! Не достойные ни жизни, ни смерти вновь пришли на чеченскую землю.

Яха села на поезд «Уфа – Москва». В Москве пересела на автобус до Махачкалы. Оттуда на такси до Грозного.

Мама прибиралась на кухне. Отец в гостиной смотрел по телевизору новости, в последние дни все более тревожные. Звон разбившейся тарелки вывел его из оцепенения. Вышел на кухню. В дверях стояла Яха.

Крепко-крепко обняла маму. Плакала. Мама ругалась. Ругался отец. Хотели, чтобы на второй же день Яха уехала обратно. Она кричала – нет!

Ночью с мамой под одним одеялом проговорили до рассвета. Засыпая, почувствовала, как мама гладит ей волосы, голову.

После обеда мама пошла за покупками. Русские сбросили ракету прямо на торговые ряды. Площадь, где доселе находился рынок, была полностью сметена взрывной волной. Обезображенные и изувеченные тела: женщины, старики, молодые, дети. Валялись ноги, руки, головы. Кровь залила площадь и чавкала под ногами, как весенняя снежная каша.

Маму искали долго. В 9-ой городской больнице ее не было. Поехали в Аргун – многих раненых отвезли туда. На залитых кровью ступеньках Яха упала. Впервые за вечер сдала. Собралась встать. Не смогла. Ноги не слушались. Руки, пытающиеся оттолкнуться от земли, ломались в локтях. Не чувствовала тела, как будто из него выдохнули дух. Посмотрела снизу в глаза отца. В них слезы, губы судорожно дрожат.

Нашли маму только на утро во дворе центральной мечети, среди других тел. Одна нога лежала рядом, второй не было. Волосы растрепаны по бетонному полу. Голова опухшая, большая. Яха не узнала ее. «Это не моя мама! Моя красивая! Самая!»

Дядя из Москвы привез племяннику Вахе в подарок ноутбук – небывалая роскошь для чеченского студента образца 1998 года. Осенью 1999 года Ваха его продал и купил гранатомет. В январе 2000 года он в первый и в последний раз применил его в бою: к их позициям вышла русская бронетехника – два БМП и два танка. Ваха выстрелил первым, чуть погода пушка с БМП сделала ответный залп. В том же бою погиб друг Вахи Аслан.

Ночью в подвале под зданием бывшего радиозавода было холодно. Жестяная печка давно потухла, и на бетонных стенах сырость превратилась в ледяную корку. Все спали, кроме Салавди. Салавди должен выйти в ночной дозор. В дальнем углу лежали собранные в одеяло останки Вахи и Аслана. Салавди вышел из подвала и закрыл за собой массивную железную дверь. Сделав несколько шагов, он остановился. Услышал какие-то странные звуки. Звуки стали отчетливее. То был звонкий смех вперемешку с суматошным топотом. Звуки доносились из подвала. Пораженный, Салавди застыл – он же только что вышел, все спали. Его разыгрывают? Зачем? И как они смеют так веселиться, когда рядом лежат тела погибших товарищей? Рванул на себя дверь. В двух углах на плоских блюдечках коптели ватные свечки, предварительно окунутые в подсолнечное масло. Раздавался тяжелый, надсадный храп усталых людей, спящих вповалку. Салавди прислушался, прошелся вдоль спящих, всматривался в лица. Спали. Так что это было? Ему показалось? Почудилось? Нет!

Наутро Салавди рассказал об этом Халиду, прочитавшему в свое время много богословских книг. Он объяснил, что ангелы Аллаха этой ночью пришли к Вахе и Аслану и сопровождали их души в райские кущи.

Мы стояли на углу некогда большого дома, разрушенного при артобстреле. За Сунженским хребтом слышно было тяжелое и тревожное урчание русской бронетехники, а с неба, большого и бездонного, падали горошины белого снега.

Яха – удивительное дело, как она похорошела за эти месяцы – смотрит мне в глаза и улыбается: я только что сообщил ей о шахаде Вахи.

Через месяц, как похоронили маму, не стало и отца Яхи. После ночной молитвы он притулился к стенке. Позже, когда Яха подошла и тронула его за плечо: дада? – сполз на бок.

– Дада, мама, Ваха, они же все там? Да? – спросила Яха. В ее голосе, тоне его вовсе не было наивности, несмотря на кажущийся наивным вопрос. Наоборот, голос ее стал каким-то взрослым, уверенным, мудрым.

– Да, Яха, они все там.

Снежные хлопья падали нам на головы, на плечи, на землю... Временами казалось, что и нет войны, или, что она вот сейчас, в эту самую минуту закончилась или должна закончиться.

– А помнишь, перед моим отъездом в Уфу мы с Вахой стояли на этом же самом углу и прощались, ты проходил мимо, а я постеснялась тебя и повернулась спиной?

– Помню.

– Помнишь свои слова, сказанные Вахе?

– Да.

– Почему Ваха тогда тебя не послушался?..

Проехала машина, груженная домашним скарбом. Следом еще одна. Уходили люди, уезжали.

– Яха, ты должна уехать. Восстановиться в институте. Здесь война... здесь очень плохо и очень страшно.

Она взглянула мне в глаза и ничего не сказала.

Потом, когда мы уже попрощались (я только догадывался, что это в последний раз), Яха окликнула меня:

– Знаешь... я настолько права, что мне ничего не страшно.

Никто не следил за временами года, но на смену зимы пришла весна.

Не было ни журчанья талых ручьев, ни тихих улочек, ни пения птиц, ни длинных вечерних теней, отбрасываемых деревьями и домами, только пепел, подхваченный легким весенним ветром.

Яха лежала на спине. Раскинутые руки, белые тонкие пальцы сжаты в кулаки. Ноги широко раздвинуты, подол платья разорван. Платье разорвано и сверху, оголяя маленькие девичьи груди с едва заметными крошечными сосками. Голова откинута назад, и черный зев перерезанного горла напоминал крик, последний и отчаянный, обращенный к глухонемой вселенной... И глаза, устремленные вслед упорхающей из своего временного жилища душе.

Когда я поднял ее на руки, голова опрокинулась назад, и из растянувшихся жил засочился кровавый сок. Начал спускаться к машине, где меня ждали товарищи. День стоял солнечный. В синем небе не было ни единого облачка. Но в эту минуту мне остро захотелось, чтобы на небе сгустились самые черные тучи, которые только есть, чтобы ударил самый страшный гром и чтобы ливень, как будто с неба стянули полог, пронесся по всей земле, оглушая рыдания и смывая слезы.

С тех пор прошло много времени. На том самом углу, где Яха прощалась с Вахой, отстроили новый большой дом, а меня давно перестали мучить фантомы. Вот только иногда невозможно долгими ночами я вижу во сне лица. И среди них Яха. Она бежит по широкой зеленой поляне, усеянной пестрыми цветами. Потом на ее пути встает высокая белая завеса, похожая на огромное облако. Она оборачивается в мою сторону, улыбается и исчезает в ней. Мне каждый раз не терпится узнать, что там, за этой белой занавесью. Пытаюсь проникнуть туда, но всякий раз на половине пути просыпаюсь. Я чувствую и знаю, что там находится рай, о котором так много рассказано, но вместе с тем так мало описано в Коране и хадисах. И мне кажется, я знаю одну из причин того, почему мне не дано лицезреть, хотя бы во сне, это чудо: для его описания, даже самого робкого и крошечного, нужны метафоры, которые никогда не слышало человеческое ухо, и никакая фантазия, даже самая невиданная и изощренная, не может себе вообразить, что есть такие слова и обороты. Но они есть, наверняка, есть. Просто мы их не знаем.

Раян Фарукшин

Родился в 1978 г. в Республике Татарстан. Внештатный корреспондент журнала подразделений специального назначения «Братишка» и альманаха «Искусство войны», был во всех республиках Северного Кавказа, последние годы жил в Краснодарском крае. Победитель конкурса «Журналисты России против террора» (Учредители конкурса: факультет журналистики МГУ, Институт проблем информационной безопасности МГУ, Национальный антитеррористический комитет, Союз журналистов России) в номинации «Жертва террора»: статья «Третий тост: последний фильм Тамерлана» (журнал «Братишка», №5, 2008). Победитель открытого конкурса среди средств массовой информации «Комрад, амиго, шурави – 2008» (Украина) в номинации «Литература» (роман «Не спешите нас хоронить...»). Диплом «За выдающийся вклад в развитие военной темы в современной литературе» на Первой международной литературной конференции военных писателей «Писатели-ветераны: от Афгана до Чечни» (г. Санкт-Петербург, 2004). Автор романа «Не спешите нас хоронить...» (Москва, «Эксмо», 2006), соавтор сборника «Мы из Artofwar. Новая военная проза» (Москва, Андреевский Флаг, 2005, повесть «Зуб»), автор стихотворений музыкального альбома Дмитрия Михальцева «Как поживаешь, шурави? Памяти ветеранов локальных войн» (Екатеринбург, 2005), автор ряда стихотворений музыкального сборника «Искусство войны» (Москва, 2007).

Хлеб

Рассказ

Грозный. Год 2010, ноябрь. Погода на редкость прекрасная, +19, ветра нет, нет вообще никакого намека на глубокую осень, небо раскрашено различными оттенками красного, солнце стремительно падает за Терский хребет.

С Вованом, высоченным тридцатипятилетним сержантом-контрактником из Волгограда, идем по вечернему городу. Машин мало, людей не видно совсем, только у продуктовых магазинов небольшое движение, кто-то входит с пустыми руками, кто-то выходит с огромными пакетами халяльных продуктов.

Хочется есть. Вован ведет к небольшому магазину, где мы набираем масла, сыра, колбасы, чая и шоколада. Полную корзинку.

– Хлеб здесь не бери, – Вован реагирует на мою руку, протянутую к хлебному лотку, – не надо. Я тебя заведу позже в одно место, там всегда вкуснейший свежесдобитый хлеб. Настоящий, чеченский хлеб, на большой земле такого хлеба нигде не найдешь. Реально говорю. Вот увидишь, хлеб нам прямо из печи достанут.

Стоим в очереди на кассу. Вован торопится, переминается с ноги на ногу, нервничает, ему позвонили из части, нагрузили срочной работой, а он вообще – за забором. Наконец, подходит наш черед заплатить за покупки. Сержант спешно выкладывает продукты из корзинки на прилавок, лезет во внутренний карман куртки за деньгами. Нащупав купюру, достает и протягивает молоденькой девушке-кассиру, но та демонстративно отворачивается, манерно прижимает сотовый телефон к уху и лепечет что-то на родном языке. Вован бросает деньги на прилавок, пододвигает мизинцем к краю. Девушка не замечает, заглядывая в открытую тетрадь, улыбается и не обращает на нас ни малейшего внимания.

– Девушка, ау, девушка! Мы хотим вам денег за продукты дать, если они вам

нужны! А если не нужны, мы уйдем так, не заплатив! А? Вы можете нас обслужить, или мы так и будем стоять и ваши разговоры слушать? Или мы уходим?

Кассир подняла большие карие глаза на Вована. Отложила телефон. Закрывает тетрадь. Поправила платок на голове. Убрала пустую корзинку на пол, открыла большой черный пакет с рисунком и надписью «Спасибо за покупку!».

– Что вы на меня голос повышаете? – она старательно выделала слово «вы».

– Да я заметил, потому что я здесь часто отовариваюсь, как только очередь русского солдата доходит до кассы, вы постоянно игнорируете, болтаете по телефону и проявляете неуважение. Я когда работаю, по телефону не говорю! И вас прошу вашу работу делать быстро и качественно. Вот! – Вован разошелся не на шутку. – И не приду я сюда больше.

– Девятьсот тридцать рублей, – объявила кассир и победоносно улыбнулась, – с вас.

– Вон тыща, и – сдачи не надо! – сержант схватил пакет с продуктами и направился к турникету у выхода.

– Ага, – и девушка скороговоркой выпалила что-то в спину Вована почеченски.

– Блин, что за народ такой, – выливал на меня сержант свой праведный гнев, выйдя на улицу, – одни подставы! По мелочи, но укусят, ущипнут, покажут, что они тут рулят. Прав был дедушка Сталин, когда их всех в Сибирь да Казахстан! Я бы...

– Успокойся и не забудь, что за хлебом еще надо, – перебил я Вована.

– Точно, – он развернулся на сто восемьдесят градусов и повел меня в обратном направлении, – нам – туда!

Три чеченских милиционера с автоматами за спиной и в модных черных шапочках с эмблемой ЦСН ФСБ недобро покосились на шуршащего камуфляжем Вована, когда мы обогнали их у входа в булочную. Это я на двери прочел, на листке формата А 4 надпись от руки «Булочная». Покосились менты, но промолчали.

В небольшом полуподвальном помещении приятно пахло выпечкой. Так пахнет по утрам на кухне у моей бабушки в Татарстане.

– Здравствуйте, бабуля! Я к вам снова за хлебушком! Я вот, с другом, и ему ваш хлеб хвалил. Вкусный очень, говорю, – Вован показал на печь, – горячий!

– Здравствуйте! Да, да, есть у меня для вас. Прямо горячий, – пожилая чеченка в светлом платке и чистом белом фартуке искренне расплылась в улыбке. – Я знаю, вы у меня часто хлеб покупаете, спасибо! – Она вынула из старой металлической печи противень с двумя вытянутыми, похожими на французские булочки, брусками хлеба, поставила на стол. – Две буханки возьмете? А еще горячие пироги есть, с мясом, с картошкой, с сыром!

– Конечно, две возьмем. И пироги, да, Раяныч? Поедим, – Вован посмотрел на меня, а сам торжествующе засиял глазами. Точно, старый плут, подумал о початой бутылке чачи в холодильнике своей комнаты, что на третьем этаже солдатской общаги. – Мы же осилим, съедим? Ночь впереди длинная!

– Да, давайте пиров. С мясом, с картошкой, с сыром. По два – каждого!.

– Ой, спасибо, сынок, спасибо, – бабуля быстро уложила пироги и хлеб в пакет, протянула Вовану. – Ешьте на здоровье.

– Спасибо, бабуля!

– Растите большими и крепкими, ребята. Будьте здоровы! И – триста двадцать рублей за пироги и хлеб, пожалуйста, – чуть виноватым голосом добавила чеченка.

Я вынул из кармана штанов пятихатку и одновременно с Вованом протянул хозяйке булочной.

– Раян, успокойся, брат, я угощаю, – Вован кивнул на пакет с выпечкой, – ведь ты у меня сегодня в гостях.

– Не, это я к тебе в гости приду с хлебом, мужик, так что это ты расслабься.

– Раян? – удивилась чеченка. – Нохчи ву?

– Нет, татарин, не нохча, – ответил за меня сержант. – Просто имя у него

такое, мусульманское. Очень на ваше похоже.

– А... Татарин. Казань?

– Да, я в Казани родился. А вы местная? Всегда здесь жили? А в первую войну?

– Да, Раян, я местная. Да, всегда здесь жила. И в первую войну тоже. И всегда пекла хлеб. Сколько себя помню, всю жизнь я людям пекла хлеб. Не важно, война или мир, люди всегда кушать хотят. Чеченцы, русские, чуваша, татары – все нации, национальности, как это назвать, народы, негры или ингуши, осетины или дагестанцы – всем нужен хлеб. Хлеб – наше богатство, так нас учили.

– Но сейчас, когда относительный мир, вам ведь лучше живется? Спокойнее?

– Когда Джохар Дудаев был президентом – я хлеб пекла. И при Доку Завгаеве, Аслане Масхадове, Ахмаде Кадырове, Алу Алханове – пекла. И сейчас, слава Аллаху, при Рамзане Кадырове пеку. Я не политик, я пекарь. А мир, конечно, лучше войны! И живем мы сейчас лучше, спокойнее, уверенность появилась в завтрашнем дне. Разве плохо, когда не стреляют? Разве не счастье, что свет есть в доме, газ в трубах и вода в кране? Дик ду! Сейчас все хорошо! Спасибо России, Кадыровым и особенно Путину! Баркалла!

Заслышав фамилию «Путин», Вован зло усмехнулся. Злее, чем при слове «Кадыровым».

– Мы все, простые люди, понимаем, если бы не они, не Путин и Кадыровы, война бы шла всегда, тут бы всегда взрывали, убивали, – продолжала чеченка, – всегда нехороших людей в мире больше, чем хороших. И хорошо, что хорошие люди побеждают нехороших.

– А если Кадыров, не дай Аллах, умрет? Что будет? Кто к власти придет?

– Не надо такого нам события! Пусть он живет долго! Другого лидера нет, и не надо к власти другого! Видишь, как он город построил? Людям дал возможность работать, по улицам ходить, в институтах учиться, а не в подвалах сидеть! Я хочу, чтобы мои дети и внуки работали, строили, жили в мире, а не дрожали в подвале, когда бомбежки идут! Это очень страшно!

– А может, другой лидер будет умнее, добрее, порядочнее Кадырова?

– Нашим людям не надо умнее и добрее! Тогда порядка не будет! Хорошо, что водку не продают, хорошо, что детей религии учат, а не наркоманству. Рамзан вот школы и спортзалы строит в селах. Молодежь должна в школу ходить, учиться, спортом заниматься, борьбой, музыкой, танцами. Пусть танцуют, чем стреляют. Пусть в спортзале борются, чем на улице дерутся. Пусть читают, журнал вот у нас издают хороший, «Наша новая школа» называется, сама читаю. Читать лучше, чем курить и телевизор целый день смотреть.

– Так, если все хорошо, кто тогда в горы до сих пор уходит? Кто стреляет и взрывает?

– Я, неграмотная женщина, и то знаю, что когда работаешь и занимаешься семьей, не остается времени на дурные поступки. Чем больше будет работы, этих рабочих мест, тем меньше бандитов на улице и в горах будет. Чем больше Рамзан будет заниматься молодежь спортом и культурой, тем меньше они будут всякого дурного набираться. Кроме телевизора еще этот есть, нехороший, там много плохого показывают... Компьютер!

– Вы про Интернет?

– Да, да. Дети, они все на компьютер смотрят, на телефон, пусть Путин сделает, чтобы там не показывали плохого, тогда лучше будет детям! Не только чеченским, всем.

– Спасибо, бабуля, за лекцию, но нам пора, служба! – Вован разжал губы, смягчил выражение лица, почтительно кивнул чеченке головой, зашуршал пакетами и хитро подмигнул мне. – На выход, брат!

Я открыл дверь, пропустил вперед Вована, загруженного двумя пакетами, обернулся к застывшей в задумчивости женщине:

– Вот, пятьсот рублей сюда положил. Будьте здоровы! До свидания!

– Подождите, ребята, – чеченка подошла к плите, открыла духовку, выдвинула

противень с пирогами. Деревянной лопаткой зацепила один, самый румяный, переложила на тарелку. Закрыв духовку, завернула пирог в бумагу и опустила в пакет. – На, сынок, возьми, ешь, пирог с сыром. На здоровье, Раян!

– Спасибо вам! А можно я вас сфотографирую? Для себя. На память.

– У нас в народе не принято фотографироваться. Да и я уже не модель.

– Ничего страшного, – я достал из чехла фотоаппарат и снял хлеб. – Хлеб я запечатлел. Можно и вас?

– Хорошо, если настаиваешь, – она выправила платок на голове, – пожалуйста!

– Спасибо! – Я щелкнул ее у плиты. – А вот и снимок, – показал изображение на мониторе цифровика. – Хорошо вышли!

– Ай-яй, неплохо!

Скрипнула дверь, в булочную спустился широкоплечий коротконогий мужчина лет сорока пяти. С ходу буркнул женщине что-то жестко. Она ответила коротко, со словом «Казань».

– Журналист? Ты, – мужчина обвел меня колючим взглядом, – журналист? Не похож. Журналисты редко бывают с военной стрижкой и не ходят в спецназовских штанах. – Даже через куртку я вижу, что ты в тельняшке. Но ты не контрактник, глаза у тебя добрые. Возможно, офицер, замполит или что-то подобное.

– Я пишу для журнала...

– Канадского? – издевательски перебил меня чеченец. – Все говорят, что канадские корреспонденты, хотя я ваше рязанское нутро издали чую! И никакой ты не татарин, татары – невысокие и смуглые, я видел много татар, вон в Гудермесе менты казанские стоят.

– Не канадского. Отечественного. И я в вас кое-кого тоже разглядел. Вы бывший десантник. У вас маленькая накладка «Кабул» на ладони, хотя вы и пытаетесь ее закрывать, я заметил. Десантник?

– Это было давно. Был великий и могучий Советский Союз. Я, как все сверстники, служил. И не жалею о службе. Все, – мужчина отвернулся, давая понять, что разговор окончен.

– Можно один вопрос?

– Только один, – он развернулся ко мне. Ноги на ширине плеч, руки скрестил на груди. Колючий взгляд из-под широких черных бровей.

– Почему вы такой злой и у вас предвзятое ко мне отношение?

– А ты хочешь, чтобы я тебя любил и уважал? Не дожدهшься! Я никого не люблю и ко всем отношусь одинаково настороженно.

– Ко всем русским? Я имел в виду, ко всем не чеченцам?

– И к чеченцам тоже. Жизнь научила. Здесь жизнь не такая, как в Рязани! Как будто ты не знаешь! Знаешь! И кого я могу любить, если все мои родственники мертвы? Все мертвы! Ради чего или ради кого их убили?

– Кто кого убил?

– В первую войну русский самолет сбросил бомбу на мой дом. Случайно или не случайно, я не знаю. И не важно уже это. Погибли мои родители, которые отказались эвакуироваться в горные районы к родственникам. Меня сразу взяли в оборот дудаевцы, хотели заставить воевать против русских. Да, я не люблю русских! Как я могу любить тех, кто убил моих маму и папу и разрушил до основания наш родовой дом? Но я сдержался и не взял в руки оружия, потому что знал, что такое война. Если начнешь воевать, ни за что не остановишься, пока не погибнешь сам!

Когда к власти пришли ваххабиты, они напомнили моей семье мой отказ вступать в ряды боевиков, и убили моего старшего сына! Просто вошли в квартиру, где мы ютились, и расстреляли ребенка. На моих глазах! Но я не сделал того, чего они от меня добивались, я не стал стрелять в ответ. Иначе расстреляли бы и меня, и мою жену. Я пошел по иному пути, я хотел победить смерть жизнью, и родил двух сыновей! Но почему чеченцы ходили и убивали чеченцев? Уничтожали представителей своей национальности? Наверно, они упивались властью и

безнаказанностью? Не знаю. Но после такого отношения моих земляков ко мне я уже не должен их любить. Мне не за что любить чеченцев! Я не прав?

Потом пришла вторая война. Во время городских боев кто-то бросил в подвал дома гранаты. Не знаю кто, русский, нерусский бросил, смерть одной кистью всех мажет. В подвале том прятались люди. Некоторые получили ранения, некоторые погибли. Погибли от большой потери крови и мои малыши, умерла жена. Я остался жив только потому, что в это время ушел за водой. А когда вернулся, все были мертвы! Все мои родственники были мертвы! И ты еще хочешь, чтобы в моем сердце жила любовь? Почему я должен быть добрым и кого-то в этой стране любить, если страна отняла у меня все и всех!

– Тогда почему вы не эмигрировали? Много чеченцев уехало жить за границу.

Чеченец не успел ответить, приоткрылась дверь, показалась голова Вована:

– Братан, я устал ждать!

– Иду!

– Давай, поторопись, – дверь захлопнулась.

Я протянул чеченцу руку:

– Спасибо за рассказ!

Он крепко пожал мне руку, пристально посмотрел в глаза. Что он хотел увидеть?

...Вован тяжело дышал, мы скорым шагом направлялись в сторону Ханкалы, топпились до 19.00 пройти через КПШ части. Успели.

Оказавшись за высоким, мощным забором, Вован, наконец, расслабился, почувствовал себя защищенным, передал мне пакеты, закурил, пошел вразвалочку.

– А ничего она, бабуля, да? Я и не подозревал, что она такая сообразительная. Думал, катает себе всю жизнь тесто по столу и в ус не дует. А тут тебе и Путин, и спорт, и даже Интернет! В ногу со временем идет, – Вован покопался в карманах куртки, нашел ключ. Отворив дверь общежития, вошел, подождал, пока войду я, и запер дверь на замок. – Что скажешь?

– Вован, а ты ее тоже в Сибирь да Казахстан?

– Не понял? – он растерянно захлопал ресницами. – За что ее в Сибирь, брат? За хлеб?

Билеты на автобусы, выезжающие «в Россию» на автовокзале Грозного продают по предъявлению паспорта. Внутри Чечни можно кататься на автобусах сколько угодно, паспортов никто не спрашивает. А вот если необходимо выехать за пределы республики, будь добр, предъяви документ. Предъявил. Полная тетка в очках с поцарапанными линзами быстро заглянула в мой паспорт, закрыла, положила сверху билет и резко сунула в узкое оконце кассы:

– Место 21. Следующий!

Я так и не понял, занесла она мои данные в базу своего компьютера или нет. Ладно, неважно уже, меня толкал в спину пожилой суетливый чеченец, рвался за своим местом.

На парковочной площадке автовокзала топталась стайка милиционеров в черной форме, обычно используемой отрядами милиции специального назначения. Менты, все, как на подбор, низкорослые, до метра семидесяти максимум, обулись в добротные кожаные ботинки с высоким берцем, подпоясались дорогими ремнями с модными пряжками. Автоматы за спиной, ножи на ремнях. Стоят, семечки щелкают.

Меня, как неместного, вычислили сразу.

– Документ давай!

Протягиваю паспорт милиционеру с самым интеллигентным фейсом лица. Он читает фамилию, смотрит прописку, штамп «военнообязанный» и для чего-то страничку с графой «дети». Вдруг, наткнувшись на вкладку на татарском языке, меняется в лице, не может скрыть радости победителя и, упрятав-таки улыбку за ровные зубы, спрашивает:

– Это что? Паспорт российский? Иностранец?

– Россиянин. И паспорт – российский. А это вкладка на татарском языке, она во всех паспортах есть, выданных в Татарстане.

– Первый раз я такой паспорт уiju. Он настоящий? А уоенный билет есть? Ты контрактник, да? Куда едешь?

– Домой еду. Гражданский я. Паспорт настоящий. Военного билета с собой нет, гражданские люди с собой военных не носят.

– Да? – самый интеллигентный мент передает мой паспорт коллегам. Те с удивлением разглядывают надписи на татарском языке.

К нам подходит мой провожатый, сотрудник одной из спецслужб, чеченец. Что-то быстро объясняет ментам на родном языке. Понимаю слова «гражданский», «ко мне в гости приехал», «не контрактник», проскальзывающие в потоке незнакомых гортанных звуков и слов. Но менты нам не верят, отвечают вразнобой длинными фразами, с вкраплением русских «отделение», «там проверим», «подделка», «задержим пока».

– Хорошо, вот мое служебное удостоверение. А то автобус уедет сейчас, – мой провожатый вынимает из внутреннего кармана кожанки документ в красной обложке.

Менты, затихнув и перестав плевать шелухой, дружно читают написанное в удостоверении. Вздыхая с сожалением, неохотно возвращают мне паспорт, торопливо уходят в здание вокзала.

– Кто тебя спросит о цели поездки в Чечню, говори, что в гости приезжал, – наставляет провожатый, – к другу отца. Ко мне, то есть. Удостоверения журналиста военного издания не показывай никому, ничего хорошего это не принесет. Ты – гражданский, а у гражданских, кроме паспорта, обычно нет других документов. Не зли людей. За что им тут военных любить? Не за что. Хоть полковников, хоть журналистов, а контрактников вообще ненавидят.

– Понимаю.

Люди ставили сумки в открытое багажное отделение автобуса и поднимались в салон по одному, водитель проверял их билеты, сидя на своем рабочем месте, одной рукой по-хозяйски обняв руль, другой делая пометки в ведомости на планшетке. Едва завидев меня в очереди, он, обтерев безразмерным пузом руль, быстро выскочил на улицу. Схватив меня за локоть, отвел подальше от столпотворения.

– Ты чего, контрактник? – испуганно спросил он. Судя по чертам его лица и говору с ударением на «о» – славянин, скорее всего, казак со Ставрополя. – Будут теперь проблемы на всех постах! Опять!

– Я гражданский. В гости приезжал.

– Он гражданский, – утвердительно кивнул мой товарищ. – Ко мне приезжал.

– В сумке что? – водитель глазами показал на рюкзак за моей спиной. – Боеприпасы, оружие, наркотики? Ничего такого нет?

– Нет!

– Так, ты сумку свою с собой в салон бери, в багажное отделение класть не надо!

– Хорошо.

– Показывай билет. Угу, место номер 21. Иди, садись!

Я одним из первых сел в кресло. В самой середине салона, у окна. Рюкзак задвинул под сиденье. Отодвинув засаленную шторку с окна, помахал рукой провожатому. Он показал пальцем на часы, мол, пора идти, вынул из кармана сотовый телефон, мол, если что – сразу звони, весело помахал на прощание руками над головой и ушел.

Пассажиры занимали свои места. Я оглядел салон в поисках интересных собеседников, с кем можно было бы поговорить во время остановок. Так, кто у нас тут? Человек десять девушек, точно студенток, все, как одна, в хороших черных кожанках, темных платках, черных юбках ниже колен, черных невысоких сапожках на низком каблуке. Громко разговаривают, смеются, усаживаются, сразу доставая из пакетов бутерброды и фрукты на

перекус. Человек десять мужчин среднего возраста. Разношерстно одетые, с каменными лицами, колючими взглядами. Хрен знает, кто такие. Четверо широкоплечих молодых парней в широких спортивных штанах и потертых куртках, дешевых кроссовках, на студентов не похожи, вероятнее всего, едут на заработки. Два парня в тубетейках, скромные, тихие, в недорогих китайских куртках с подстежкой, в синих джинсах, кедах, мирно протискиваются на заднее сиденье. Точно, сельчане, и выйдут где-то в Ингушетии. Остальные, еще человек двадцать – пожилые тучные женщины, лица разные, как рисунки на продуктовых пакетах в их руках.

Рядом со мной плюхнулся в кресло молодой веселый паренек с включенным на громкую связь мобильником, болтавшимся на шнурке, накинутым через голову поверх куртки. Телефон трещал лезгинкой, парень широко улыбался, притопывал, почти танцевал.

Свободных мест не осталось. Я закрыл глаза. Очень устал за последнюю неделю. Чувствовал, что сейчас усну, моментально, стоит только чуть-чуть расслабиться.

Автобус резко дернулся, заглох. Несколько пакетов попадало на своих хозяев с верхней полки, установленной под потолком. Народ зашуршал снятыми и свернутыми на коленях куртками, привстал, принялся заталкивать пакеты кто назад на полку, кто под сиденья. Водитель завел двигатель, включил негромко музыку, какую-то иностранную попсу, выключил свет в салоне. Автобус медленно тронулся. Я прислонился плечом к окну, наклонил голову влево и провалился в сон.

Кто-то грубо толкнул меня в плечо. Я открыл глаза. Сначала посмотрел прямо перед собой, в окно. Странно, мы остановились за самыми воротами стоянки автовокзала, не проехав от шлагбаума и ста метров. Затем посмотрел вправо. В проходе стояло четверо мужчин.

– Эй, ты давай, место осуобождай нам. Это уот его место! – один из них показал на второго. – Он тут ехать будет! У него билет на дуадцать перуое место!

– У меня двадцать первое место, – спокойно начал я, но меня прервали.

– Нет, ты иди на улицу уиходи, аутобус ехать не будет, пока уот парень не сядет! Не пойдешь? Милицию позоу я! Туой билет непраильный!

– Подождите! Как неправильный, если я сюда прошел, показав билет водителю!

– Причем уодитель? Я – заместитель начальника аутоуокзала! Не задержуай рейс, уиходи! Тебе неурный билет дали!

– Что за ерунда вообще?

– Меня пропустите, – пролез между чеченцами водитель. – Я объясню.

– Парень, ты не спорь, – водитель наклонился ко мне, виновато пожал плечами, – ты возьми свой рюкзак и иди.

– Как это – «иди»?

– Не, не на улицу! Ты сядь на рюкзак в проходе в конце салона. Кто-то из аборигенов выйдет по дороге, может, в Назрани, нет, то точно в Пятигорске студентки выходят, займешь любое освободившееся место. Потерпи немного, иначе будет шоу. Прошу.

– Хорошо.

Я освободил насиженное место. В проходе набилось с десятков стоячих пассажиров. Видимо, сейчас с этим вокзальным боссом налезли. Но у меня ехать стоя не было ни сил, ни желания, боком-боком, между сумок и пакетов новых пассажиров, я добрался до конца салона, бросил рюкзак на ступеньку между последним сиденьем и проходом, плюхнулся сверху, обхватил колени руками, задремал. А что оставалось делать?

На выезде из Грозного автобус остановили на контрольно-пропускном пункте милиции. Водитель включил в салоне свет, выудил из-под солнцезащитного козырька документы и вышел. Два милиционера в светло-зеленых накидках «ДПС» поверх серых курток неспешно поднялись в салон.

– Дауай, все граждане передаем сюда паспорта на проуерку. Чем быстрее

соберете, тем быстрее мы уас пробьем по базе, и автобус дальше поедет! – крикнул один и начал принимать передаваемые ему документы. – Я вас пересчитаю! Если будет меньше документоу, чем уас здесь, пожалеете! Усе, усе, быстро документы мне передаем!

– Я судебным приставом в Грозном служу. Можно мне удостоверение вместо паспорта предъявить? – поднялась с места девушка с большими кольцами-серезжками.

– Нет. Только паспорта интересуют.

– А если я не взяла с собой паспорт? У меня удостоверение, тоже документ государственного образца!

– Если нет с собой паспорта, значит, щас за ним побежишь или в клетке посидишь, а я сам к тебе съезжу, – беззлобно пошутил милиционер. – Согласна?

Девушка отдала паспорт, села на место, что-то недовольно бурча. Что она, первый раз на автобусе из республики выезжает? Не знает правил? Или всем нам показывает, что она сотрудник ФССН?

Второй гаишник прошел по салону вперед, пригибаясь, внимательно рассматривал соотечественников, с некоторых снимал кепки и тубетейки. Уткнувшись в меня, он с удивлением спросил:

– Контрактник, да тут едешь?

– Нет.

– Дай военный билет.

– У меня только паспорт, я гражданский.

– Дай паспорт тогда.

Я протянул ему паспорт. Гаишник, не глядя, сунул его в нагрудный карман и развернулся к выходу.

Минут через пятнадцать оба милиционера вернулись, неся прижатые к груди стопки паспортов. Вывалив все на приборную панель, первый милиционер усмехнулся:

– Ты, пристау, уот документы, читай громко фамилии и раздавай! Ты ж грамотная дэушка! Я твои данные себе в телефон записал, ха-ха...

Девушка принялась читать имена и фамилии, передавать документы хозяевам.

– Всем вернули? – спросил водитель.

– Да, да...

Поехали дальше. Я мучился, заныла спина, затекли ноги, болела шея. Усталость порой побеждала хворь, и я проваливался в короткие мутные сны.

Проснулся на КПП в Ингушетии. Ингушские сотрудники правопорядка вели себя менее дружелюбно, чем немногим ранее их чеченские коллеги.

– Усе мужчины уиходим на улицу с паспортами, давай! Паспорта открываем, держим в руках! – заглянув в автобус, крикнул один из них. Другие дождались водителя, ходившего в здание КПП, открыли багажное отделение. Подсвечивая себе фонариками, они шарили в багажнике руками, после чего захлопнули крышку и отошли.

Я вместе с остальными вылез на улицу, встал в строй. Вдоль автобуса. К машине спиной, к милиции лицом. Милиционеры гурьбой прошлись вдоль строя, заглядывая в лица и поднесенные к ним паспорта, открытые на страничке с фотографией. Вопросов ни к кому не возникло. Забирая документы из наших рук, сержант в пятнистом камуфляже, коверкая слова, произнес сквозь торчащую изо рта сигарету:

– Мы уаши данные запишем, дауайте мнэ! Сами – суабодны!

Никто из стоящих у машины чеченцев не шелохнулся, пока ингуши не вернули документы. Стояли, мерзли, все-таки ноябрьская ночь даже на юге холодна, но не поднимались в салон. Печальный опыт потери документов, видимо, имели многие.

Разобрав паспорта, высыпанные милиционерами на ступени автобуса, мы вернулись в салон. Поехали! Женщины что-то выспрашивали у мужчин на чеченском, я ничего не понимал, кроме «баркала» (спасибо) и «дик ду» (все

хорошо).

Вскоре у какого-то села автобус покинули несколько человек. Я занял одно из освободившихся мест в самом конце салона, зажал между ног рюкзак, быстро уснул.

Следующая остановка была в Северной Осетии. Я проснулся от того, что кто-то стучал мне по голове чем-то тяжелым, металлическим. Открыв глаза, я увидел милиционеров, вероятнее всего, сотрудников ОМОНа, одетых в горные костюмы, берцы и черные шапочки-маски, окруживших автобус с автоматами навскидку. Двое ходили по пустому салону, заглядывая под сиденья. Один из них и постучал мне по голове стволом автомата. Весело! Это тебе не завтрак в постель. А где весь народ?

– Спишь? А ну – на выход! Тебя все ждут, – жестко сказал ОМОновец. – Рюкзак твой? С собойхвати, посмотрим содержимое. – Он громко чавкал жвачкой, показывая свое пренебрежение ко мне, неудачнику. – Бегом!

Я повиновался. На улице дрожал от холода народ. Мужчины – справа, женщины – слева. Я примкнул к мужчинам, накинул на голову капюшон, руки сунул в карманы. Прохладно, однако! Милиционеры попарно держали на мушке наши, разбитые по половому признаку, группы. Один из них смеялся, взхлеб рассказывая что-то по телефону не по-русски, другой продолжал жевать, поглаживая левой рукой цевье короткоствольного автомата. Понторез!

Паспорт у меня забрали, содержимое рюкзака разглядывали, высыпав мои аккуратно уложенные вещи на асфальт. Слава Богу, я не выполнил заказ друга, офицера ВДВ, и не купил ему на ханкалинском рынке модную кобуру и разгрузку по-дешевке. Сейчас бы нагреб проблем. Никто бы не стал сразу разбираться, откуда и для чего кобура и разгрузка, задержали бы меня на посту – «до выяснения». Пронесло.

Женщинам вернули документы, разрешили сесть в автобус. Симпатичная девушка с большими кольцами-сережками осталась, втягивая голову поглубже в поднятый воротник кожанки, она подошла к чавкающему милиционеру и сказала негромко:

– Я замерзла, хочу в туалет. Можно, я за дерево на обочину спущусь?

– Можно Машку за ляжку! Хочешь ссать, садись здесь!

Девушка фыркнула и скрылась в автобусе.

Не обнаружив среди моих носков и маек ничего интересного, мне позволили собрать рюкзак. Я запихивал вещи под тихие смешки чеченцев. Они радовались, что я, не нохча, попал под небольшой прессинг осетинских милиционеров.

– Кто Фирушкин? – спросил ОМОновец, вышедший с автоматом за спиной из здания контрольно-пропускного пункта.

– Я. Фарукшин моя фамилия.

– У тебя что за паспорт? Почему непонятный? Впервые такой вижу. Он настоящий? Ты гражданин России или как?

– Настоящий. Гражданин России я. Паспорт российский, выдан в Республике Татарстан с вкладкой на татарском языке, – четко ответил я.

– Из Чечни едешь? Из Грозного? Что там делал?

– Из Грозного. В гостях был.

– У кого? Где он проживает?

– У друга. Живет на проспекте Кадырова, дом прямо напротив строящейся мечети, за зданием нефтяного института.

– Есть на проспекте мечеть. Ладно.

– Мы его рюкзак посмотрели. Чисто у него, ничего, – вмешался в диалог любитель пожевать. – Личный досмотр провести?

– Да ладно, он же и не чечен и не военный. Любить и уважать его нам, конечно, не за что, но – пусть живет...

Когда автобус тронулся и водитель погасил в салоне свет, меня дернул за рукав сосед слева, круглолицый парень лет тридцати, в красной тубетейке набекрень. Он протягивал мне ломоть домашнего хлеба:

– Натерпелся? На, угощайся, брат!

Хаджимурадов Шемил**Даггара сан лерам хьуна!***Джамалханов Зайндига*

Йиш яц ваха хьуьнах, базара я хьера,
 Даьхний гулдеш ида, гуллакхаш дан ц'ера.
 Кехат к'арздеш, п'елгаша т'екъуйлу к'олам:
 «-а, -ах- чаккхе, вах-, хьуьн-, базар- дешан орам.
 Х'ун? Стен? Стенна? До, дер, дора, дира, дича, –
 Ша-шега луьй. – Мила? Маца? Х'унда? Мича?»
 Х'ума кхалла юк'яхваккхяхь, хуьлу дера. –
 «Илманна чувоблла и к'ант волуш лаьтта хьера».

Мотт телли ахь, дахар халк'ана д'аделла,
 Хазна юьллуш, лаьттахь лаьттар йолу мел а.
 Дезтк'е пхиь шо кхачарх, ца буьллу ахь т'адам.
 Зайнди, халк'ан дуьх'я сийлахь деха Адам!

Да ца яйра и це*Мамакаев Гаьрби дагалочуц*

Екош цо Терк-тоге я лаьмнаш-бахх'аш,
 Мотт шера волчун дош халк'ана тов;
 Мотт туху йоцчо шен юьхь а я яхь а, –
 ХьагI ю те я дайшлахь хилла те дов:
 «Нах тилош ваьлла ц'хьа яздархо юк'я,
 Т'ехь долчу т'едало и муха лов? –
 Хьахаво наха и Ленинал дукха,
 Веза и халк'ана Сталинал сов».
 Сибарех хьажорах виц ца вин наха,
 Сих йоблла цуьнан ц'е кийрахь ца йов....
 Кхечи и дайн кхерча даима ваха,
 Халк'о шен хьурмат деш хьалхачул сов.
 Марцарх ша ц'аро, шен йоккхучу ц'аро.
 Дог доцчу ко'ано дагна ярх чов,
 Лах ца луш, ца г'юьрташ мотт тоьхнарг каро,
 Дог шорта волчо-ма лазам а лов.

**Ошаев Халиде,
сайна и гуш санна**

Адаман хьек'ална онда деш асар,
 Илманийн марг'алш ган кийра х'у тасар,
 Йох'аца гайтар ахь Октябран алу, –
 Яра и стагалла, Кремле ца лалу.
 Кхин к'амнаш санна ду, баьхча ахь, вай а,
 Г'юьртира т'едал х'о х'аллакван, вайа.
 Човхорах, гатварх х'о ван-ма ца вайра,
 Вайнехан майралла гайтира майра,
 Ваьх'ира, махкана бовзуйтуш хесто
 Хьайн к'омах сийлалле кхачийнарш Бресто,
 Хийланх'я х'анйинарш к'ур кхерста майда –
 Ваьх'ира зуьрето шукра дар айдан.

Шамсудди Макалов**Перенести мне дай, Аллах!**

На грубый холст красу Чечни:
 Ее вершин и башен взлет,
 И рек стремительный полет
 Дай мне на холст перенести.
 Дай мне в стихах воспеть, Аллах,
 Селений яркие огни,
 И журавлей весенний лет,
 И ледники сковавший лед,
 Высоких звезд огни.
 Спеть песню о любви, Аллах,
 Ты мне однажды дай,
 И беспредельна песнь моя,
 Как мой Даймохк¹, моя Земля,
 В ней все: и ад, и рай.
 Мне спеть ее позволь, Аллах –
 Она жива во мне.
 В ней лучезарна даже боль
 И слез сладка в ней злая соль –
 Она живет во мне.
 Мне сердце матери, Аллах,
 Любовью дай согреть,
 Чтобы оно не знало бед,
 Ведь этим сердцем мир согрет,
 Чтоб он не видел бед.
 Тогда мне силы даст Аллах,
 Чтоб смерть я встретить смог
 Не в страхе плачущим щенком,
 А как невесту с женихом,
 Чтоб смерть я встретить смог.

Солнечный дождь**1.**

В каждой капле – капля Солнца,
 В каждой капле – Солнца дар.
 Польша и смеется
 Этот водяной пожар.

Дождик в солнечной рубашке,
 Летний дождь – подарок Бога.
 Все поля дождем пропахли,
 В лужах солнечных дорогах.

Я промок и все промокло,
 Все следы дождя хранит –
 Солнцем вымытые стекла,
 Листья кленов и раки.

2.

Польша и смеется
 В каждой капле лета жар.
 Я хочу быть каплей Солнца,
 В золотой хочу пожар.

Я хочу напиться лета,
 Литься солнечным дождем,
 И хочу я здесь, не где-то,
 Прорасти потом зерном.

Шатой

Здесь колыбель мою качала
 И песню напевала мать.
 С улыбкой светлою ласкала,
 Весь мир готовая обнять,

Мне все знакомо здесь до боли,
 Села родного каждый штрих,
 Здесь я учился в средней школе
 И написал свой первый стих.

Не много мне для счастья надо:
 Люблю Шатой, его простор.
 И благодатную прохладу
 Бархатистых Черных гор.

Шатой, мой милый, обжигаясь,
 У Аргуна твой воздух пью,
 И здесь высокой думы завязь
 Я в глубине души рашу.

Мне о твоём шатойском хлебе
 Стихом сейчас не рассказать.
 Все по душе... и краски неба...
 Поэмы буду создавать.

¹ Даймохк (чеч.) – Родина.

Она одна

Бессоница. Ей ночью плохо спится.
Она одна. И ей за сорок лет.
В пустом доме лишь тишина уютится,
Не резвятся дети. Мужа нет.

Наша жизнь – метанье
Меж добром и злом,
Я жажду совершенства –
Цель я вижу в нем.

В просторе комнат сердцу места мало,
Тускнеет, блекнет с каждым днем она,
От одиночества давно устала.
Она одна, как колос без зерна.

Я лечу к высотам –
Жить в святом краю.
В одеянье белом
Истину храню.

Не так давно и ей весна звенела,
Прозрачная не затмевалась даль.
Но это время быстро пролетело,
Он не на век – весны бесценный дар.

Наш язык – узор прекрасный,
Для меня он месяц ясный,
В нем родительская речь,
Что сумел я уберечь.

Немало ведь с любовью к ней горели,
Но не отозвалась на зов любви.
Ей метит увядающие годы
Ощущение собственной вины.

Колыбель мою качая,
Тихо, тихо пела мать.
...Мой родной язык, тебя я
С тех пор начал понимать.

Молодости завязь, нет-нет, приснится,
Все воскресить ей хочется теперь.
В оглядке этой ей порою снится,
Как будто муж с детьми открыли дверь.

Али Аздамиров

...И счастьем загорятся лица

Ноеет сердце,
Воет вьюга
На душе.
Встанет солнце,
Грусть согреет
По весне.
Ах, судьба моя,
Как жалкая торба,
Жизнь несется
По ухабам,
Как арба.
Грусть печалится,
Куражится в душе,
Память вихрем
Устремляется
К тебе.

Дни убогие встают
Пеленою серой,
Всюду слякоть, всюду грязь...
Остается верить:

Дни весенние придут,
Осчастливят скоро –
Мягким солнечным лучом
Пробегут по спорам...

Мне б увидеть эти дни,
Милостивый Боже,
В это время сладки сны,
Но об этом... позже!

Как птица Феникс возродится
И станет краше во сто крат
Моя любимая столица,
Мой самый славный Грозный-град!

Как прежде, зацветут бульвары
Под аромат цветущих роз...
И мы забудем запах гари
И канонаду страшных гроз...

И будут гордые горянки
В нарядах строгих восхищать
Сердца, влюбленные в их лики
И в грациозную их стать.

Над Сунжей песни будут литься,
Дворы заполнит смех детей.
И счастьем загорятся лица
Войной измученных людей.

Все это было, есть и будет!
И будет жить моя Чечня,
Назло врагам, на радость людям –
Большая, дружная семья!

Ты с меня не взыщи,
Ты как выстрел в тиши...
Нежным взглядом твоим
Я убит.
А вокруг ни души,
У забвенья в глуши
Я стою сам собою
Забыв.
Ты ко мне поспеши,
Мою боль заглуши,
Моей ране не дай
Разрастись...
Крик усталой души
В свою память впиши,
А за слабость, родная,
Прости.

Луиза Эльмурзаева

Ведь стареет не дух...

Ему уже семьдесят лет!
Это много – подумает кто-то.
Сколько б лет ни прошло,
А он молод! –
Воскликнет другой.
Ведь стареет не дух – его тело,
А душа остается всегда молодой,
Разве что голова поседела...
Его мудрости хватит с лихвой на века.
Его совесть чиста, как вода родника.
Он достойно ведет за собою весь род.
Благородны, скажу без сомненья,
Его поступь, дела и стремленья.
Молодежь его поколения
В ссылку выжила и в войну.
Много жизненных сил и здоровья
Мы сегодня желаем ему!
Ниязбием – владеющим знаньем –
Ведь недаром его нарекли.
Он ребенком стремился к познаньям,
Постигая премудрость Земли.
Маяком сквозь года нам сияет
Путеводная эта звезда,
Нас по жизни ведет, согревает,
Пусть не гаснет она никогда!

Вот и кончились уроки,
Не стоять нам у доски,
Не записывать нам строки
Ежедневно в дневники,
Не сидеть нам больше рядом
И выглядывать в окно,
Не ухаживать за садом
На субботнике весной,
Не гадать на переменке,
Есть ли чудо или нет,
Не идти по той тропинке,
Что знакома много лет.

Наше интервью

Магомед Дадуев: «Прометей» – родимое пятно моей биографии

Старший преподаватель истории социальной работы Чеченской Республики ЧГУ, заслуженный работник культуры и науки ЧР, Магомед Абуевич Дадуев свыше тридцати пяти лет проработал в комсомольских, партийных и советских органах нашей республики. Его многолетний труд на государственной службе был тесно связан со сферой культуры, науки и образования и имел непосредственное отношение к деятельности первого и единственного чеченского литературного объединения «Пхъармат» («Прометей»), сыгравшего прогрессивную роль в развитии культуры и науки в советской Чечено-Ингушетии. Предлагаем вниманию читателей интервью, в котором М.А. Дадуев делится воспоминаниями о «прометеевском» периоде своей жизни.

Тебе нужна правда или ее двоюродный брат?

Арабская пословица

Мое дело сказать правду, а не заставлять верить в нее!

Ж.-Ж.Руссо

– Вы в прошлом комсомольский, затем партийный (КПСС), советский работник. Каким было это время – последняя четверть XX века?

– Было бы неразумно с моей стороны пытаться давать некую оценку прошлой эпохе. Как говорят нынче – это не мой формат. Но согласиться с утверждением, что 70-е годы прошлого столетия были сплошь годами застоя, я не могу – это неправда. Правда в том, что каждая эпоха дает человечеству «своих» гениев и подлецов. Как говорится, не стоит смешивать мух с котлетами.

Все мы в какой-то степени заложники своего времени и оцениваем его соответствующими мерками, с учетом цвета собственной души. Мы были молоды, и, одержимые романтикой, буквально во всем страстно искали и стремились к Истине, «чтобы, познав, – отстаивать Ее!». Для творческих людей в любом конкретно-историческом пространстве имеется обширный материал для художественного

осмысления. Не был исключением и период, о котором вы упоминаете.

В то время я работал в Чечено-Ингушском обкоме ВЛКСМ (некий прототип нынешнего Комитета по делам молодежи, но с большим практическим КПД) в должности заместителя зав. отделом пропаганды и агитации. Курировал работу с творческой молодежью: поэтами, прозаиками, артистами, композиторами, архитекторами, журналистами, художниками – словом, служителями муз. Первым секретарем в тот период был Герсолт Эльмурзаев (к слову сказать, достойный человек, немало сделавший для нашей республики), который сменил на этом посту восхитительную Тамару Махмудхаджиеву (Дала гечдойла цунна!).

– Известно, что литературное объединение «Прометей» зародилось в студенческой среде.

– Да, это так. В то время в Грозном было всего два вуза – ГГНИ и ЧИГУ. Атмосфера студенческой жизни Чечено-Ингушского госуниверситета той поры (альма-матер и колыбель «Прометей») была буквально пронизана духом поиска знаний, вдумчивого и осмысленного стремления познать мир, попытаться определить в нем роль и место вайнахского народа: его истории, культуры в сообществе, тогда еще советских, народов. Иными были духовные ценности, мораль, приоритеты. Царил дерзкий и всепоглощающий культ знаний, долга, чести, общенационального (не путать с узкотайповым) достоинства. В этих условиях не мог не родиться гениальный «Прометей», как некое братство талантливых молодых людей, ярких и безрассудно влюбленных в литературу.

– Ваши родители, Абу и Рабу Дадуевы, занимались литературой, национальным фольклором, трудились в журналистике. Почему Вы не пошли по их стопам, а выбрали путь профессионального госслужащего, аппаратчика?

– Да, я вырос в литературной семье, никогда даже не мечтал о карьере госслужащего, но волею случая оказался комсомольским работником. Вначале работал секретарем комитета ВЛКСМ профтехучилища № 28 в г. Грозном, а затем в обкоме комсомола. Там я обрел настоящих друзей – единомышленников, с которыми мы были вовлечены, как тогда утверждали, в общее святое дело строительства коммунистического общества. Но оторванным от культурной жизни республики никогда не был. К счастью, комсомольские чиновники 70-х годов прошлого столетия не были «сухарями». Им не были чужды музы: в большинстве своем они почитали искусство театра, литературу, живопись, разбирались в истории. Некоторые сами прекрасно исполняли национальные танцы, пели.

Под патронажем обкома ВЛКСМ в республике проводились масштабные мероприятия: фестивали, смотры-конкурсы искусств, литературные конкурсы и семинары с привлечением маститых деятелей культуры, крупных мастеров искусства. Торжественно проходила каждая премьера в Чечено-Ингушском национальном театре им. Х. Нурадилова, куда у вайнахской интеллигенции традиционно было принято приходить семьями. А режиссеры Р. Хакишев, М. Солцаев и ведущие актеры театра были людьми, узнаваемыми на улице (как сегодняшние олигархи) и очень уважаемыми (в отличие от олигархов).

В прессе и обществе тогда очень живо обсуждалась каждая литературная новинка: поэма, пьеса, роман, статья. Активно развивалось национальное изобразительное искусство. Со свойственной ему энергией работал зачинатель вайнахского киноискусства – талантливый Ильяс Тагаев, творили мастера декоративно-прикладного искусства И. Дутаев, У.-П. Нинчиев. На эстраде все больше стали появляться новые имена певцов (Мовсар Минцаев, Альви Мазаев, Апти Долхадов, Тамара Дадашева...), музыкантов, танцоров, мастеров разговорного жанра. Значительными были успехи чеченских спортсменов на чемпионатах РСФСР, СССР, Европы, мира и Олимпийских играх.

– Значит, социально-политическая среда способствовала зарождению «Прометей»?

– Не только, хотя и этот фактор, безусловно, сыграл немаловажную роль. В этих условиях, можно сказать, рождение легендарного литературного объединения

«Прометей» было предопределено Всевышним. Иначе невозможно себе представить, чтобы в стенах одного вуза могла случайно встретиться столь одаренная молодежь. У которой, пожалуй, не было другой цели, кроме дерзновенного поиска Истины и бескорыстного служения ей. Каждый из них был по-своему неповторим в искусстве владения словом, но всех роднила безудержная тяга к знаниям. Они были молоды, талантливы, свободны. И сердцами их правили вдохновение и любовь к возвышенному, светлому, духовному в человеке. В жизни и в литературе они были рядом друг с другом и никого – над душой. Лишь гармония и согласие души и тела.

Словом, это был этаким период ренессанса чеченской литературы. А «Прометей» стал центром притяжения одаренных молодых людей. По сути, именно он явился предтечей современной чеченской литературы. Ее светлым источником. Ибо все современные, наиболее талантливые поэты и прозаики в возрасте от 40 и выше лет – это хорошо известные «промеевцы», в разное время входившие в это литобъединение: Муса Ахмадов, Абу Исмаилов, Леча Абдулаев, Муса Бексултанов, Леча Яхьяев, Лула Куни, Шерип Цуруев, Абдул-Хамид Хатуев, Юсуп Яралиев, Бана Гайтукаева, Апти Бисултанов, Рамзан Ахмаров, Роза Талхигова и другие.

– Кто от власть предрешающих курировал этот участок работы с молодежью?

– Когда «Прометей» был в зените своей славы и произведения его участников занимали призовые места на различных творческих конкурсах – все. Союз писателей ЧИАССР, ректорат ЧИГУ, редакции печатных СМИ, парткомы, профсоюзы, комсомол и другие. организации взахлеб трубили о том, что это, дескать, результат их работы. Что это их детище и якобы они вырастили эту талантливую молодежь. Но когда «рвануло» – невесть за что – и над «Прометеем» сгустились тучи и засверкали молнии – все эти «отцы-радетели» вмиг исчезли.

Литкружок подвергся жесточайшей обструкции, а его активистов стали преследовать и обвинять чуть ли не в попытке государственного переворота. Литобъединение разогнали, и уже буквально на следующий день газеты пестрели обличительными статьями о националистах и неких мифических заговорщиках. А парткомы всех уровней – от университетского до областного – а также репрессивные органы с помощью «доброжелателей» стали всячески чернить молодых литераторов по принципу «патронов не жалеть». Стали возникать разные слухи о неких заговорщических настроениях или даже планах у некоторых участников литобъединения. Однако реально озвученного даже намек на политику в работе этого кружка я никогда не встречал.

Особое рвение в очернительстве демонстрировал А.И. Тацитов, работавший тогда завотделом пропаганды и агитации Чечено-Ингушского обкома КПСС, с которым у меня и в период моей работы в обкоме ВЛКСМ, и позже в бытность уже вторым секретарем Ачхой-Мартановского райкома КПСС неоднократно возникали стычки на идеологической почве. Да и не только у меня. Этот человек, скверно выражавший даже на русском языке свои мысли, а точнее, цитаты из учебников политпроса, был одним из тех «варягов», которых, казалось, намеренно засылали в национальные республики с единственной целью – вносить в жизнь местной интеллигенции раздор. Любый адекватный человек, способный иметь свое мнение, незащоренный взгляд на проблему, вызывали в нем беспомощную ярость. Ну, Бог с ним!

К счастью, были и другие очень авторитетные чиновники и просто замечательные люди, имена которых до сих пор с теплотой вспоминаются в нашей республике. В числе их В.И. Филькин, В.Ф. Русин, Герой Советского Союза П.М. Крутов, П.Н. Громов, В.С. Маслова, В.П. Борискин, комсомольские деятели А. Енин, А. Колков, С. Кияшко, В. Кавтарашвили, В. Чечель, И. Шлыков, В. Пьяных, С. Кулеш, Т. Маилиян, А. Голиков, Н. Сафонова, Л. Кошелева, О. Жидков, В. Калугин и многие другие люди разных национальностей. Очень позитивные и многогранные люди, профессиональные и человеческие качества которых вызывали уважение и признательность местного населения.

– Что значит для Вас «Прометей»?

– Не знаю, с чем это сравнить. Наверное, это редчайший случай, когда в жизни человека все так удачно складывается: высокие мечты, сбывшиеся в юном возрасте,

надежные друзья, любимое занятие... Конечно, все когда-нибудь заканчивается (и хорошее, к сожалению, быстрее, чем плохое), но этот счастливый отрезок в моей жизни был. «Прометей» – это как родимое пятно моей биографии. Так же, как и литературный конкурс (сегодня бы сказали проект) имени Саида Бадужева, или двухлетка по сбору произведений чеченского фольклора, или республиканское движение по сбору металлолома для строительства морского судна «Ханпаша Нурадилов» ко Дню очередной годовщины Великой Победы советского народа над фашизмом. Эти начинания мне посчастливилось инициировать в комсомольскую пору со своими друзьями: Мусой Арсемиковым, Ризваном Юсуповым, Ахмедом Дакаевым, Лом-Али Чентиевым, Абдуллой Шатаевым, Тамерланом Мадаевым, Саварбеком Гелогаевым, Сайд-Ахмедом Элесовым, Ахмедом Тагировым, Муслимом Автурхановым, Салманом Ахмедовым, Саидом Мазаевым и другими. Тогда каждый из нас был почти уверен, что именно «без него народ неполный».

Некоторые из них, как говорится, и сейчас в строю: продолжают честно и ответственно трудиться, передавая свой богатый опыт нашей молодежи. Они участвовали во многих молодежных начинаниях: в спорте, в культуре, на ударных стройках страны и республики, в науке... Везде, где нужны были молодая энергия и комсомольский задор. Так что вряд ли уместно говорить о застое в жизни творческой молодежи Чечено-Ингушетии той поры.

Как куратор данного направления работы, я часто присутствовал на заседаниях «Прометей», которые проходили в студенческом общежитии ЧИГУ по субботним дням. Проводил их известный сегодня неутомимый выдумщик многих телевизионных образовательных программ, талантливый поэт, прозаик и драматург Муса Ахмадов.

Предметом обсуждения на заседаниях литкружка всегда была старая, но «вечнозеленая» тема – исключительно литература. Обсуждались наиболее удачные новинки, разные жанры, подводились итоги творческих конкурсов и так далее. Здесь не принято было лукавить и фальшивить – все мысли и чувства, словно сама душа, без остатка и накипи выплескивалась стихами наружу.

– Как происходил разгром литобъединения?

– О разгроме «Прометей» я узнал от Татьяны Маилаян (заведующей общим отделом ЧИ ОК ВЛКСМ той поры), которая вместе с другими коллегами пришла навестить меня в 1-ю горбольницу Грозного, где я находился на лечении. Она же передала мне проект постановления об объявленном мне заочно выговоре по комсомольской линии. Естественно, из сотрудников обкома ВЛКСМ мне одному «влепили» строгий выговор с занесением в учетную карточку (по тем временам это строгая мера наказания для комсомольского чиновника). Сделано это было в большой спешке и с нарушением элементарных процедур – без приглашения меня на заседание бюро обкома ВЛКСМ.

Затем уже подробности произошедшего события рассказали посетившие меня некоторые члены «Прометей». Поразмыслив, мы убедились, что помощи нам ждать неоткуда и решили действовать самостоятельно: прямо во дворе больницы составили письмо в Москву, в адрес ЦК ВЛКСМ. Наша просьба заключалась в том, чтобы они комиссионно разобрались и открыто сказали о причине разгрома литобъединения.

С переданным мне Татьяной Маилаян проектом документа я из больницы прямиком направился к первому секретарю обкома ВЛКСМ в здании, в котором в настоящее время находится «Россельхозбанк» (кстати, его руководитель Усман Ериханов тоже в прошлом прекрасный комсомольский работник). Кроме представителей ЦК, там были из обкома КПСС: секретарь по идеологии М.О. Бузуртанов, упомянутый ранее А.И. Тацитов, председатель правления Союза писателей Р.С. Ахматова, члены бюро обкома ВЛКСМ, некоторые «прометеевцы». Учитывая, что я был одним из немногих комсомольских аппаратчиков, владеющих письменным чеченским языком, мне было поручено вести протокол, так как литературные произведения или отрывки там зачитывались на языке

оригинала – чеченском.

Между тем, приехавшие из ЦК ВЛКСМ оказались людьми не робкого десятка. Они достаточно объективно отнеслись к ситуации, благодаря чему во многом удалось сохранить литобъединение, руководителями которого впоследствии были назначены известные и авторитетные в республике поэты – Саид Чахкиев и Алвади Шайхив.

– Что было потом?

– После жестокой расправы «прометеевцев» вновь приютил обком ВЛКСМ, сам непонятно (мне – до сих пор!) за что пострадавший. Я много раз допытывался у работавшего тогда 2-м секретарем обкома ВЛКСМ Сергея Егорова: «Сергей, признайся, ты хоть можешь что-либо вразумительное сказать, что случилось, отчего этот злобный ор? В чем проявился приписываемый этим ребятам национализм, ты сам хоть видел какой-нибудь обличительный документ?» Он неизменно отвечал, что сам толком ничего не понимает в происходящем. Тем не менее по всей республике была проведена широкая идеологическая кампания нашего очернительства по корявой схеме: «Пастернака не читал, но осуждаю».

Безусловно, труднее всех было Герсолту Эльмурзаеву. Он тогда многим рисковал, пытаясь «замять» это резонансное «ЧП». Понял я это не сразу. Бесспорно, он человек удивительной судьбы. Знаю его давно, еще со студенческой скамьи. Умный, честный, открытый, мужественный и... жертвенный. С каждым годом все больше убеждаюсь в справедливости утверждения, что для карьеры порой важно оказаться в нужное время в нужном месте, а нередко – заискивающе сказать кому-то нужное слово или оказать сомнительную услугу. А у Герсолта Эльмурзаева все с точностью до наоборот.

Судьба и карьера у него оказались невероятно сложными. Насколько я знаю, он ни перед кем не юлил, не лгал. Во время многочисленных митингов 80–90-х годов не прятался за спины коллег, но мужественно и искренне пытался предотвратить столкновения между людьми. Даже ошибки его были какие-то бескорыстные, без личной для себя выгоды.

Доходило до смешного: само слово «Прометей» в тот период стало запретным. Абсурдным это кажется сегодня, но тогда имя титана древнегреческой мифологии, символа человеческой цивилизации, принесшего людям на землю свет, было у тацитовых табуировано. Стихи и рассказы авторов, попавших под подозрение, были подвергнуты подстрочному переводу. Прощупывали каждое слово, рифму – выискивали, не скрыт ли в них где-то вторым планом потаенный смысл, запретный мотив. В число «подозрительных» попали и произведения лидера прометеевцев – Мусы Ахмадова, перевод на русский которых поручили мне. Комиссия убедилась, что в них сплошь звучала тема искренней юношеской любви сельского парнишки к родному краю, гордости за свой народ, восхищения горскими обычаями, необходимости бережного отношения к родному языку, культуре и традициям отцов.

– Это же актуально и сегодня, в наши дни. Не так ли?

– Безусловно. Может, я и ностальгирую, но это вечная тема, а не только проблема в плоскости отношений «отцы и дети». Беспокоит сегодняшняя реальность: явный вектор девальвации нравственности и пренебрежения к морали, утраты духовности в стране. Говоря другими словами, творческие искания тех прометеевцев – это ровно часть той программы духовно-нравственного воспитания молодежи, которая провозглашена в наши дни Главой Чеченской Республики Рамзаном Кадыровым. Занимая высокое положение в российской и международной политической иерархии, глава республики, как мусульманин-чеченец, человек и отец, почитая высоконравственные нормы национальных традиций, всемерно противодействует пошлости, бездуховности, отходу от этнических культурных традиций.

– Известно, что СМИ – это мощное идеологическое оружие, а вместе с деятелями культуры они могут много позитивного сделать в плане воспитательной работы...

– Согласен с Вами. Наши местные СМИ делают много полезного, но в масштабе страны, увы, этого недостаточно. Более того, некоторые современные так называемые «звезды эстрады» демонстративно попирают общечеловеческие нравственные нормы. Мягко говоря, вызывают шок общественности. Например, лица с нравственными отклонениями типа моисеевых, зверевых. Или экзальтированные стареющие тетки-

певички, вульгарные выходки и постельные подвиги которых в печатных СМИ и на каналах TV (называемого в народе «зомбоящиком») охотно выставляются напоказ. Они уверены в том, как говорится на их же сленге, что «пипл все схавает».

Омерзительное смакование темы бесконечных «гражданских браков», блудливых замужеств с унижительной нумерацией своих бывших мужей/жен (официальных, гражданских, сожителей...), «гинекологические» телесюжеты Джигурды или проект «Дом-2», пошлости о «челябинском фрезеровщике», «спокойноночных мужиках» и прочей эпатажной «джигурдовщине» (кстати, в чеченском языке есть созвучное слово «джугург» – шут, клоун), которой СМИ и концертные организаторы потчуют молодежь, вызывают брезгливость и отвращение у большинства.

Все это похоже на целенаправленную идеологическую диверсию по растлению и оболваниванию современной российской молодежи. Это серьезная проблема. Идет жуткий процесс деградации молодого поколения путем огрубления нравов, разрушения духовного стержня нации. Где не последнюю скрипку играют артисты шоу-бизнеса, похожие на маргинальные группы, а также СМИ, наблюдая за которыми, ужасаешься, неужто увядает на таланты великая русская культура? Или она умирает вовсе?

– Не потому ли в старину на Руси самоубийц и артистов запрещали хоронить на кладбище?

– Да, православная церковь не благословляла похороны даже крещеных актеров в пределах кладбища. Считалось, что их ремесло от лукавого и тем самым актер подыгрывает антихристу. Так что иным из категории вышеупомянутых «звезд», безотносительно к системе мировоззрения и религиозных пристрастий, за подобное лицедейство, наверняка, «светило» бы получить место для захоронения за кладбищенской оградой.

А для профилактики некоторым из них, кто особо рьяно демонстрирует подобные негативные модели поведения, следовало бы, на мой взгляд, запретить для начала въезд на территорию Чечни с такими концертными программами. А некоторых из них, может быть, и лишить местных высоких званий. В любом случае, государство должно вмешаться в этот процесс – есть же западный опыт, где действует так называемая «полиция нравов». В российских масс-медиа, например, не мешало бы иметь отдельный «стоп-лист», то есть список подобных деятелей, которых нельзя не только приглашать, но и упоминать в эфире (заранее предвижу их истеричные завывания и вопли о цензуре). Уверен, что в данном случае цель оправдывает средства, ибо эта мера явилась бы исключительно стремлением защитить души наших детей от этой плесени общества, учитывая, что цель оправдывает средства. Этот бесовской разгул «безнравственных знаменитостей», который никак не может быть «к лицу» великой державе. Его решительно осуждает и русская православная Церковь, понимая, что подрываются вековые устои высокой духовности собственно русского государствообразующего народа. Ведь не случайно и протоирей Всеволод Чаплин прямо призывает их через Интернет: «... подумайте о своем будущем, измените свое поведение, так вам будет бесспорно лучше и в этой жизни, и в вечной».

Коль затронули эту тему, скажу: подобный образ жизни «звезды», которая демонстрирует очень негативные поведенческие модели, растиражированные СМИ по всей стране (а молодежь им подражает), приводит к ослаблению социальных, родственных связей и крушению семей. Следует учитывать, что в силу ряда факторов молодежь копирует их тип поведения. И, как следствие этого, – в стране наблюдается чудовищный скачок подростковой безнадзорности, наркомании, пьянства, проституции, детской беспризорности, преступности, различных болезней и...сокращается народонаселение России.

Ничего подобного во времена деятельности творческого объединения «Прометей» (70-е годы XX в.) в обществе просто не могло быть. Власть и родители решительно оберегали семью – ячейку общества – и детей – будущее страны – от всякого зла. Совершенно правильно поступило руководство Чечни, ее глава Рамзан Кадыров, объявив своим главным приоритетом Программу духовно-нравственного воспитания молодежи, памятуя о том, что «...условием богатой духовной культуры мусульманских народов является воспитание молодежи в духе гуманистических идеалов, заложенных

в Священных Писаниях». Он решительно отверг посулы и не пошел на поводу тех, кто услужливо склоняется к так называемым либеральным «ценностям» бесстыжей и бездуховной «еврозоны» (Евросоюза).

Кстати, о характере и опасности бездуховного западного общества очень убедительно описано в книге Сайд-Хасана Нунуева «Ноев Завет». Рекомендую – прочитайте.

– Полностью с Вами согласен, но вернемся к «Прометею». Чем все завершилось?

– Завершилось тем, что «руководящую верхушку» сменили, объявив взыскания различного характера. Были приняты общие рекомендации. Осудили якобы за закрытость кружка, за его однонациональность, хотя на его заседания мог придти любой желающий и интересующийся литературным делом и даже представители невузовской молодежи. Но случилось так, что все члены литобъединения, за исключением ингуша Алихана Муталиева, были чеченцами. Хотя некоторые из них писали и на русском языке. К сожалению, представителей русскоязычной части молодежи в кружке не было. С этим мы априори были согласны. Причина банальная – их не удалось завлечь, хотя приглашения о сотрудничестве в кружке периодически вывешивались. Это и мы сами считали недостатком в нашей работе. Но криминала в этом, как вы понимаете, не было.

Если же соизмерять финал с неоправдавшимися ожиданиями злопыхателей, то все завершилось хэппи-эндом. Во-первых, попытки (точнее сказать – заказ) подвести деятельность литературного кружка под статью о националистическом заговоре тогда провалилась – «лыжи не ехали!». А во-вторых, многие кружковцы, подобно одноименному Прометею, пожертвовавшему собой ради людей и подарившему им частичку огня от священного очага, сами спустя время стали символом испытания Духа.

– В чем обвиняли лично Вас?

– Как выяснилось позже, моя вина заключалась в том, что я на заседаниях «Прометея» всегда выступал на чеченском языке(?!), вручал почетные грамоты обкома ВЛКСМ победителям литературных конкурсов – словом, и не досмотрел, и плохо курировал, и вообще «зря парился», как говорит моя «продвинутая» внучка Хавушка.

– Но все же, какова разница в жизни той и нынешней молодежи?

– Вспоминая ту пору, и необязательно в связи с этим резонансным случаем, невольно возникают некие ассоциации с жизнью современной молодежи. Бесспорно, в плане материальной обеспеченности нынешние ушли далеко вперед: почти у каждого имеется личный автотранспорт, компьютер, айфон, доступ в Интернет, другие современные технические средства. Мне понятно, что это естественно для современного инновационно развивающегося общества. Так сказать, красиво жить не запретишь. Тем не менее с возрастом все больше ощущаю, чего-то недостает в этом сытном, но суетном естестве... для души. Хотя не нарушены законы мироздания и вечен поток времени: своим чередом следуют зима, весна и лето, рассветы и закаты, рождения и смерти... Лишь мы, люди, до бесконечности находимся в поиске согласия с самими собой. Я понимаю: жизнь изменилась, но мы все чего-то ждем, что-то ищем, тоскуем и переживаем.

– Что же тогда изменилось: мы или время?

– Видимо, все: и мы, и время, в котором отсутствует тепло и свет... того «Прометея». Да и качественно люди изменились – нельзя не увидеть разницу. Одинаково видят лишь слепые!

Беседовал Ибрагим Хизиров

Тамара Бурсагова

Духовно-культурное воспитание школьников в Чеченской Республике

Духовно-культурное воспитание подрастающего поколения в России и в каждом его субъекте – важнейшая педагогическая и идеологическая проблема, актуализировавшаяся в современных условиях культурного кризиса общества. Как определенную форму решения этой проблемы мы рассматриваем в данной публикации опыт духовно-культурного воспитания учащихся в школах Чеченской Республики.

Целью современного отечественного образования и одной из приоритетных задач общества и государства является духовно-нравственное воспитание подрастающего поколения. Все это предполагает социально-педагогическую поддержку духовно-нравственного воспитания, развития высоконравственного, ответственного, творческого, инициативного, компетентного гражданина России.

В ходе образования и воспитания обучающихся решаются следующие задачи:

– готовность и способность к духовному развитию, нравственному самосовершенствованию, самооценке, пониманию смысла своей жизни, индивидуально-ответственному поведению;

– укрепление нравственности, основанной на свободе, воле и духовных отечественных традициях, внутренней установке личности поступать согласно своей совести;

– формирование морали – как осознанной личностью необходимости определенного поведения, основанного на принятых в обществе представлениях о добре и зле, должном и недопустимом;

– развитие совести как нравственного самосознания личности, способности формулировать собственные нравственные обязательства, осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя выполнения моральных норм, давать нравственную самооценку своим и чужим поступкам;

– осознание ценности других людей, ценности человеческой жизни, нетерпимость к действиям и влияниям, представляющим угрозу жизни, физическому и нравственному здоровью, духовной безопасности личности, умение им противодействовать; [1]

В 2009 г. в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Законом Российской Федерации «Об образовании» разработана Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России, которая является основой для формирования духовно-развитого школьника, личности.

Являясь методологической основой деятельности школы, концепция представляет собой ценностно-нормативную основу взаимодействия общеобразовательных учреждений с другими субъектами социализации: семьей, общественными организациями, религиозными объединениями, учреждениями дополнительного образования, культуры и спорта, средствами массовой информации. На основе такого взаимодействия обеспечиваются условия для духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

Концепция определяет:

– характер современного национального воспитательного идеала;

– цели и задачи духовно-нравственного развития и воспитания детей и молодежи;

– систему базовых национальных ценностей, на основе которых возможна духовно-нравственная консолидация многонационального народа Российской Федерации;

– основные социально-педагогические условия и принципы духовно-нравственного развития и воспитания обучающихся.

Система образования играет ключевую роль в духовно-нравственной консолидации российского общества, его сплочении перед лицом внешних и внутренних вызовов, укреплении социальной солидарности, повышении уровня доверия к человеку, согражданам, обществу, государству, уверенности в настоящем и будущем своей страны.

Среди наиболее острых проблем, касающихся дальнейшего развития системы образования в России, сегодня называется необходимость разработки действенных

программ воспитательной деятельности, направленных на создание условий полноценного развития подрастающего поколения. [2]

Социальная ситуация последних десятилетий в России, связанная, как известно, с идеологическим, социально-экономическим и культурным переустройством общества, породила множество негативных явлений, болезненно отразившись на облике молодого поколения. Прежде всего – это социальная пассивность, опасность попадания в сети наркотического и алкогольного дурмана, ухудшение условий содержания детей в семье вследствие экономической нестабильности, возрастание явлений социального сиротства, безнадзорности и числа правонарушений среди несовершеннолетних.

Перечисленные выше явления, вызывающие тревогу за молодое поколение, характерны для всего российского общества, требуют принятия неотложных решений, лишней раз подтверждая, что воспитание было и остается важнейшей и неотъемлемой функцией образования. Таким образом, назрела необходимость обновления системы воспитания детей в образовательных учреждениях и семье. Образовательное учреждение было, есть и остается основным участником, обеспечивающим воспитательный процесс и взаимодействие ребенка, родителей и семьи. Говоря о современном состоянии воспитания детей и молодежи в России, нельзя не видеть и наметившихся позитивных изменений в этой сфере. В последнее время обозначились положительные тенденции, определяющие перспективы развития духовно-культурного воспитания как приоритетного направления государства. Духовно-нравственное воспитание личности, как важнейшая составляющая социально-экономического развития, является одной из ключевых задач, решаемых в Чеченской Республике. Здесь накоплен значительный опыт духовно-культурного воспитания молодежи, школьников и имеются соответствующие перспективы. Сегодня глубокое изучение морально-этических норм своего народа дает возможность подрастающему поколению вобрать в себя и развить все лучшее, что было создано историей человечества, обогатить в новых условиях многообразие духовных ценностей. Ключевая роль в духовно-нравственном сплочении общества отводится образованию. Именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и духовная, культурная жизнь школьника.

Так, в гимназии №4 проводится значительная работа по реализации программы Федерального Государственного стандарта по духовно-нравственному развитию и воспитанию личности.

Для определения знаний и ориентированности учащихся в народных традициях и обычаях, степени сформированности у них умений в их соблюдении в гимназии №4 было проведено анкетирование. Анкета содежала следующие вопросы:

1. Фамилия. Имя. Класс.
2. К какому типу (роду) относишься ты сам (а), твои родители? Знаешь ли ты свою родословную? До какого поколения?
3. Какие народные праздники отмечают в твоей семье? Какое участие в них принимаешь ты?
4. Знаешь ли ты народные традиции и соблюдаешь ли ты их?
5. Как ты считаешь, нужно ли современному школьнику знание народных сказок, песен, примет, игр, пословиц и поговорок?

Статистическая обработка данных анкетирования показала, что уровень знаний этнокультурных элементов среди учащихся старших классов высок и составляет 80 %.

Мы выяснили, что многие учащиеся могут назвать и описать народные игры, произведения чеченского фольклора; знают свою родословную до 5–6 поколения. Но вместе с тем, следует отметить, что знания учащихся носят поверхностный характер, нет глубины и полноты в описании отдельных элементов этнокультурных явлений и традиций.

Среди учителей данной гимназии был проведен опрос на тему «Способно ли подрастающее поколение выбирать истинные нравственные ценности и подчинять им свое поведение?». Из 60 опрошенных учителей 90% ответили положительно.

Вот некоторые высказывания учителей:

М.Х. Агамерзаева, учитель истории, педагогический стаж – 31 год:

«Я считаю, что подрастающее поколение способно выбирать истинные нравственные ценности, но на их психику отрицательно действует Интернет».

Т.И. Усманова, учитель чеченского языка, педагогический стаж – 25 лет:

«В наших детях природой заложены нравственные ценности, а развивать это должны родители и учителя».

А.М. Ахтаева, учитель русского языка, педагогический стаж – 26 лет:

«Молодые люди в нашей республике очень ответственные, высоконравственные и прекрасно понимают нравственные ценности, обычаи и традиции своего народа, но на

их психику негативно влияет западная культура».

Э.А. Исаев отмечает: «Надо помнить, что у большинства школьников преобладают положительные качества. Опираясь на эти качества, легче устранить недостатки в их поведении». [3]

Этическое воспитание школьников осуществляется прежде всего и главным образом в процессе обучения. А это – коллективная деятельность учащихся, учителей и родителей.

Известно, что особая роль в духовно-культурном воспитании подрастающего поколения принадлежит семье, родителям. Для выяснения степени понимания родителями воспитательной значимости того или иного обычая или традиции с ними проводились беседы. Проведенный среди родителей начальных классов опрос выявил следующую картину. На вопрос «Какие колыбельные песни Вы знаете и поете ли Вы их своим детям?» из 40 опрошенных родителей утвердительно ответили только 10 человек; на вопрос «Какие жанры чеченского детского фольклора Вы используете в воспитательной практике?» многие родители назвали сказку.

Большая роль в формировании подрастающего поколения у мусульман отводится воспитанию детей в духе исламских традиций.

«Самое ценное, что дает отец своему ребенку, – говорится в Коране, – хорошее воспитание». В целях воспитания школьников в духе исламской традиции среди старшеклассников – учащихся 9-х, 10-х и 11-х классов гимназии №4 был проведен опрос на тему «Нужно ли в школе изучать ислам?» 95 % опрошенных ответили положительно, а 5% ответили, что это приведет к переутомлению организма.

В процессе воспитания школьников гимназии №4 г. Грозного учитываются следующие аспекты:

1. Религиозный – предусматривает приобщение ребенка к обучению основам ислама.
2. Нравственный – подразумевает комплекс морально-нравственных принципов, которые необходимо привить ребенку с раннего детства.
3. Интеллектуальное воспитание формирует в характере ребенка стремление к постижению наук и познанию окружающего мира.
4. Физическое воспитание заключается в формировании сильного, крепкого, здорового человека, который должен испытывать радость и удовлетворение от той пользы, которую он приносит своей семье и обществу.

В ходе бесед с родителями выявилось следующее обстоятельство: на вопрос «Какое должно быть образование в школах – религиозным или светским?» 50 % из 45 опрошенных родителей считают, что образование должно быть религиозным, а 50% – светским.

Таким образом, в ходе наблюдений и бесед с родителями, посещений родительских собраний установлено: молодые родители практически не знакомы с жанрами чеченского детского фольклора, не поют своим детям колыбельных песен, не рассказывают сказок. Поэтому вооружение родителей умениями использовать народные идеи и опыт в своем повседневном общении с детьми имеет огромное значение в духовно-культурном воспитании подрастающего поколения.

«В Чечне делается все возможное для возрождения духовно-нравственных ценностей чеченского общества. Мы должны воспитать патриотов, которые заботятся о России, своем народе и республике. Это возможно только в том случае, если молодежь сохранит память о своих исторических корнях», – об этом заявил журналистам Глава ЧР Рамзан Кадыров.

Духовно-нравственное развитие и воспитание гражданина России является ключевым фактором развития страны, обеспечения единства народа на основе его моральных ценностей.

Именно в школе должна быть сосредоточена не только интеллектуальная, но и гражданская, духовная и культурная жизнь учащегося.

Духовно-культурное воспитание школьников является первостепенной задачей современной образовательной системы Чеченской Республики.

Литература

1. Данилюк А.Я. и др. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания гражданина России. – М., Просвещение, 2009. С. 6.
2. Закон РФ «Об образовании» – М., 27. 12. 2009 г. С. 2.
3. Исаев Э.А. Вайнахская этика. – г. Назрань, 1999 г. С.174.

Муса Багаев**Место спорта в моральном облике чеченца**

Аслаханов С.-А.М. Этническое наследие чеченцев
в сфере физической культуры и спорта. – Грозный, 2009. – 256 с.

В здоровом теле – здоровый дух
Ювенал

Эпиграф, который вы только что прочитали, – это надпись, оставленная выдающимся римским поэтом-сатириком Децимом Юнием Ювеналом, жившим почти две тысячи лет назад (около 60–130 гг. н. э.)¹. Он говорит о том, что в античном, т.е. древнем, обществе знали толк в спорте, ибо он укреплял тело, а следовательно, и дух человека. Правда, Ювенал почти повторил слова своего соотечественника, знаменитого оратора Марка Туллия Цицерона (106–43 гг. н. э.), который сказал, что «дух, благодаря упражнению, становится более деятельным и подвижным»². Словом, очевидно одно: они оба призывали заниматься спортом для оздоровления как тела, так и души. А вот как на все это смотрели наши предки, вы, дорогие читатели, можете узнать из новой книги известного чеченского педагога, спортсмена и талантливого ученого, доцента Чеченского государственного пединститута Сайд-Али Махмудовича Аслаханова. Монография называется «Этническое наследие чеченцев в сфере физической культуры и спорта»³. Это первое в Чечне издание подобного рода, чем и определяется уникальность книги. Да, вопросы физического воспитания в вайнахской среде затронуты в монографических исследованиях Д.Д. Межидова, И.Ю. Алироева, З.И. Хасбулатовой, С.Г. Басханова, Ш.М.-Х. Арсалиева, С.-М.А. Хасиева и других, но столь обстоятельному и профессиональному анализу подвергнуты впервые в рецензируемой работе С.-А.М. Аслаханова. Кстати, в 2008 году им же была издана книга «Детские подвижные игры, физические упражнения»⁴ (на чеченском и русском языках), которая стала очень востребованной в общеобразовательных школах Чеченской Республики. В ней особое внимание уделено чеченским играм, как с предметами, так и без них (всего 27 видов игр); играм-забавам (11 игр); физическим упражнениям с предметами и без них (7 упражнений) и т.д.

Однако вернемся к книге, о которой мы начали говорить. Уверен, что она уже нашла своего читателя, так же, например, как в 60-е годы прошлого века книга А.И. Краснова «Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии»⁵. В то время я был студентом и, припоминая, с каким чувством гордости за вайнахов мы читали замечательную книгу А.И. Краснова, не исключаю, что и рассматриваемую монографию читатели встретили с радостью.

Ученые установили, что физическому воспитанию молодежи уделяли пристальное внимание все народы мира. Более того, как верно подметил автор книги, в древности языческая религия покровительствовала спортивным состязаниям в силе и ловкости, быстроте и выносливости, носившим характер красочного праздника демонстрации гармонии физической силы и духовного благородства. Скажем, в Древней Греции помимо культовых праздников устраивались также общегосударственные торжества в память о том или ином выдающемся событии в истории страны: например, Элевтерии – день освобождения в честь победы над персами при Платеях в 479 г. до н.э.; Марафонии – в честь победы греков над персами при местечке Марафон в 490 г. до н.э. Прекрасный знаток нравов и обычаев древних греков и римлян польская исследовательница Лидия Винничук пишет, что бессмысленно было бы пытаться отыскать во мгле столетий имена тех, кто первым метнул диск или копье или обогнал других на колеснице. Начала всех явлений в жизни древних были опутаны облаком легенд и мифов, и отделить фантазию от исторической правды едва ли возможно. Уже мифы изобилуют сценами спортивных состязаний.

Первые сведения о спортивных состязаниях древних греков мы находим у Гомера. В «Илиаде» эти состязания связаны с религиозными обрядами, прежде всего с погребальными. Так, Ахилл устраивает поминальные игры в честь павшего своего друга Патрокла. Открывали игры гонки на колесницах, их сменяли кулачные бои, на очередь которым приходила борьба. Четвертый вид состязаний – бег, затем – метание

большого железного диска, а после этого выходили состязаться стрелки из лука и, наконец, завершались игры метанием копий⁶.

Если в «Илиаде» игры связаны с обрядами, то в «Одиссее» герои состязаются между собой только ради развлечения и для того, чтобы поддержать честь своего края. Так, принимая у себя во дворце дорогого гостя – Одиссея, царь Алкиной после пышного пира приглашает всю феакийскую знать:

...В мужских подвигах крепость

Силы своей оказать, чтоб наш гость, возвратясь, домашним

Мог возвестить, сколь других мы людей превосходим в кулачном

Бое, в борьбе утомительной, в прыганье, в беге проворном.

Предложили и Одиссею показать свою силу и ловкость, но он, опечаленный безысходными скитаниями, разлукой с домом, отказался. Однако молодой вельможа Эвриал, оскорбительно высмеяв его, заставил Одиссея отрешиться от горьких дум и принять участие в играх:

...Поднялся он и, мантии с плеч не сложивши,

Камень схватил он огромный, плотней и тяжелее всех дисков,

Брошенный прежде людьми феакийскими...

Этот камень Одиссей закинул намного дальше, чем феакийцы свои диски⁷.

Все эти состязания были гордостью эллинов. И не зря знаменитый философ Платон (427–347 гг. до н.э.) восхваляет гимнастические упражнения: «Гимнастика есть целительная часть медицины»; «Для соразмерности, красоты и здоровья требуется не только образование в области наук и искусства, но и занятия всю жизнь физическими упражнениями, гимнастикой», – говорил мудрый философ, но особое значение он придавал борьбе, ведь из всех видов упражнений она ближе всего действиям воина в бою. Поэтому, готовясь стать воином, – говорил философ – молодой человек должен в первую очередь заниматься борьбой⁸.

Спустя пятьсот лет другой знаменитый реформатор греческого общества Солон, говоря своему собеседнику, какую роль играет спорт в воспитании молодежи, закаляя ее тело и дух и давая незаменимую подготовку к воинской службе, заметил: «Ты понимаешь, насколько хороши с оружием будут те, кто и нагой (в Греции участники состязаний тренировались и выступали нагими) внушил бы ужас противнику, не обнаруживая ни дряблой белизны и тучности, ни бледности и худобы... Наши юноши румяны и смуглы от горячего солнца, сильны и полны жара и мужества благодаря тому, что наслаждаются отменным здоровьем, они не худы до сухости и не тучны до полноты, но сложены вполне соразмерно. Ненужное и лишнее выходит из их тела вместе с потом...»⁹.

Уместно отметить, что все состязания в Древней Греции на своем раннем этапе устраивались по личной инициативе одного человека, будь то легендарный Ахилл, Эней или царь Алкиной: они сами вызывали желающих сразиться, помериться силами, сами от своего имени назначали награды победителям. Когда стали проводить спортивные игры в честь богов и когда эти игры превратились в общеэллинские, ответить до сих пор не удавалось. Традиционной же датой начала Олимпийских игр считается 776 год до н.э., однако есть все основания полагать, что состязания в Олимпии проходили и раньше, убеждает нас антиковед Л. Винничук¹⁰.

Мы не знаем – участвовали ли наши соотечественники в этих греческих играх, скорее всего, нет, ибо они были только общеэллинскими. Вместе с тем, мы с большей долей уверенности можем констатировать, что многие виды спорта, известные из программы Олимпийских игр I-го тыс. до н. э., широко культивировались в доисторической нахской среде. В этом нас убеждает С.-А. Аслаханов в разделе «Народные подвижные игры и физические упражнения». Автор собрал убедительные факты, свидетельствующие о том, что у чеченцев издавна культивировались игры в мяч, сделанный из шерсти. «Размеры мячей были разные. Для игры на конях они были меньших размеров, для пеших игр – большие... Иногда мячи достигали размеров человеческой головы... В Ассиновском ущелье мячи изготовлялись из бычьего пузыря, надутого воздухом и обшитого мягкой, специально выделенной козьей шкурой». «А ведь хорошо известно, – сообщает автор книги, – расцвет игр с мячом в Древней Греции относится к Гомеровскому периоду (XI–IX вв. до н.э.)». В самом деле, наиболее ранние описания игры в мяч мы находим у Гомера в «Одиссее». В одном случае (Одиссея, VI, 100, 115)¹¹ речь шла, по всей видимости, об игре под названием «фенинда» или «эфетинда», основанной на своеобразном обмане партнера: кто бросает мяч, целит им в одного из играющих, а на самом деле кидает его другому, поэтому каждый участник должен был быть настороже, чтобы брошенный ему мяч не застал его врасплох. В другом месте говорится об игре, называвшейся «урания»: мяч подбрасывали высоко в небо, а другой

участник игры обязан был, подпрыгнув, поймать его на лету:

Мяч разноцветный, для них рукодельным Полибием сшитый,
Взяв, Лаодам с молодым Галионтом на ровную площадь
Вышли; закинувши голову, мяч к облакам темно-светлым
Бросил один, а другой разбежался и, прыгнув высоко,
Мяч на лету подхватил, до земли не коснувшись ногами.

Гомер. Одиссея, VII, 372–376.

Была еще игра «тригон», т.е. треугольник: каждый из трех участников должен был одной рукой поймать летящий мяч и, быстро перебросив его в другую руку, отослать кому-либо из партнеров.

Из командных игр в мяч назовем «гарпастон»: две команды пытались отобрать друг у друга мяч, причем игроки сталкивали партнеров с мест, где те стояли. Эта игра носила в немалой степени характер состязательный, требовала ловкости и силы, а также быстрой ориентации в обстановке¹², напоминая нам современную командную спортивную игру гандбол (пер. с англ. – ручной мяч). Великий завоеватель Александр Македонский (356–323 г. до н. э.) увлекался играми в мяч. Юлий Цезарь (101–44 гг. до н. э.) в Риме проводит игры в мяч, потом они широко были востребованы во всей Римской империи, о чем свидетельствует римская монета (III век до н. э.) с изображением игрока в мяч. В последующие века игры с мячом культивируются в различных государствах Европы, Азии и Америки, Иране, Армении, Грузии, а также и на Северном Кавказе, в том числе и в среде нахских народов.

Да, географическая среда (особенно горный ландшафт) не позволяет горцам внедрить в свой быт легкие древние колесницы, хотя они и использовались в виде арбы, но в спортивную программу колесницы (а тем более арбы) не вошли. Но зато сама лошадь стала самым любимым животным в горской среде. Помните у М. Ю. Лермонтова:

Золото купит четыре жены,
Конь же лихой не имеет цены.
Он и от вихря в степи не отстанет,
Он не изменит, он не обманет...

Горцы хорошо были знакомы со скакунами Востока и Средней Азии. Это говорит о том, что чеченцы активно практиковали конные скачки, игры и джигитовки. «В начале XIV века, – пишет автор, – среди чеченцев широко были распространены поминальные скачки на приз «оружия, лошади, сбруи и одежды» умершего джигита. В скачках участвовали дети, подростки и взрослые». «Я ничего не видел увлекательней этой скачки», – восхищался современник тех игр.

Вообще, с необыкновенным проникновением и очень профессионально написан автором весь раздел «Конные скачки. Игры. Джигитовка». С большим волнением читаешь обрядовые зарисовки конных скачек («Поединок», «Скачки до обрыва», «Конный танец» – «Дин хьовзор» и т.д.). Не буду пересказывать этот, воистину, занимательный и глубоко познавательный параграф монографии, но скажу с уверенностью, что, если бы древние греки, строители Олимпийских игр, присутствовали на Чеченских играх, они, во-первых, ахнули бы, а во-вторых, многое переняли бы для себя.

Ссылаясь на известного исследователя быта и жизни кавказских народов В.Б. Пфафа, С.-А. Аслаханов пишет: «Праздники имели большое значение, на них происходило что-то вроде Олимпийских игр, бывали состязания в верховой езде, кулачном бою, стрельбе, танцах, песне». Даже выдающийся поэт А.С. Пушкин не избежал от искушения описать столь яркий чеченский праздник в поэме «Тазит»¹³:

Ущелий горных поселенцы
В долине шумной собрались –
Привычно игры начались:
Верхами юные чеченцы,
В пыли несясь во весь опор,
Стрелю шапку пробивают
Иль трижды сложенный ковер
Булатом сразу рассекают.

То скользкой тешатся борьбой,
 То пляской быстрой. Жены, девы
 Меж тем поют – и гул лесной
 Далече вторит их напевы.

Здорово сказано! Ну как не восхищаться строками: «юные чеченцы... то скользкой тешатся борьбой». Да, тут эллины наверняка сказали бы, что чеченцы борются не хуже их олимпийцев, и были бы правы. А греки любили и высоко ценили борьбу. Она становится неотъемлемой частью древнегреческих Олимпиад с 708 г. до н. э. Победителями по этому виду спорта стали знаменитый математик Пифагор (ок. 570 – ок. 500 гг. до н. э.), мудрейший философ Платон (427–347 гг. до н. э.). Пифагору принадлежат слова: «Если можешь быть орлом, не стремись стать первым среди галок». Только истинный спортсмен мог сказать так. А если бы ему удалось чудом явиться в Чечню XX–XXI вв. и увидеть чеченских спортсменов – борцов, тяжелоатлетов, боксеров, футболистов, то Пифагор воскликнул бы: «Вот это орлы!» В самом деле, гордостью республики являются человек-легенда, баскетболист У. Ахтаев; чемпионы мира, Европы, СССР, России, заслуженные мастера спорта СССР – С. Хасимиков, А. Бисултанов, Х. Орцуев; мастера международного класса – А. Вараев, Б. Вараев, Р. Бадалов, Х. Мараев, А. Сайдулаев, Г. Товсултанов, Х. Джабраилов, В. Тарамов, У. Арсалиев, В. Магомадов; абсолютный двукратный чемпион мира по боксу Р. Себиев; чемпион мира 2009 г. А. Бетербиев; первые олимпийские чемпионы – тяжелоатлет И. Арсамаков; борец вольного стиля, семикратный чемпион мира и трехкратный олимпийский чемпион Бувайсар Сайтиев и многие другие, – подчеркивает автор книги. Более подробно о выдающихся спортсменах Чечни сказано в книге О.Н. Гумашвили «Спортивные звезды Чечни»¹⁴.

Дорогие читатели, я дал вам возможность только чуть-чуть ознакомиться с содержанием рецензируемой книги. За строкой остались не менее завораживающие разделы: «Общность физической культуры народов Кавказа», «Народная школа физического воспитания», «Физическое воспитание в учебных заведениях», «Ислам, физическая культура и спорт», «Народные подвижные игры и физические упражнения», «Альпинизм. Скалолазание. Туризм», «Баскетбол», «Велоспорт», «Канатоходцы», «Легкая атлетика», «Плавание. Переправы через реки», «Стрельба из лука», «Фехтование» и, наконец, «Футбол».

Читайте и изучайте книгу кандидата педагогических наук Саид-Али Махмудовича Аслаханова. Она будет очень полезна не только учителям школ, тренерам, учащимся, студентам факультета физической культуры и спорта ЧГПИ, которым она прежде всего адресована, но и всем спортсменам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей, культурой и спортом чеченского народа с древнейших времен по сегодняшний день.

Литература

1. Балязин В. Ювенал Децим Юний / Мудрость тысячелетий. Энциклопедия. – М.: Олма-Пресс, 2005. С.180.
2. Энциклопедия мысли. – Симферополь: «Реноме», 1997. С.137.
3. Аслаханов С.-А.М. Этническое наследие чеченцев в сфере физической культуры и спорта. – Грозный, 2009.
4. Аслаханов С.-А.М. Берийн каде ловзарш, физически упражненаш (Детские подвижные игры, физические упражнения). – Соьлжа-Г'ала, 2008. – 160 с.
5. Краснов А.И. Физическая культура и спорт в Чечне и Ингушетии. – Грозный, 1963.
6. Винничук Л. Люди, нравы и обычаи Древней Греции и Рима (Пер. с польск. В.К. Ронина). – М.: Высш. шк., 1988. С. 381–382.
7. Там же. С. 383.
8. Мудрость тысячелетий... С.89–90.
9. Винничук Л. Указ. соч. С.388.
10. Там же. С.383-384.
11. Гомер. Одиссея. Пер. В.А. Жуковского. – М.: 1981.
12. Винничук Л. Указ. соч. С. 286–287.
13. Пушкин А.С. Тазит. / Полное собрание сочинений. – М.: Издательство «АЛЬФА-КНИГА», 2010. С. 592.
14. Гумашвили О.Н. Спортивные звезды Чечни. – Грозный, 2009 – 640 с.

И в шутку, и всерьез

Ахмет Денисултанов

Бенефис для парадоксов

Афоризмы

Господа, в закономерности следует искать не суть, а последовательность позитивных совпадений.

Чем сильнее качают права, тем невесомее становится право.

Рейтинг – это такой будильник, по которому общественное мнение сверяет свои часы.

Где чиновник – царь и бог, там обыватель чувствует себя маленьким и беззащитным.

Как часто отсутствие творческого потенциала компенсирует рядовой плагиат.

Чтобы выйти в люди, одного желания мало. Нужна еще и профсоюзная путевка в большую жизнь.

О вкусах не спорят там, где предмета спора для гурманов нет и в природе.

Каждому свое: у одних на ушах постоянно висит лапша, у других – мобильник.

Даже если ты работаешь, как колхозный мерин, все равно получаешь, как молочный телок.

Иллюзия – это картинка из будущего, которое рисует уязвленное подсознание.

Я волком бы выгрыз бюрократизм, – сказал заяц-идеалист.

В стране Гулливеров мы все, как один, лилипуты.

Вот тебе, Помпея, и последний день!

Коррупция, джентльмены, есть сумма отпетых взяточников плюс легион взаимодателей.

Прощай, оружие, и, если навсегда, то навсегда прощай!

Солгавший раз солжет еще и еще раз в три короба.

Бытовая бедность – это финансовый Армагеддон.

Дайте мне арфу – руки чешутся.

Если между мужем и женой пробежала черная кошка, значит, следы следует искать в тещиной примерной.

Утро вечера не мудрее, а напудреннее.

Дайте мне зуб мудрости, а ума мне не занимать.

Ты кто? Я твоя тень!

Сколько не мели языком, а помола, как не было, да так и нет.

И на синоптиков бывает проруха.

Демагог похож на плохого садовника: без конца с трибуны проливает воду.

Когда жизнь превращают в одностороннее движение, она теряет прелесть многообразия.

Гюльчатай, закрой личико и захлопни пасть!

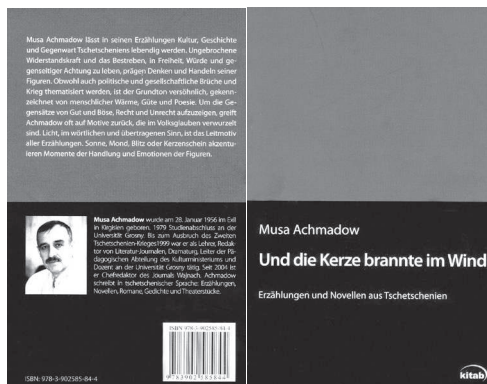
Взятое с потолка – это идеи, которые висят в воздухе... недовостребованные и ненужные никому.

Чем короче руки, тем длиннее язык.

Да, смежники, хотелось, как лучше всех, а получилось, как сами видите.
Когда сора в избе выше головы, жаловаться в ЖКХ – поздно!
В сделке с совестью посредников не бывает.
Жила, как у тракториста за пазухой: каталась, как сыр в техническом масле.
Я бы в дворники пошел, пусть меня научат.
Интересно, почему нынче профсоюзные путевки в Рай?
Если бы не яблоко раздора, то интрига с первородным грехом вряд ли получила свою развязку...
Простите, вы Баба-Яга? Нет, Элизабет Тейлор!
Для рыночных отношений финансовый антагонизм, как кость в горле.
Слово от реплики недалеко падает.
Нет хуже того несправедного добра, нажитого нечестным путем.
Это ж каким негодяем нужно быть, чтобы так виртуозно играть на...
нервах?!

Жил на широкую ногу: брал на мохнатую лапу.
Лучше слон на воеводстве, чем заяц во хмелю.
Нет хуже тех денег, которые неразделенная любовь!
Собаке – собачья жизнь! – заявил кот Базилио.
Любовный треугольник – это, когда у жены роман на стороне, а муж на...
рогах.
К правде он был глух и нем.
Подхалим – это волчок, который вечно вертится под ногами начальства.
Надо же, сначала столько натворить, а потом доказывать, что творим историю.
Хорошо плачет тот, кто свое уже оплакал.
Ударение – это резолюция в кубе.
На чужие деньги и дурак кайфует, а ты попробуй на свои!
Ума нет, зато зубы крепкие.
Ни стыда ни совести, ни отца ни матери – круглый сирота.
Аксиома: Геростраты – это вечная игра с огнем.

Книжные новинки**Чтобы свечу не задуло ветром**

В мае 2011 г. в издательстве Kitab Клагенфурт-Вена (Австрия), в серии книг «Писать на войне – писать после войны», вышел сборник повестей и рассказов известного чеченского писателя Мусы Ахмадова «Чтобы свечу не задуло ветром». Перевод произведений М. Ахмадова на немецкий язык был осуществлен Марианной Херольд и Русланом Базгиевым. Как уже сообщалось в одном из номеров журнала «Вайнах», Марианна Херольд родилась в 1950 г. в Базеле (Швейцария), изучала историю, фольклор и государственное право в Базельском университете. Активно занимается чеченской тематикой, специализируясь на переводе чеченской литературы. Руслан, 1975 г.р., выходец из Грозного, с 2001 г. живет в

Цюрихе (Швейцария), изучает ислам и славистику в Цюрихском университете и работает над диссертацией по Кавказу.

В издательстве Kitab в настоящей серии уже увидели свет сборник рассказов современных чеченских авторов (2006), произведения Султана Яшуркаева (2008), Джамбулата Идиева (2009) и Мусы Бекеултанова (2010).

В новую книгу вошли повести и рассказы М. Ахмадова разных лет: «Горы воздвигаю на земле», «И муравейник не разрушая», «Дикая груша у светлой реки», «Деревянные куклы», «Сказка о трех братьях», «И была весна», «Чтобы свечу не задуло ветром», «Гора и море», «Украденное время» и др. В книге также содержатся сведения о жизни и творчестве М. Ахмадова.

Роза Межиева

К нашим иллюстрациям**Свободный художник**

Иса Масаев родом из селения Гойты Урус-Мартановского района. Родился 17 августа 1959 года. Окончил среднюю школу, параллельно учился в детской художественной школе № 1. Обучался в классе Валерия Храмова, занимался в студии изобразительного искусства Ю.А. Шевченко, заслуженного художника СССР. В 60–80-е годы Шевченко был известным художником в нашей республике, в своей студии он собирал одаренных и талантливых детей, с которыми занимался в ДК им. Ленина (позднее ДК «Кавказ»).

По окончании детской художественной школы Иса уезжает в Санкт-Петербург, где три года посещает занятия вольным слушателем Санкт-Петербургской академии живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Занимался в мастерской известного художника А.А. Мельникова.

Дальнейшая творческая судьба талантливого художника была настолько насыщенной и разнообразной, что уловить географию его путешествий и поездок довольно тяжело. 15 лет Иса работал в Москве, на Арбате, свободным художником. Переехал в Санкт-Петербург, где продолжил опыт, накопленный на Арбате, и писал портреты на Невском проспекте. Сам художник говорит, что Невский проспект и Арбат – любимые его места. «У тебя есть возможность видеть каждый день новые лица. Каждый человек – это индивидуальность».

Когда в республике грянула «чеченская революция», уехал в Прибалтику, позднее – в Германию. Одесса – последнее пристанище художника. Ему не сидится на одном месте, он вечно в поисках, пытается найти что-то новое для себя в технике, общаясь с коллегами. Сам Иса говорит, что в этих поисках ему во многом помогли советы Султана Юшаева, известного художника-живописца не только в нашей республике, но и за рубежом. В его мастерской он многому научился. Неизменной темой всех работ Исы является его родина – Чечня.

Иса – художник многоплановый, ему легко удаются как портреты, так и пейзажи.

Работы художника хранятся в частных коллекциях по всему миру: в Бельгии, Франции, США, Италии, Турции, Иране, Москве, Одессе и др. странах и городах.

Он не очень любит выставлять свои картины на всеобщее обозрение. Объясняет это тем, что не хочет работать на заказ. Однако нет правил без исключений: в этом году художник планирует провести в Грозном совместно с Султаном Юшаевым выставку.

На обложке журнала представлены следующие работы И. Масаева: 1 стр. – «Седой Кавказ», 2 стр. – «Одесские зарисовки», 3 стр. – «Дождь», 4 стр. – «Край вайнахов».

Сацита Исраилова

Сведения об авторах и переводчиках

Тауз Исс (Тауз Исаев). (1951). Поэт, эссеист, прозаик. Окончил Московский литературный институт им. М. Горького (семинар поэзии). Автор поэтических сборников «Пространство души», «Горсть», «Линии», эссеистики «Грани», прозы «Путешествие в полдень». Вице-президент Академии культуры Кавказа. Член СП Абхазии (2002), ЧР и РФ (2007).

Нодар Думбадзе (1928–1984). По окончании средней школы поступил в Тбилисский университет на экономический факультет, который окончил в 1950 году. С 1957 года перекладывается целиком на литературную работу, работал в журналах «Цискари» («Рассвет»), «Нианги» («Крокодил»). С 1962 по 1965 год был сотрудником сценарного отдела на киностудии «Грузия-фильм». В 1965 году вновь вернулся в журнал «Нианги», где работал главным редактором до 1973 года. Депутат ВС СССР с 1979 года.

Лауреат Ленинской премии (1980) за роман «Закон вечности» (1978), премии Ленинского комсомола (1966) за повесть «Я, бабушка, Илико и Илларион» (1963), Государственной премии Грузинской ССР имени Ш. Руставели (1975). Автор рассказов, повестей, романов и киносценариев на грузинском языке.

Султан Маргошвили (1933). Родился в с. Дуиси Ахметовского района Грузинской ССР. После окончания ЧГПИ работал учителем, директором Алхан-Юртовской средней школы. Перевел на чеченский язык произведения Важи Пшавелы, Акакия Церетели, Нодара Думбадзе, Давида Гурамишвили и других грузинский классиков. Член Союза писателей РФ.

Аслан Шатаев (1981). В 2008 году окончил Современную гуманитарную академию по специальности «Юриспруденция». Писать начал в 1999 году. Публикуется с 2002 года в местных журналах и газетах, а также в журнале «Дружба народов» и в сборнике «Молодые писатели Кавказа». Участник I, II и III Совещаний молодых писателей Северного Кавказа в 2008, 2009 и 2010 гг. и X Форума молодых писателей России, стран СНГ и дальнего зарубежья (Москва, 2010).

Марьям Нохчиева (псевдоним). Журналист, поэт. Автор сборников «Земля чеченская» (2006), «Другое измерение». Материалы автора неоднократно публиковались в журналах «Вайнах», «Орга», в газете «Вести республики».

Шамсудди Макалов (1942). Окончил Дагестанский медицинский институт в 1965 году. Публикуется в республиканской периодике с 1959 года. Автор книг «Малярные кисти» (юмористическая повесть, 1964, Махачкала), «Счастье шагать» (стихи, 1974, Грозный), «Первые шаги» (повесть на чеч. яз., 1983, Грозный), «Деши» (повесть, 1987, Тюмень), «Необыкновенная ночь» (рассказы на чеч. яз., 2005, Грозный), «Вечерние размышления» (стихи, поэмы, 2006, Грозный), «Весенние голоса» (стихи, 2006, Грозный), «До восхода солнца» (стихи, рассказы, 2008, Грозный). С 1969 по 2008 год работал главным врачом Шатойской госсанэпидстанции. Заслуженный врач ЧР, член Союза писателей РФ (1992).

Ибрагим Хизиров (1975). Окончил Грозненский нефтяной институт. В настоящее время получает 2-е образование в ЧГПИ по специальности «История и юриспруденция». С 2006 года являлся ответственным секретарем, а с 2011 – редактором отдела журнала «Нана». Пишет статьи публицистического характера.

Тамара Бурсагова. Окончила филологический факультет ЧИГУ в 1996 году. Работает преподавателем педагогики и психологии в ЧГУ. Пишет статьи научного и публицистического характера. Публикуется в периодической печати с 2010 года.

Муса Багаев (1941). Доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки Чеченской и Ингушской республик. Окончил историко-филологический факультет Чечено-Ингушского пединститута в 1964 г., аспирантуру по археологии в Институте археологии Академии наук СССР в 1971 году. В том же году защитил кандидатскую диссертацию, а в 2005 году в Институте археологии РАН – докторскую диссертацию на тему «Культура горной Чечни и Дагестана в древности и Средневековье – VI век до н. э. – XII в. н. э.». В 2008 году в издательстве «Наука» (г. Москва) вышла одноименная монография. Опубликовано около двухсот научных работ, в том числе книги: «Тайна имен» (1994), «Мифы народов Кавказа» (1996), «Источники исторического краеведения Чечни» (2006), «История народов Северного Кавказа с древнейших времен до VIII века», «История Чечни с древнейших времен до наших дней» (I том вышел в 2006 году, II том – в 2008). Является соавтором фундаментальных статей по истории древней и средневековой Чечни. На протяжении многих лет являлся деканом исторического факультета ЧГУ и зав. кафедрой истории Древнего мира и Средних веков.

Ахмет Денисултанов (1953). Окончил филологический факультет ЧИГУ. В местной периодической печати публикуется с 1984 года. Жанры творчества – поэзия, проза, афористика. Автор сборника «Афоризмы» (1988).